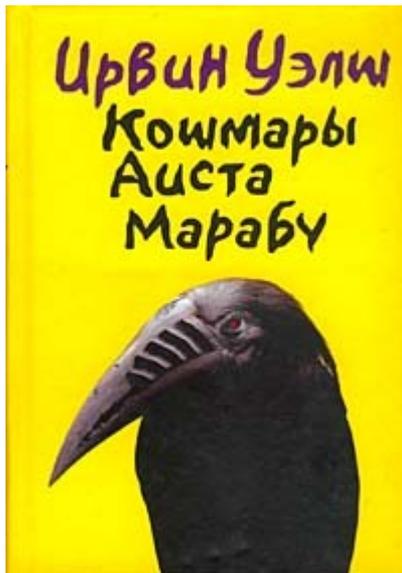

**Ирвин Уэлш
Кошмары Аиста Марабу**

OCR – Killer Bee

«Ирвин Уэлш. Кошмары Аиста Марабу»: Ред Фиш Паблшинг; 2002

ISBN 5-901582-02-0

Оригинал: Irvine Welsh, "bou Stork Nightmares", 1995

Перевод: Д. Симановский

Аннотация

Рой Стрэнг находится в коме, но его сознание переполнено воспоминаниями. Одни более реальны – о жизни Эдинбургских окраин – и переданы гротескно вульгарным, косным языком. Другие – фантазия об охоте на африканского аиста марабу – рассказаны ярким, образным языком английского джентльмена. Обе истории захватывающе интересны как сами по себе, так и на их контрапункте – как резкий контраст между реальной жизнью, полной грязи и насилия, и придуманной – благородной и возвышенной. История Роя Стрэнга – шокирующий трип в жизнь и сознание современного английского люмпена.

Ирвин УЭЛШ КОШМАРЫ АИСТА МАРАБУ

Триш, Дэйви, Лоре и Шону

Предисловие

Еще раз спасибо. В первую очередь и самую глубокую благодарность выражаю Анне по причинам, которым можно было бы посвятить все книги на свете, так и не отдав должного.

Затем Кении Мак-Миллану и Полу Рики за то, что они снабдили меня массой идей для этой книги и предоставили большую часть информации, необходимой для выполнения этого замысла; спасибо многочисленным парням из Восточного сектора (где раньше были ряды, а теперь, к сожалению, стоячие трибуны) за сведения знатоков. Кевину Уильямсу, Барри Грэхаму и Сэнди Мак-Нуару за то, что они пробежали рукопись своими глазами «в точку» и сделали несколько полезных замечаний. Без слов понятно, что вышперечисленные не несут ответственности за множество недочетов, только вот без их вмешательства дерьмовых кусков в этой книге было бы еще больше.

Спасибо муниципалитету города Мюнхена, без чьего щедрого гостеприимства эта книга не была бы написана столь быстро.

Всем издателям, особенно Робину Робертсону, и Ники Итону, и Лесли Брюсу, лучшему редактору Западной Европы. Джефу Баратту из «Божественной».

Моим приятелям в Эдинбурге, Глазго, Лондоне, Манчестере, Амстердаме и других местах, на которых я всегда могу положиться, что они вытащат меня в клуб, или бар, или на трибуны – немного покуролесить – всякий раз, когда мне угрожает приступ здравомыслия. Вы знаете, кто вы, наше вам с кисточкой всем вместе и каждому в отдельности.

*Скептицизм был сформирован в
Эдинбурге двести лет назад Дэвидом
Юмом и Адамом Смитом. Они сказали:
«Давайте дадим религию черным, но
сами не будем в нее верить». Вот где
высший пилотаж.*

P. R.

Мы должны осуждать больше и понимать меньше.

Д. Мейджер

Часть первая Потерянные империи

1. Еще одна потерянная империя

Я. И. Джеймисон.

Нас. Было. Двое.

В этом путешествии, в путешествии на безумной скорости по странной земле на непонятной колымаге.

Меня все время тормозят, пытаются разбудить. Сказано же – не буди лихо, пока оно тихо. Но они не понимают и все время суются, куда не следует. Когда эти гниды берутся за свое, идут помехи, и мне приходится уходить еще глубже.

ГЛУБЖЕ. Идут помехи

Я теряю контроль, когда встречаю – и начинаю постепенно подниматься.

– Мы пришли померить тебе температуру, Рой. Сестра Нортон, у Вас судно под рукой? По

большому, Рой. Пора сходить по большому.

– Сегодня он выглядит получше, правда ведь, сестра Дивайн? Ты подаешь надежды, Рой, дорогой.

Ладно-ладно, только уберите свои грабли с моей жопы.

ГЛУБЖЕ.

ГЛУБЖЕ.

Здесь, внизу, Сэнди Джеймисон – мой лучший друг, в прошлом он – профессиональный спортсмен и опытный охотник на диких зверей-каннибалов; я заручился его поддержкой в поисках, которые веду с тех пор, как себя помню. Поскольку память у меня практически отсутствует, вояж этот мог начаться на прошлой неделе, а может – длится с начала времен. Есть какая-то причина, по которой я должен уничтожить крылатого хищника, питающегося падалью, известного как Аист Марабу, я хочу извести эту злобную тварь с просторов Африки. Меня преследует образ страшной птицы, крупной особи этого отвратного вида, я знаю только одно – стервец должен пасть от моей руки.

Что касается других событий, мне непросто будет даже вспомнить, как мы с Сэнди Джеймисоном стали друзьями. Я точно знаю, что, когда я попал сюда, он мне очень помог, этого вполне достаточно. Я не хочу вспоминать, где я был раньше. Мне противно мое прошлое, размытые очертания которого совсем не хочется ловить в фокус. Здесь и сейчас, Африка и Сэнди – вот мое настоящее и будущее.

Свежий ветер дует мне в лицо. Я перевожу взгляд на компаньона, сидящего за рулем нашего джипа, и вижу – он в хорошем настроении.

– Ты ведешь уже, Бог знает сколько. Давай я тебя сменю, – вызвался я.

– Отлично! – ответил Сэнди, прижимаясь к обочине рядом с запыленным грузовиком.

На моей груди пристроилась огромная муха. Я прихлопнул ее.

– Фу! Эти мухи, Сэнди, положительно гнусны!

– Абсолютно, – смеется он, перебираясь на заднее сиденье. – Вот бы оглобли размять, – улыбается он и вытягивает загорелые, мускулистые ноги.

Я перебираюсь на место водителя и завожу мотор.

Эта развалюха, немного провианта и кой-какие гроши – вот и все наше с Сэнди имущество. Большую часть нашего состояния не так давно экспроприировал один хитрый и, пожалуй, морально неполноценный абориген, которого мы имели глупость взять проводником.

Сначала мы думали воспользоваться услугами местных парней, но те недокормленные особи, которых мы встречали, выглядели вовсе неаппетитно в том смысле, что... они явно не соответствовали физическим требованиям, которые неизбежно накладывало путешествие в нашей компании. В итоге мы заручились услугами одного изворотливого мальчугана, проходившего под именем Моисей. Мы восприняли это как доброе предзнаменование. Действительность доказала ошибочность наших ожиданий.

Моисей был родом из убогого городка, каких ютится множество по берегам озера Торто. Признаться, наше положение не позволяло нам щедро расплачиваться с прислугой, однако обращались мы с Моисеем хорошо и едва ли заслужили подобной благодарности: этот жулик дал деру, прихватив все наши денежки и припасы.

Слабость к халяве, на мой взгляд, преобладает среди небелых народностей, что весьма печально, однако всю вину я безоговорочно возлагаю на плечи белых колонизаторов, которые, взяв на себя ответственность за

БОЖЕ, ЭТО ГРЕБАНОЕ СОЛНЦЕ СЛЕПИТ МНЕ ГЛАЗА

– я

начинаю

подниматься

Рой, я свечу фонариком тебе в глаза. Зрачок расширяется еще заметнее. Хорошо. Хорошо.

ИДИ ТЫ НА ХУЙ

– Действительно, Рой, реакция значительно лучше. Хотя, может быть, это просто рефлекс. Попробуем еще раз... нет... теперь ничего...

Конечно, вам за мной не угнаться. Здесь вы меня больше не поймаете.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Сэнди мастурбирует на заднем сиденье, а она, знай, хохочет... да что за на хуй, что здесь происходит... почему здесь она... мы должны быть вдвоем, я и Сэнди... я уже не слежу за дорогой, а слышу только, как она смеется, и вижу в зеркале ее лицо. Она карикатурно поморщилась, когда его сперма выстрелила ей на кофточку. У нее лицо как... я хотел бы... я ревную. Я ревную Джеймисона. Мне не нравится, что она сидит там и смеется, бодрит и поощряет его; я хочу закричать: «На что ты там его подбиваешь, мандавоха!», но я должен сосредоточиться на дороге, ведь раньше я никогда не водил...

Я не могу отвести глаза от Сэнди Джеймисона. За щедрым, хоть и немного топорным фасадом этого парня притаилось целое чертово племя. Меня так и подмывает закричать:

– Джеймисон, ты всего лишь метафора – игра воображения. Ты существуешь только у меня в голове. Мне не на что сердиться, ты всего лишь олицетворение моего чувства вины, его проекция.

Смех, да и только. Сэнди мой друг, мой проводник. Лучше друга у меня никогда не было, но...

Но теперь его член у нее во рту, головка оттягивает щеку, упираясь изнутри. Эта припухлость выглядит ужасно, как гримаса. Лицо Сэнди и того страшнее: он надулся и покраснел, при этом бритая голова осталась темной, а впадины вокруг зеленых глаз белыми – такой вот негативчик.

– Нет, я вполне настоящий, – задыхаясь, говорит он, – мой штык во рту у твоей девочки.

В зеркале, одновременно пытаюсь следить за пыльной, петляющей тропой, которую они здесь называют «дорогой», я вижу, как ее лицо изнутри разрезает лезвие бритвы. Я понимаю, что машина, на которой мы едем, составляет теперь неделимое целое с моим собственным телом, и меня охватывает паника. Нас мотает из стороны в сторону, подбрасывает, мы взмываем стремительно вверх, в трепещущую стену света. Я бешено глотаю густой, тяжелый воздух, такое ощущение, будто легкие наполняются водой. Я слышу пронзительный крик хищной птицы, пролетевшей надо мной так близко, что чувствуется гнусный запах падали, от нее исходящий. Я собираю оставшиеся силы, чтобы справиться с управлением, и тут обнаруживаю, что ее уже и след простыл, а Сэнди сидит рядом со мной на переднем сиденье.

– Там стало немного тесновато, – улыбается он, показывая назад, где расселось какое-то японское трио – все в деловых костюмах, возбужденно щелкают фотоаппаратами и болтают между собой на языке, который мне непонятен, но и на японский непохож.

Короче, полный пиздец.

И вот в этом пиздеце Сэнди – лучший сталкер?

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Да.

Я уже чувствую себя значительно лучше. Чем глубже, чем дальше я забираюсь от них, тем лучше я себя чувствую. У Сэнди Джеймисона изменилось выражение лица, он перестал быть насмешливым соперником и снова взял на себя роль преданного друга и проводника. Это означает, что я вернулся туда, где им меня не достать: в глубокие сферы собственного сознания.

Но они не оставляют своих попыток; я чувствую их даже отсюда. Все пытаются засунуть мне в сраку еще одну трубку, или что-нибудь в этом роде, нарушая таким образом мои личные... нет, только не это... смени тему, держи себя в руках.

В руках.

Сэнди

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Японский бог! – воскликнул Сэнди, когда у нас перед носом, мимо ветрового стекла пролетел ни к селу ни к городу Аист Марабу. Я знал, что это как раз тот, что нам нужен, но преследовать его бесполезно, ведь я едва управлялся с машиной. Кроме того, угнаться за птицей в полете невозможно, но потом мы приложим все усилия, чтобы определить место его гнездовья и уничтожить эту тварь. А пока время терпит, мы медленно снижаемся, со странным гидравлическим посвистыванием, чтобы приземлиться в тропических лесах. – Мне никак не справиться с управлением, Сэнди, – признал я свое поражение, безуспешно подергав рычаги и понажимав кнопки. В отчаянье я скидываю руки. Хочется еще полетать. Кажется, что и не нужно спускаться.

– Печенье осталось, Рой? – спросил Сэнди с пристрастием.

Я заглянул в пачку на панели – осталось всего три штуки; значит, эта жадоба, этот вредитель сожрал почти все!

– Боже мой, Сэнди, ты сегодня прямо Робин-Бобин Барабек, – заметил я.

Сэнди залился высоким, чистым смехом.

– Нервы, я так думаю. Приземляться особого желания нет, но хоть похавать можно будет прилично.

– Хотелось бы надеяться!

Наш корабль неумолимо спускался, приближаясь к тому, что сначала казалось небольшим поселением, но затем, непрерывно расширяясь вне нашего поля зрения, вдруг предстало перед нами гигантским мегаполисом. Мы пикировали на старое каменное здание в колониальном стиле, крыши не было – по периметру больших стен здания торчали лишь зазубрины битого стекла.

Мне казалось, что нашему кораблю не удастся поместиться в проем, я напрягся в ожидании столкновения. Однако размеры корабля, похоже, изменились в самый раз, чтобы вписаться, и мы пролетели. Мы приземлились в весьма пристойной зале готической каменной кладки. В здании, очевидно, размещалось какое-то учреждение. Его величие наводило на мысль о безбедном прошлом, а жалкое состояние, в котором оно содержалось, указывало на нищенское и куда менее цивилизованное настоящее.

– Думаешь, нам сюда можно? – неуверенно спросил Сэнди.

– А почему нет, мы же исследователи, разве не так? – ответил я.

Выбравшись из машины (теперь наше средство передвижения стало похоже на машину, обыкновенный семейный «седан»), мы заметили, что вокруг бесцельно бродит множество людей, а наше появление осталось без внимания. Под ногами хрустело разбитое стекло. У меня разыгрался нешуточный приступ паранойи: мне показалось, что аборигены могут повесить на нас разбитую крышу. Нашей вины здесь не было, однако косвенные улики могли натравить на нас беспринципную шайку злобных чиновников коррумпированного режима, каким в большей или меньшей степени является всякий режим. У меня не было абсолютно никакого желания забираться обратно в наше транспортное средство, впрочем, как и у Сэнди, – так решительно вытаскивал он свой рюкзак, содержащий половину наших запасов. Я последовал его примеру и закинул свой за плечи.

– Вот так шоу, – заметил я, повернувшись к Сэнди, который наблюдал за происходящим с усиливающимся чувством отвращения. Два белых прошли прямо рядом с нами, полностью проигнорировав наше присутствие. Я уже начинал питать надежды, что, может быть, мы невидимы, но тут Сэнди взревел:

– Возмутительно! Я, бывалый исследователь и профессиональный футболист, требую, чтобы меня приветствовали как подобает!

– Ладно тебе, Сэнди, – улыбнулся я. Пытаясь утешить друга, я положил ему руку на плечо.

Этот возглас, естественно, способствовал тому, что нас наконец заметили, что, впрочем, выразилось лишь в том, что некоторые из присутствующих граждан стали вести себя враждебно, в особенности банда молодых головорезов, которые стали бросать на нас оценивающие взгляды.

Три тысячи чертей.

Ебическая сила.

– Сэнди – настоящий enfant terrible британского футбола, – промямлил я, пытаюсь объяснить. поднимаюсь

– Все в порядке, Рой?

И тут я почувствовал что-то – я

Я ЧТО-ТО ЧУВСТВУЮ, ДА, Я ЧУВСТВУЮ, НО ВЫ, СУКИ, ИДИТЕ НА ХУЙ И НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ, ВАМ НИКОГДА МЕНЯ НЕ ДОСТАТЬ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Сматываемся, Сэнди, – кивнул я ему, заметив, что парни из шайки помрачнели и-я поднимаюсь-черт, я опять потерялся – **ОПЯТЬ ЭТИ СУКИ, ОСТАВЬТЕ ВЫ МЕНЯ В ПОКОЕ.** Сейчас я чувствую, как в руку мне вонзается клюв, кто это, если не Аист Марabu; это мой укол, химические препараты, но не те, что затуманивают и успокаивают мой мозг, не те, от которых я забываюсь, нет, от этих я вспоминаю...

О Боже, и что же я так хорошо помню...

Лексо сказал: главное – не расколоться. Не должен никто обоссаться; в конце концов, эта шлюха сама напросилась. Как она себя вела, какой шум создавала вокруг своей задницы, не мы, так другие ее бы выебали. Ну да, потрепали сучку немного, но ведь нас оправдали, британское правосудие и все такое. Ну, не повезло, выбрала не лучшее место, не лучшее время, в конце концов, это все Лексо виноват...

...смени тему... хватит об этом. Я должен охотиться на Аиста, он олицетворяет весь ужас, всю испорченность. Если я убью Аиста, я задушу испорченность в себе. Тогда я буду готов выйти отсюда, проснуться, занять свое место в обществе, ну и все такое. Ха. Они будут в шоке, когда увидят, как этот полутруп, горсть разлагающейся плоти и костей, вдруг встанет и скажет: – Здорово, пацаны! Ну, как вам фокус?

– Здорово, сын!

ЕБАТЬ! ОПЯТЬ ОНИ. СНОВА И СНОВА. ОНИ СЧИТАЮТ, ЧТО МНЕ ПОСТОЯННО НЕОБХОДИМО ИХ ПРИСУТСТВИЕ. У НИХ ЧТО ЗДЕСЬ, НЕТ ЧАСОВ ПРИЕМА ГРЕБАННЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ?

Мой отец. Рад тебя видеть, пап. Да, да, продолжай, а я пока вздремну.

– Ну, как дела? Слыхал, мы вышли в финал. После того, что с тобой случилось два года назад, мы даже не приближались к финалу, но хватит проигрывать. Мы вышли в финал! Один-ноль. Даррен Джэксон. Сам-то я не ходил, а Тони был. Я собирался пойти, но так и не достал билет. Смотрел по телику. Один-ноль, знаешь-понимаешь. Даррен Джэксон, красивый гол, ну да. Тони записал комментатора на пленку, вот те на, записал, знаешь-понимаешь. Вет!

– Да.

– У тебя пленка?

– Чо?

– Пленка, Вет, я спрашиваю, у тебя пленка?

– Пленка...

– Что с тобой, Вет?

– Да там япошка, Джон.

– Да это же медсестра, Вет, медсестра, да и только. Даже, наверное, не япошка, а китайка, или что-нибудь в этом роде. Да, сынок? Я ж говорю, просто медсестра. Да, Рой, правда ведь, сынок?

ИДИ ТЫ НА ХУЙ, СТАРЫЙ МУДАК

– Медсестра...

– Ну да, сестричка китаёза. Хорошая девка. А, сынок? Ты сегодня получше выглядишь. Посвежел, знаешь-понимаешь. Вет, смотри, Рой как будто посвежел.

– У них этого не бывает. Все, куда ни плюнь, болеют, они нет.

– О чем ты?

– О СПИДе. Ты когда-нибудь видел японца, больного СПИДом? У нас болеют, в Штатах болеют, в Индии болеют, в Африке болеют. Наш Бернارد тоже, может, болеет. А они нет – они не заражаются.

– Что за пургу ты гонишь? Сестричка китаёза... приятная девчушка...

– А ты знаешь, почему? Знаешь, почему они не болеют?

– Вет, ну при чем тут...

– Да потому, что это они придумали СПИД. Они вывели эту заразу, чтобы потом завладеть всем миром!

– Ты чё, совсем сдурела? Пришла к Рою – а порешь всякий бред! Ты же не знаешь, что он слышит, и как это на него подействует! Ты совсем сдурела, что ли? Я тебя спрашиваю, знаешь-понимаешь!

МАМА, ПАПА, РАД ВАС ВИДЕТЬ, ПИЗДЕЦ, КАК НЕ ХОЧЕТСЯ ВЫХОДИТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ, ДАЖЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К ВАШЕМУ ОТВРАТИТЕЛЬНОМУ МИРУ, МНЕ НУЖНО УХОДИТЬ, ГЛУБЖЕ, ЕЩЕ ГЛУБЖЕ, Я ДОЛЖЕН ОХОТИТЬСЯ НА АИСТА МАРАБУ, Я ДОЛЖЕН ВЗЯТЬ СЕБЯ В РУКИ.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Джеймисон.

Нам как-то удалось свалить от недовольной черни, и в результате мы оказались на краю тру-

щобного района: огромные гниющие кучи мусора на берегу отравленного озера, недокормленные дети играют в грязи. Некоторые из них подошли к нам и стали попрошайничать, не особо рассчитывая на успех. Мальчуган диковатого вида, с кожей цвета темного шоколада уставился на нас и смотрит пристально, не отводя глаз. Кроме грязных потрепанных синих шорт и стоптанных ботинок без носков, на нем ничего нет.

– Смотри-ка, Рой, какое необычное существо, – улыбнулся Сэнди.

– Да, забавный заморыш, – ответил я. Мальчуган громко рассмеялся, после чего выпалил целую речь, из которой я не понял ни слова.

– Я думаю, это банту, – грустно сказал Сэнди, – звучит-то красиво и складно, только я ни в зуб ногой!

Мы раздали несколько монет, а Сэнди вытащил пакетик карамели.

– Был бы у нас мяч, я показал бы им пару ударов. Давайте-ка, собирайте команду! – крикнул он, и глаза у него загорелись.

Я взглянул на слепящее солнце. Весь день оно безжалостно палило, но скоро уже спрячется за зелеными холмами, возвышающимися над Изумрудным лесом. Красивое местечко, этот лес... мои мысли рассеяли какие-то крики и резкие звуки: ребята колошматили жестянку о затвердевшую колею грунтовок. Сэнди умело уводил кока-кольную банку от гибких конечностей детей племени банту. – Вот так, засранцы, здесь главное – завладеть ситуацией, – говорил он.

Он был спортсмен до мозга костей.

Трогательно было наблюдать, как тянется Сэнди к тренерской работе и развитию юношества, однако более насущные проблемы требовали решения. Наше средство передвижения осталось в присутственном месте, и никто из нас не отважился бы продолжить путешествие на такой непредсказуемой машине. – Нам нужен транспорт, Сэнди, – сказал я, – сдастся мне, наш Марабу гнездится где-то здесь.

Сэнди подал знак, и ребята разошлись. Один малыш, тот смешной заморыш, сверкнул на меня исподлобья своими черными глазенками. Я сам был не рад, что испортил такой футбол, но у нас были неотложные дела.

Сэнди решительным движением забросил жестянку в захламленное озеро, потом посмотрел на меня и грустно покачал головой. – Все это не так просто, как ты думаешь, Рой. Марабу – опасный противник и грозный враг, а мы одни, без запасов, без оборудования застряли в этой неприветливой местности, – объяснил он и проникновенно посмотрел на меня: – А почему тебе так важно убить большого Марабу?

Проклятье, гребаный пиздец.

Этот вопрос заставил меня притормозить и поразмыслить о мотивах своего поведения. Конечно, я мог начать разглагольствовать о духе охоты, мог бы нагородить о чудовищной резне, которую эти презренные твари совершают над другими представителями дикой природы; о том, как они могут повредить экологии всего региона, как они распространяют чуму и другую заразу по окрестным деревьям. Конечно, это задело бы нужные струны, и в Сэнди разыграли бы и гуманистические принципы, и жажда приключений.

Проблема лишь в том, что это было бы неправдой. Более того, Сэнди понял бы, что я лгу.

Я прочистил горло и отвернулся от слепящего солнца. Мне не хватало дыхания, я чувствовал, как слова буквально испаряются у меня во рту, пока я готовлюсь что-нибудь сказать. Я прокашлялся, чудом нашел в себе силы и начал: – Так сразу и не объяснишь, Сэнди: не для собственного удовольствия и уж всяко не в угоду кому бы то ни было. Знаю только, что мы с этим Марабу уже встречались, может быть в прошлой жизни, и что он – само зло, и что мне важно его уничтожить.

Сэнди смотрел на меня несколько секунд, на лице его застыло выражение сомнения и страха.

– Ты веришь мне, друг? – спросил я, смягчив тон. Лицо моего друга озарилось роскошной улыбкой, он крепко обнял меня, и я заключил его в свои объятия. Разнявшись, мы ударили по рукам.

– Мы его сделаем, мерзавца, – улыбнулся Сэнди, и уверенность металлическим блеском заиграла в его глазах.

К нам подошли еще двое негрятят из футбольной команды. Они были одеты в лохмотья.

– Гомосеки? – спросил мальчуган. – Отсосу за доллар.

Сэнди посмотрел на парнишку с покрытыми коростой губами.

– Иногда бывает тяжело, малыш, но отдаваться белому за деньги – это не решение. Он взъерошил ему волосы, и мальчишка убежал вприпрыжку по тропинке, ведущей в поселок.

Мы продолжили путь пешком, с рюкзаками за плечами, из деревни на другой берег озера. Ветер поменял направление, отчего мусорная вонь стала непереносимой в маревой жарнице. Вокруг нас роились отвратительные насекомые разнообразного калибра. Мы побежали и неслись до тех пор, пока окончательно не выдохлись, хотя «мы» – громко сказано: Сэнди, как профессиональный спортсмен, имел передо мной значительное преимущество по выносливости и физ-подготовке и мог бы, наверное, продержаться по – дольше.

Мы разбили лагерь на тенистой поляне, расположенной на более живописной стороне озера, и закатали пир, изучая содержимое наших съестных пакетов.

– Ммм! Пирог со свининой, домашнего приготовления, конечно, – сказал Сэнди.

– А это что... Боже мой, сыр! Целая головка! Понюхай, Сэнди, и ты вгрызешься в него не раздумывая!

– Да я его сейчас целиком проглочу, – улыбнулся Сэнди, – а вот и хлеб домашней выпечки, может, приступим?

– Нет, для начала съедим по свежеснесенному яйцу, – рассмеялся я.

– Не хватает только домашнего яблочного пирога и мороженого на десерт, – улыбнулся Сэнди, и мы жадно набросились на деликатесы. Тут Сэнди неожиданно посетила мысль, он повернулся ко мне и сказал: – Вот что, Рой. Нам нужно найти спонсора: кто-то должен профинансировать нашу охоту на Марабу. Я знаю, кто снабдит нас всем необходимым. Есть тут один – управляющий сафари-парка «Джамбола». Несколько миль вдоль по западному берегу озера – и мы там.

Я сразу понял, о ком говорит Сэнди, – Доусон. Мистер Локарт Доусон.

– Ты его знаешь?

Я неуверенно пожал плечами:

– Я слышал о нем, впрочем, кто не знает Локарта Доусона? Он заботится о своей популярности.

– Да, наш Локарт склонен к саморекламе, это факт, – сказал Сэнди, и в его голосе зазвучали нотки нежной фамильярности. Тут я вспомнил, Сэнди как-то говорил, что раньше он работал на Доусона.

Насчет саморекламы Сэнди не ошибся; Доусон просто не вылезал из «Новостей». Сейчас он собирался расширить владения своего парка, взяв под контроль прилегающую зону отдыха. Оставалось только догадываться, действительно ли разведение животных подразумевалось в проекте, который он называл «суперпарк», или у Доусона были другие планы. Он нажился на застройке земельных участков, а для земли в этом районе были значительно более выгодные применения, нежели устройство сафари-парка. Тем не менее Доусон мог быть нам полезен.

– Мы могли бы отлично провести время у старика Доусона, – сказал я, готовый к действиям.

– Не сомневаюсь: у него столько провизии, что можно прокормить целую армию, – согласился Сэнди.

Пронзительные крики, слившиеся в неистовый хор, внезапно прервали наш разговор. Я обернулся и увидел их. Можно было различить одну или две социальные группы, однако по большей части они стояли в отдалении друг от друга на мусорных кучах по берегу озера. Некоторые уселись, поджав под себя длинные ноги, другие медленно прохаживались туда-сюда. Огромный чертица, с размахом, наверное, не меньше метра и весом килограммов девять, повернулся к солнцу и расправил крылья, обнажив черный волокнистый подшерсток.

На выгнутой шее виднелась красноватая заплатка, на большом, конусообразном клюве коростой застыла кровь, белые пятна засохших экскрементов покрывали ноги. Это был крупный хищный падальщик, известный как Аист Марабу. Более того, это был как раз тот, что нам нужен.

– Смотри, Сэнди, – снова почувствовав, как слова пересыхают у меня в горле, указал я на другой берег озера, где на мусорной куче расположилась крупная птица.

Темная сила, исходившая из мертвых глаз твари, пронзила нас до спинного мозга.

– Ну давайте, крутки, вперед! – пронзительно крикнул я, и сразу почувствовал себя больным и слабым. Сэнди с тревогой посмотрел на меня.

– Послушай, Рой, чтобы взяться за этого гада как следует, нам нужно оружие. Его клюв острее бритвы и содержит трупный яд разлагающихся туш: одна царапина может привести к летальному исходу. Давай встретимся с Доусоном. Его земли одно время были зачумлены этими тварями, но он нашел способ расправиться с ними.

ЭТИ ТВАРИ – УБИЙЦЫ. ИМ, ГЛАВНОЕ, КОГО-НИБУДЬ ПОКАЛЕЧИТЬ, А НА ИГРУ ИМ

НАПЛЕВАТЬ...

Э?

Блядь-я

начинаю

подниматься

Мы уходим, сынок, твоя мама и я. Пошли мы, значит. БЫВАЙ, СЫНОК! Выздоровливай! Поправляйся,

Это мы, твой папа и мама, желаем тебе скорейшего выздоровления. Ну, до завтра. Завтра зайду. БЫВАЙ, РОЙ!

Ай, ай, ай! Как он всегда орет, мать его. Да я не глухой, мудила! Иногда я чувствую, что легче будет просто открыть глаза и крикнуть: ПШЕЛ ТЫ НА ХУЙ!

– Едва-а-а ты вошел в казино, как сразу затмил остальных-ы-ы-х, богатый красавчик...

Это что за ахинея? Мама. Вот загудела-то, пиздец.

–...шикарный кутила...

– Ты чё делаешь Вет? Чё это ты разыгралась?

– Помнишь, Джон, они сказали, что ему можно петь. Врачи говорят. Знаешь, ведь музыка бьет по другой части мозга. Вот почему мы принесли сюда эти записи. Я просто подумала, что это больше понравится нашему мальчику, ну, вроде как живое выступление. В детстве он очень любил, когда мы пели «The Big Spender», помнишь?

– Ну да, но музыка и пение не одно и то же. Это разные вещи. То, что ты делаешь, – это пение. Это и музыкой-то не назовешь, Вет. Это не совсем музыка, знаешь-понимаешь.

– Так можно позвать Тони, чтоб он подыграл на гитаре. Я спою «The Big Spender», запишем на кассету, у мальчика есть магнитофон, да, Джон? Я могу все устроить.

ПРОКЛЯТЬЕ, ГОСПОДИ, СПАСИ И СОХРАНИ...

Уверен, мама расстроилась, и они опять затеяли ругань. Когда они ушли, я почувствовал облегчение, пиздец, какое облегчение. Даже теперь они мешают мне, даже здесь сбивают меня с толку. Мне нечего им сказать, я о них ничего не думаю, да и не задумывался никогда. Кроме того, мне не терпится вернуться к Сэнди, чтобы продолжить нашу погоню за Марабу. Но теперь я слышу другой голос, такой мягкий женский голосок, и принадлежит он Патриции Дивайн:

– Посетители ушли, Рой.

Голос у нее приятный, в меру сексапильный. Может, в мире грез мне удастся завести любовную интрижку, немного фака в повседневность, нет-нет-нет, фака не будет, потому что именно из-за него и началось все это слюнтяйство, и я стал превращаться в разлагающийся полупроводник между этим светом и другим; я чувствую прикосновение Патриции Дивайн.

Чувствую ли я его на самом деле, или мне только кажется, слышал ли я своих родителей, или это игра моего воображения. Не знаю и знать не хочу. У меня есть только входящая информация, и мне не важно, идет ли она от органов чувств, из памяти или из воображения. Не важно, откуда она, важно, что она есть. Единственная реальность – это образы и тексты.

– Ничегошеньки от тебя не осталось, – весело говорит она, и я чувствую, как атмосфера накалилась. Старшая сестра бросила на Патрицию недовольный взгляд за критическое замечание в присутствии овоща. В свое время я весил под девяносто кг, конечно. Однажды я уже чуть было не отправился в ад для толстых (Фэтхел, Мидлотиан, население 8619), с толстой женой, толстыми детьми и толстой собакой, туда, где худые только кошельки.

Вот я слышу, как уходит старшая, оставляя меня наедине с просто Божественной Патрицией. Может, она и старая корова, но мне нравится думать, что она молода и красива. Возможность предстать выводит мое существование на более качественный уровень. Других возможностей у меня не так много. Я определяю качество, высокое или низкое, по своему усмотрению. Если бы они только отъебались от меня и дали мне возможность разрулить все самому. Мне не нужны их представления о качестве, их гребаный мир, который сделал меня тем убищем, которым я был. Здесь, в глубине, я – овощ, и мне хорошо в тайном мирке своего воображения: я могу фачить, кого захочу, убивать, кого пожелаю, нет-нет-нет, только не это, я могу делать то, чего мне хотелось, что я пытался делать там, наверху, в реальном мире. Возвращаться не надо. Все равно этот мир для меня вполне реален, и я останусь здесь, внизу, где им меня не достать, во всяком случае до тех пор, пока я во всем не разберусь.

Последнее время это не так-то просто. События и действующие лица вторгаются в мое созна-

ние, незваные гости вламываются на мою частную ментальную вечеринку, навязывают мне свое общество. Например, Джеймисон, а теперь еще этот Локарт Доусон. Так или иначе, это дает мне ощущение движения к цели: я знаю, зачем я здесь. Я здесь, чтобы уничтожить Марабу. Зачем – не знаю. Зато знаю, что мне нужна помощь, и что в этой охоте Джеймисон и Доусон – единственно возможные мои союзники.

Вот такая дребедень у меня вместо жизни.

2. Окраина

Мои родные, среди которых я вырос, это не семья, а генетическая катастрофа. Большинство людей живут с ощущением, что дома у них все нормально, я же с раннего детства, практически с тех пор, как начал соображать, стеснялся своей семьи, стыдился ее.

Осознание это пришло, думаю, из-за тесного (в буквальном смысле) общения с соседскими семьями, наполнявшими отвратительный кроличий загон, в котором мы жили. Блочные пятиэтажки 60-х годов постройки, бетонные гробы с длиннющими лестничными площадками, которые в шутку называли «взлетной полосой», а вокруг ни кафе, ни церкви, ни почты, только такие же клетушки. Будучи прижаты друг к другу, люди, как ни старались, не могли уберечься от постороннего взгляда. На лестнице, на общих балконах и в сушилках, через матовые стекла и решетчатые двери я ощущал нечто, чем, казалось, обладали все, но чего нам, похоже, не хватало. Элементарная нормальность – вот чего нам не хватало.

Иногда о нашем районе писали в газетах. Скучные статьи на целые страницы рассказывали о бедности жителей окраин. Да, мы были бедны, но я всегда считал, что беспросветная скука больше, нежели нищета, характеризует наш район, хотя, конечно, связь между ними очевидна. Я лично предпочитал стерильную скуку, окутывающую мой дом извне, истеричному хаосу, в нем царившему.

Старик мой – клинический случай: отмороженный на всю голову. Мамец – и того хуже. Они были обручены давным-давно, но, когда пришло время пожениться, с ней случилось психическое расстройство, то есть первое из череды подобных расстройств. Это случалось с ней периодически на протяжении всей жизни, пока она не дошла до нынешнего состояния, когда уже нельзя с уверенностью сказать, в нормальном она состоянии или нет. Короче, в психушке она познакомилась с санитаром-итальянцем, с которым и сбежала к нему на родину. Через несколько лет она вернулась с двумя малышами, моими сводными братьями, Тони и Бернардом.

Старик уже собирался жениться на другой. Это доказывает, что в Грантоне начала 60-х были как минимум две безумные женщины. Уже была назначена свадьба, когда мама – Вет (уменьшительное от Верити) – снова появилась в баре заведения под названием «Якорь». Как потом это часто рассказывал отец: «Я поднял голову, наши глаза встретились, и тут старые чары снова подействовали на меня».

Так-то вот. Вет сказала Джону, что с путешествиями она завязала, что он единственный, кого она всегда любила, и попросила на ней жениться.

Джон ответил «да» или выразил свое согласие как-то иначе, но в итоге они скрепили брачные узы. Он взял на себя опеку над двумя итальянскими бамбино, которые, как позднее призналась Вет, были от разных отцов. Я родился примерно через год после свадьбы, еще через год на свет появилась моя сестренка Ким, а потом и Элджин, унаследовавший имя от городка в Хайлэнде, где, как считал отец, он был зачат.

Да, красивое семейство – это не про нас. Я-то еще относительно легко отделался, подчеркиваю – относительно. Глядя на меня, можно было только предположить, что я «Стрэнгова порода», как нас шепотом называли соседи, тогда как Ким и Элджин являлись ярчайшими представителями этого типа. Суть «Стрэнговой породы» такова: вогнутое лицо с выдающимся вперед острым лбом, линия которого под острым углом спускается к большим мутным глазам и приплюснутому носу, далее следует криво очерченный рот, тонкие губы, а затем пологий спуск до кончика крупного, далеко вперед уходящего подбородка. Такая вот дебило-ваго-лунатичная физиономия. Большие оттопыренные уши, доставшиеся мне от мамы, которая в общем и целом выглядела нормально (за длинной прической и темными волосами уши были не видны), были для меня еще одной тяжелой ношей.

Моим старшим братьям повезло больше. Они пошли в мать и, вероятно, в своих итальянских отцов. Тони, несмотря на склонность к полноте, чуть-чуть похож на футболиста Граема Соунесса, только волосы потемнее, да кожа посмуглее, да и не такой он все-таки страшный. Бернард, светлень-

кий, худенький барашек, с детства отличался вызывающей женоподобностью.

Мы же унаследовали «Стрэнгову породу» от старика, а он, как я уже говорил, стопроцентный клинический случай. На крупное, заостренное по концам лицо Джона Стрэнга водружались очки в толстой оправе с линзами с увеличительное стекло, что делало его напряженные, сверкающие глаза еще больше. Создавался странный эффект – будто он только что шел вдалеке и вдруг оказался прямо перед вами; при его появлении многие нервничали, чувствовали себя неловко. Если бы у вас был истребитель с вертикальной посадкой, вы бы легко могли приземлиться на его лбу или подбородке. Носил он просторную меховую куртку коричневого цвета и прятал под нее дробовик, когда со своей верной овчаркой Уинстоном выходил в ночной патруль по району. Этот Уинстон был просто чудовище, я был счастлив, когда он отдал концы. Очень скоро его место занял еще более свирепый зверь той же породы, унаследовавший имя Уинстон.

Впоследствии мне пришлось глубоко пожалеть о кончине первого Уинстона: второй меня чуть не загрыз. Мне было лет восемь, и я смотрел по телику мультфильм про Су-пербоя. Я решил, что Уинстон II, это Кристо-Суперпес, и привязал к его ошейнику полотенце, чтобы было похоже на плащ. Разъяренный кобель набросился на меня и порвал мне ногу так, что мне пришлось делать пересадку кожи, и по сей день я немного прихрамываю... только вот теперь я вообще не хожу.

Когда я это вспоминаю, по мне проходит волна боли. Я вспоминаю боль.

– Никому не говори, что это Уинстон, – говорил отец, то угрожая, то моля. Он ужасно боялся, что у него отберут собаку. Я сказал, что на меня ни с того ни с сего напали бездомные псы, которые бродили стаями на пустыре возле нашего квартала. Об этом происшествии написала местная газета, и городской совет, где сидели консерваторы, которые очень не любят давать деньги богатым налогоплательщиков на нужды окраин, скрипя зубами, все-таки послали санитарную команду, чтобы отловить бродяг и свезти на живодерню. Четыре месяца я не ходил в школу, и это мне понравилось больше всего.

Ребенком я занимался тем же, чем и обычные дворовые пацаны: играл в футбол и войнушку, гонял на велике по району, ловил пчел, слонялся по параднякам, покалачивал ребят младше меня, получал от пацанов постарше. В девять лет меня забрали в участок за игру в футбол на улице. Мы пинали мяч на лужайке возле нашего дома, никаких запрещающих знаков вокруг не было, но мы, несмотря на возраст, должны были знать, что наш район – это концлагерь для бедняков, где запрещено практически все. Потом был суд; отец моего приятеля Брайана произнес блистательную речь, чем смутил судью, и тот вынес нам предупреждение и отпустил. Копы сидели как обосранные.

– Шпана, гопник гребаный, – частенько ворчала мама, – малолетний разбойник.

Только теперь я понимаю, почему это ее так взъебну-ло, – папаши-то не было. Он говорила, что он уехал на заработки, но Тони объявил нам, что он в тюрьме. Тони мне нравился. Он поколачивал меня, конечно, но мог и заступиться за меня перед старшими, если среди них не было его друзей. Бернарда я не любил: он все время сидел дома и играл с Ким, нашей младшей сестренкой. И сам он был как Ким; он и был девчонкой.

Летом я любил ловить пчел. Мы набирали воды в бутылки из-под моющей жидкости и поливали пчелу, когда она садилась на цветок. Фокус был в том, чтобы направить разом две струи на оба крыла, и зафигачить так, чтоб она не могла взлететь. Промокших пчел мы собирали в кувшин, а потом выковыривали для них камеры в кладке фундамента нашей пятиэтажки. Дверьми нам служили палочки от эскимо. Это был наш концлагерь – шотландский спальный район в миниатюре, для пчел.

У моего приятеля Пита было увеличительное стекло, играть с ним – одно удовольствие; я любил палить пчелам крылья, чтобы снизить до нуля их шансы на побег. Иногда я подпаливал им мордочки. Пахли они отвратительно – паленой пчелой. Такое стеклышко мне пригодится, решил я, и выменял его у Пита на Экшн Мэна без рук, того, что выменял у Брайана на грузовик.

Когда к нам приходили ребята, я чувствовал себя неловко. Большинство из них жили получше нашего; выходило, будто мы оборванцы какие-то. Я понял, что отец действительно в тюрьме, ведь жили мы на одну мамину зарплату – она убиралась и готовила в школе обеды. Хорошо хоть, не в моей школе.

Потом папа вернулся. Он устроился охранником и стал поднимать дом. У нас появился новый камин с пластмассовыми углями и трубой из прозрачного пластика, в которой что-то трепыхалось, будто снизу шел жар. На самом деле это была обыкновенная электробатарея. Сначала папа был нормальный; помню, взял меня на футбол на Истер-роуд. Они с дядей Джеки пошли в паб, а нас, то есть меня, Тони, Бернарда и нашего двоюродного брата Алана оставили сидеть в машине – принесли нам

колы и чипсов. В пабе они набухались пива и на стадионе закупили нам пирожков и еще чипсов. На футболе я зевал, зато пирожки и чипсы мне нравились. Ляжки у меня зудели, так же как во время походов с мамой по магазинам на Леит Уок.

Потом папа избил меня так, что пришлось ехать в больницу накладывать швы. Он ударил меня по уху, я упал – башкой прямо об угол кухонного стола. На бровь мне наложили шесть швов – это было клево. В волосы Ким я запустил шершней, а не пчел. Старик не мог этого понять.

– Папа, это всего лишь шершни, они не кусаются, – молил я.

А Ким как дура все редела и редела. Без конца. Там действительно были только шершни, шершни – только и всего. Это же вам не пчелы. У них сзади тоже есть жало, только они не кусаются. По-моему, их точное название ухвертки.

– Ты только посмотри на нее! Смотри, что ты наделал со своей сестрой, пизденыш! – указывал он на Ким, чье и без того искаженное лицо скривилось еще больше в притворном ужасе. Вот тогда отец меня и стукнул.

В травме мне пришлось наврать – я сказал, что мы возились с Тони, и я упал. Потом я еще долго мучился от головной боли.

Помню, как однажды мама терла именную табличку на двери нашей квартиры. Кто-то подправил фамилию так, что получилось «СРАНЬ». Папа с дядей Джэки ходили по квартирам и устраивали перепуганным жильцам перекрестные допросы. Отец постоянно угрожал пристрелить любого, кто посмеет на нас пожаловаться. Поэтому соседи запрещали своим детям играть с нами, и только самые безбашенные решались нарушить запрет.

Если папу и дядю Джэки, который был на самом деле только другом отца, но мы почему-то называли его дядей, соседи просто боялись, то наша мама тоже давала повод для беспокойства. Ее папа или дедушка, никогда не мог запомнить точно, во время войны был в плену у японцев, и у него немного съехала крыша, по утверждению Вет, вследствие жестокого обращения в лагере. Пока она росла, ее окучивали рассказами о зверствах японцев, а потом она прочла книгу, в которой доказывалось, что к концу века люди с Востока овладеют всем миром. Она тщательно изучала глаза моих немногих друзей, и если в них, по ее мнению, была «японская кровь», объявляла их неподходящей компанией.

Когда мне было лет девять-десять, я впервые услышал от отца про Южную Африку. И не успели мы оглянуться, как уже оказались там.

– Взгляни на нас, Вет. Мы достойны лучшего. Я работаю охранником – никаких перспектив. Страна катится в тартарары. Только и знают, что бастовать. Даже мусор не могут убрать, бя. Сраные профсоюзы – держат страну в заложниках. ЮАР – вот это да. Южная Африка, знаешь-понимаешь. Конечно, у них там свои проблемы, я в курсе, но в правительстве у них, слава Богу, лейбористы не сидят, мать их растак. Надо подумать, как бы нам туда перебраться. Нечего бояться, Гордон нам поможет. Я вывезу вас в ЮАР, Вет. Можешь быть уверена. Вывезу. Или нет? Я тебя спрашиваю! Думаешь, не вывезу?

– А япошек там нет?..

– Да пойми же ты, Вет. Нет там никаких япошек. ЮАР – страна для белых. Для белых, знаешь-понимаешь. Белый там имеет все права, и точка. В Южной Африке белый всегда прав, – распевал отец в большом воодушевлении. Он высунул широкий плоский язык, лизнул марку и наклеил ее на конверт. Наверное, это была очередная жалоба: он постоянно писал жалобы.

– Ну, раз там нет япошек...

– Это же ЮАР, Вет. Южная Африка, прости Господи.

– И я смогу сушить там белье, и никакие Пирсоны не будут путаться у меня под ногами...

– А я ведь говорил этой сучке! Я ведь ее предупреждал! Я сказал ей: еще раз увижу тебя в сушилке, рядом с моей женой, все твоё барахло полетит в мусоропровод! Никакого уважения, знаешь-понимаешь, никакого, мать их растак. А в ЮАР у нас будет свой дом, большой, как у Гордона. Будешь сушить белье прямо на солнце, в настоящем саду, а не в бетонном ящике.

Гордон – это брат отца. Много лет назад он уехал в Южную Африку. «Дядя» Джэки заменил Джону брата, возможно поэтому он был к нему так привязан. На пьянках, которые у нас бывали частенько, когда после закрытия питейных заведений в нашу скорлупку забивались целые банды, он был на вершине счастья, рассказывая старые истории о своих похождениях с Гордоном и бандой Юбилей, как он и его друзья – хипаны и стилиаги – себя называли.

– Хорошо бы иметь настоящий сад... – помню, сказала мама. Помню, прямо как сейчас.

Так и порешили. В семье слово отца чаще всего бывало решающим. И мы стали собираться в ЮАР.

Я в общем-то не знал, хочу я уезжать или нет. Вскоре после этого я совершил свой первый крупный поджог. Я всегда любил огонь. Праздничные вечера – единственные стоящие моменты в жизни нашего района. На Гая Фокса всегда жгут костры, на День Победы тоже. Мы спускались к берегу за дровами или разгоняли компанию, сидящую у костра. Бывало, что нас самих разгоняли. На этот случай мы припасали колы и камни, чтобы защитить наш костер от набега. В нашем районе камни всегда использовались в качестве оружия. Первое, чему я научился, – это кидаться камнями. Дети в Муирхаусе только и делали, что кидались камнями: в обидчиков, по окнам, по автобусам.

Такое вот времяпрепровождение.

Поджечь что-нибудь – это другое дело. Было это после праздника. Я зажег факел и засунул его в мусоропровод. Большой мусорный бак в подвале нашего дома загорелся. Приехали аж две пожарные команды. Я чуть не обсохнул от страха, когда мой кореш Брайан выпучил глаза и с нескрываемой радостью заявил:

– Уууу! Так ведь тебя заберут, Рой.

Я пиздец как испугался, чуть не ревел, и все такое. Брайан гнал свое, но, надо отдать ему должное, так ни разу и не проболтался. Копы прошлись по всем квартирам, всем задавали вопросы. Отец промолчал.

– Никогда ничего не говорите этим мудакам, – вбивал он нам в головы единственную житейскую мудрость, которую приобрел. Пожар ему доставил радость, потому что дым из подвала поднялся до сушильной комнаты и испортил все белье миссис Пирсон, нашей соседки сверху.

– Так ей и надо, знаешь-понимать, бессовестной. Будет знать, как занимать все сушилку, другим-то тоже надо белье повесить! Вот и получила сполна!

Вот что мне пришло в голову: если кого и могли заподозрить в поджоге, так это в первую очередь моего старика. Но у него было железное алиби: когда пожар начался, он доигрывал партию в домино на очередном турнире в баре Дакота. Он был так счастлив, что я даже хотел было ему признаться, но не поддавался искушению – слишком переменчивым бывало его настроение.

Иногда мы с друзьями гуляли за границами района, но обычно только вниз по берегу. Я, Пит, Брайан, Дик (брат Брайана) и Денис – все хотели убежать из дому и уйти в поход, как в книжках Энид Блэйтон. Дальше гребаного пляжа мы никогда не доходили, потом нам все это надоедало, и мы шли домой. Время от времени мы выбирались в богатые районы типа Баритона, Крамонда или Блэкхола. Но копы всегда засекали нас и отправляли домой. Обитатели частных домов, по размерам таких же, как наша многоквартирка на шестьдесят семей, просто шли к телефону и вызывали полицию. Они, наверное, думали, что мы пришли яблоки воровать или еще чего-нибудь. Я-то всего лишь хотел понаблюдать за птицами. Я увлекался птицами и все время брал из библиотеки книги по орнитологии. Думаю, мне передалось это по наследству от отца. Он тоже очень увлекался пернатыми.

Помню, я спросил отца:

– А если мы поедem в Южную Африку, наш дом будет такой же большой, как в Баритоне?

– Даже больше, сынок, намного больше, знаешь-понимашь, – ответил он.

Самые живые воспоминания о Джоне, моем отце, у меня остались как раз из того периода, когда мы собирались в ЮАР. Я уже говорил, что он был немного не в себе и мы все побаивались его. Он воспринимал все слишком всерьез и выматывался попусту. Меня беспокоил дробовик, который он держал у себя под кроватью.

Общались мы в основном через телевидение. Джон брал программку из «Дэйли Рекорд», и обводил передачи для вечернего просмотра. Он был просто помешан на фауне и, как я уже говорил, особенно увлекался орнитологией. Мы оба любили документальные фильмы о животных в стиле Дэвида Аттенбороу. Для него не было большего счастья, чем посмотреть по ящику передачу о редких птицах, в этом вопросе он был настоящий дока. Джон Стрэнг мог отличить Cinnamon Warbler от, например, Brown Woodland.

– Ты только посмотри! Какая брехня! Он говорит, что это Ладера, а это лесной сорокопуд Догерти, знаешь-понимаешь! Хорошо, что я записал все на видеокассету!

У нас в семье у первых в округе появлялись все основные новинки товаров ширпотреба по мере их поступления в продажу: цветной телевизор, видеомэгафон и, наконец, спутниковая антенна. Папа считал, что это выгодно отличает нас от остальных обитателей бетонных трущоб, возвышает нас.

– Средний класс, – любил говорить он.

На самом же деле это лишь определяло нас как типичных жителей окраин.

Помню, как он послал письмо на БиБиСи, довольный тем, что, несмотря на все исследовательские возможности, которые он за ними подозревал, ведущий допустил фактическую ошибку. Ему ответили, и поначалу он очень гордился этим письмом:

Дорогой мистер Стрэндж (Strange),

Мы благодарим Вас за письмо, в котором Вы указываете на допущенную нами фактическую ошибку в программе «Крылья над лесом», вышедшей в эфир в прошлый четверг.

Хотя данный фильм был снят не БиБиСи, а группой независимых кинодокументалистов, мы, будучи заказчиком, несем ответственность за погрешности, допущенные в нашем эфире.

Коллектив БиБиСи борется за достоверность во всех транслируемых программах, однако время от времени неизбежно возникают ошибки, и постоянные члены нашей зрительской аудитории, обладающие глубокими познаниями в той или иной сфере, оказывают нам неоценимую услугу, обращая наше внимание на такие неточности.

Бдительный и знающий зритель играет для БиБиСи важнейшую роль, помогая поддерживать наши высокие стандарты безупречного телевидения, воплощать в жизнь положения нашего устава, суть которого такова: обучать, информировать, развлекать.

Еще раз благодарю за Ваше письмо.

Искренне Ваш, Роджер Снэйп, выпускающий редактор, отдел передач о природе.

Старик показывал это письмо всем и каждому: в пабе и на работе. Когда же дядя Джэки показал ему, что они неправильно написали его имя, отец пришел в бешенство. Он написал ответ Роджеру Снэйпу и пообещал с первой же оказией в Лондоне навалить ему хороших пиздюлей.

Дорогой мистер Снэп (Snap).

Благодарю вас за письмо, в котором вы показали себя полным невежей, неправильно написав мое имя. Имейте в виду, что я не люблю, когда мое имя пишут с ошибками. Пишется оно так: S-T-R-A-N-G. Если я окажусь в Лондоне, я разорву вас на кусочки, получится P-B-A-N-Y.

Преданный Вам, Джон Стрэнг.

Выпивка и записи военных речей Уинстона Черчилля – вот, пожалуй, и все, что могло доставить моему отцу удовольствие. Когда риторика его кумира была особенно волнующей, он мог даже всплакнуть, и преувеличенные толстыми линзами потоки слез запруживали пространство за очками.

Но уж лучше бы так. Хуже всего нам приходилось, когда он учил нас боксировать. Он считал, что у меня плохая координация, усугубленная хромотой, а Бернард казался ему слишком уж женственным. Он купил нам дешевые пластиковые перчатки и устроил в гостиной ринг, обозначив углы четырьмя дорожными тумбами.

Боксировать мне не нравилось, а Бернарду и того меньше, но отец заставлял нас биться, пока один или оба не начинали реветь от боли и унижения. Перчатки больно ранили и оставляли глубокие царапины, так что после боя казалось, будто мы не боксировали, а дрались на ножах. Бернард был старше, крупнее, с увесистыми кулаками, я же был злее и быстро просек, что если бить с размаху по касательной, то будет куда больнее, нежели от прямого удара.

– Давай, Рой! – кричал отец. – Бей, бей его, сынок... Подтянись, Бернард... что ты его шлепашь, слюняй... – Его тренерские советы всегда имели односторонний характер. Перед боем он часто шептал мне на ухо: – Сынок, помни, ты – Стрэнг. А он нет. Понял? Не забывай, ты защищаешь наше имя. Он носит ту же фамилию, но на самом деле никакой он не Стрэнг, ублюдок гребанный, засранец, вот он кто.

Однажды, когда я подбил Бернарду глаз и раскрыл губу, Джон заорал, едва сдерживаясь: – Давай, Рой, сунь ему в глаз как следует! Вышиби его на хуй!

И я долбил в покрасневшее девичье лицо, собирая все силы для очередного удара и читая в глазах Бернарда обиду и непонимание.

БАМ

ПИДОР ГРЕБАННЫЙ

БАМ

ПОЛУЧАЙ, МЕШОК С ДЕРЬМОМ

БАМ

Я распорол ему бровь, ударив заостренным концом перчатки. Я дернулся от страха и хотел уже прекратить: кровь застилала Бернарду лицо. Я уже опустил было руки, но когда я обернулся на папу,

тот издал воинственный рев:

– МОЧИ НА ХУЙ, ПЛЕННЫХ НЕ БЕРЕМ!

И я колотил по искаженному ужасом лицу моего сводного брата. Он уже совсем раскис, опустил руки, а я все колошматил его, подгоняемый бешеными воплями Джона. Бернард отвернулся, захныкал и, выбежав из комнаты, закрылся в туалете.

– Тебе придется научиться постоять за себя, Бернард! – ухмыльнулся Джон. Он немного нервничал, так как мама, вернувшись из магазина, вряд ли обрадовалась бы, обнаружив последствия битвы. В данном конкретном случае я вышел победителем, но так бывало не всегда. Иногда мне самому приходилось ретироваться, когда боль и унижение переполняли меня.

В такие минуты я завидовал своему младшему брату Элджину, который тихо покачивался или едва слышно мурлыкал себе под нос, замурованный в собственном мире, где не было этих мучений. Может быть, Элджин был прав; может быть, это была форма психической защиты. Иногда я завидовал аутизму Элджина. Теперь мне нечего завидовать – я так же спокоен и отстранен от всего на свете.

Что касается меня и Бернарда, результатом кулачных боев стали страх перед отцом и взаимная ненависть.

Бернард был

Бернард... все, теперь уже поздно.

Ко мне пришли медсестры. Делать какие-то процедуры.

ЭТО ВСЕГДА НЕПРИЯТНО

Переверни полено, чтоб оно не прогнило насквозь...

Мне надо углубиться.

Глубже.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Подальше от них.

Уже лучше.

Пришло время

отправиться

на охоту

Богатейший национальный парк. Он уникален. Это единственный в мире заповедник, расположенный в большом городе, всего в нескольких милях от центра, где во всем великолепии обитают крупные хищники и их травоядная добыча, как полвека тому назад.

– Истер Роуд Найроби, нет, не то, глубже, глубже-

Парк занимает площадь примерно 80 квадратных километров. Несмотря на относительно небольшие для этой части света размеры заповедника, в нем сосредоточено множество природных зон. При входе...

вот

бля

я

снова

подымаюсь

– плохие новости, я вела себя как дура. Как только он получил, чего хотел, его и след простыл. Он вернулся к своей обычной жизни, а я осталась снова одна. У разбитого корыта. Сама виновата. Думать надо было.

Я еще недостаточно глубоко. Я ее слышу. Сестра Патриция Дивайн. Она мне исповедуется. Я ее священник – прямо с грядки – ни поддержать, ни осудить я не могу. Что ж, лучшей роли и не сыщешь.

– Каждый раз ты думаешь, что этот не такой, как все, и я, видимо, даю волю чувствам, забываю про все на свете и вижу только то, что мне хочется видеть. Он был такой милый, чудный парень, он все понимал, конечно, пока не затащил меня в койку...

Всхлипывания.

–... зачем я тебе это рассказываю... а почему бы нет... ты же меня даже не слышишь и вряд ли когда-либо проснешься... О Боже, прости меня, пожалуйста... Я просто расстроена, я ничего такого не имела в виду, некоторые же просыпаются... даже поправляются некоторые... Я просто сама не

своя, понимаешь, Рой, этот гад залез мне не только под юбку, он залез мне в душу. Плохо, если ты пустила его в постель, – но еще хуже, если ты пустила его в свои мысли... понимаешь...

Нет.

Только не это

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Муаааа! Громкий носовой звук. Военственный клич зрелого Марабу, предупреждающего о вторжении человека. Я оборачиваюсь и вижу, как Сэнди Джеймисон смело нападает на отвратительную птицу.

– Набрасывай сеть, Рой! В сетку его, ублюдка! – кричит он.

Я чувствую, как силы покидают меня, я не могу управлять собой, все вокруг меняется; вдруг я стою на футбольном поле, в ногах у меня мяч. Я бью в пустые ворота – мяч в сетке. Два игрока в одинаковых футболках радостно набрасываются на меня, один вроде как Лексо, о нет, только не Лексо, я пытаюсь высвободиться из его медвежьих объятий, но он не отпускает, и через плечо я вижу Джеймисона: он стоит с отсутствующим видом, руки его опущены.

3. В поисках правды

Старик наш всегда был чокнутый, но с тех пор, как мы стали собираться в Южную Африку, совсем с катушек съехал. Понимал, видать, что для него – гребаного неудачника – это последний шанс что-то изменить в своей жизни; он все поставил на эту карту. Джон был постоянно на взводе, и это было сразу заметно – курил он больше обычного. Ночи напролет просиживали они с дядей Джэки, а иногда и с Тони, которому было всего четырнадцать, но для своего возраста он, в определенном смысле, казался вполне созревшим. Всякий раз, когда мы гуляли и мимо проходила молоденькая девица, он выдавливал:

– Эх, отгаращить бы эту крошку в орех...

С ранних лет Тони стал гулять с девицами из района. В нем постоянно бушевали гормоны, а такие сдерживающие моменты, как логика или ответственность, которые могли бы послужить противовесом, отсутствовали напрочь. Какая-нибудь тупая корова должна была от него залететь, это было неизбежно. И это случилось. Ее отец, по справедливости, пришел к нам домой. Джон завелся с пол-оборота, стал угрожать своим дробовиком. Я запомнил этот случай. По телику начинался Супербой, я собирался его посмотреть. Уже вовсю шли титры и Супербой со своим верным псом Кripto летели по воздуху, призванные, как объявил голос за кадром, «на поиски правды». Помню, я взглянул на Уинстона II: он сидел, свернувшись, возле электрокамина. Собака тихо посапывала; я пристально посмотрел на него и подумал, что сломать ему ребра – пара пустяков, надо всего лишь надеть тяжелые ботинки и прыгнуть на него сверху. Пара тяжелых ботинок у меня имелась. Это надо обмозговать. Шрамы, оставленные Уин-стоном II, покалывали на искалеченной лодыжке.

Элджин с отсутствующим видом сидел на детском стульчике, потерянный в собственном мире.

Я был поглощен мыслями о расправе над вероломным псом и одновременно с увлечением смотрел мультик, но тут меня отвлек голос отца; он прогремел из коридора и разлетелся эхом по бетонной коробке:

– ДЕРЖИ СВОЮ ШЛЮХУ ПОДАЛЬШЕ ОТ МОИХ ПАРНЕЙ, МАТЬ ТВОЮ, А НЕ ТО Я ВОЗЬМУ ДРОБОВИК И РАЗНЕСУ ВАМ ВСЕМ БОШКИ НА ХУЙ!!! ПОНЯЛ?!!

Я потихоньку пробрался к выходу и наблюдал, как мужик оробел и начал сдавать позиции, оставив свою дочь перед выбором: либо делать аборт, либо растить ребенка одной. Беседа со стариком, видимо, убедила его: что бы она ни выбрала, это будет куда разумнее, нежели выйти за Тони и породниться с нашей семейкой. Я уполз обратно в гостиную, оставив отца реветь на отступающего противника, отчего дрожали все перила в нашем подъезде и в доме напротив. Вот он какой – Джон Стрэнг. Потом он вошел, покачиваясь, и Тони со слезами на глазах покорно проследовал за ним на кухню. Отец посмотрел на меня. Я уставился в телик, он гаркнул:

– Сгоняй-ка до лавки, Рой! Пару упаковок пива!

– А почему все время я? Почему не Элджин? – Конечно, я сказал глупость. Просто мне не хотелось отрываться от мультика.

Отец аж затрясся от негодования. Он указал на брата, покачивающегося на диване. Элджин по-

чувствовал, что о нем говорят, и монотонно замычал: ммммм.

– Он не может! Не может он пойти, мать твою растак! И ты это отлично знаешь, пизденыш эдакий... Бог дал тебе голову, так пораскинь мозгами, Рой! Думай, что говоришь, знаешь-понимаешь! – Он повернулся к Вет.

– Он совсем не дурак... – ответила мама.

– Мечтательный только, так и учителя говорят! Мечтатель, знаешь-понимаешь. Вся голова забита сраными комиксами!

Его глаза загорелись новой идеей, а по мне пробежала дрожь ужаса.

– Выкину на фиг твои тупые комиксы! Как тебе это понравится? Я тебя спрашиваю! Что ты на это скажешь?!

– Иду... всё, иду... – беспомощно промямлил я.

– Думаешь, не выкину? Говори! Я тебя спрашиваю! Думаешь, я шучу?!

– Только не комиксы, ради Бога, Джон! – взмолилась мама. – Он же собирает коллекцию. – Под маминой заботой о моей коллекции скрывался шкурный интерес – она сама фанатела от серии про Серебряного Серфера.

– Ладно, оставлю, – фыркнул отец, – но не думай, что теперь тебе не придется исправлять оценки, сынок!

Я уже надевал куртку, но тут в коридор вышел отец.

– Иду-иду, – промямлил я, перепуганный его напряженным, сверкающим взглядом.

Он положил мне руки на плечи. Я стоял, потупившись.

– Посмотри на меня, – сказал он. Я поднял голову – глаза у меня были уже на мокром месте. – Что такое? Послушай, сынок, я знаю – с тобой я строже, чем с остальными. Это все потому, что только у тебя голова на плечах. Я-то знаю. Да только ты не хочешь этой головой работать как следует. Думать надо, знаешь-понимаешь, – он хлопнул себя по широкому лбу. – У меня тоже была голова на плечах, только я этим не воспользовался. Ты же не хочешь стать таким, как я, – сказал он, во взгляде его читались неподдельные муки раскаяния. – Вот в Южной Африке все будет по-другому, верно?

– Это точно. И мы сможем пойти в сафари-парк?

– Я же тебе говорил! Я устроюсь туда смотрителем. Мы будем жить, считай, прямо в сафари-парке.

– Круто! – я был искренне рад. Я пребывал в том возрасте, когда, несмотря на все их безумства, я все еще верил во всемогущество своих родителей. Я побежал в магазин.

Однако старик был прав. Я рос мечтателем и большую часть времени проводил в собственных фантазиях. Моя голова была забита приключениями Серебряного Серфера, Фантастической Четверки и т. п. Все потому, что я никуда толком не мог вписаться. В школе я был тихоней, но нарвался на неприятности, когда огрел одного парня компасом по голове. Они смеялись надо мной. Называли меня Стрэнг Тупое Рыло или Кубок Шотландии – это из-за моих больших ушей. В довершение всех дефектов «Стрэнговой породы» надо мной висело проклятье лопухости. Со временем я вывел простую формулу: если сделать больно, смеяться перестанут, а я не выношу, когда надо мной смеются. Я понял, что могу выносить боль. Физическую боль. Если ты терпишь боль, ты можешь задать жару любому противнику. Если ты терпишь боль и не ссышься от страха, да еще к тому же зол. Боль я терпел. А вот чтоб они надо мной смеялись – этого я стерпеть не мог.

Учитель и классная думали, что я осознаю свою вину. Они думали, я их боюсь. Я их совсем не боялся. Я жил в антисоциальной среде, поэтому угрозы и упреки учителей – типичных представителей среднего класса – которые называли меня испорченным, злобным, гнусным мальчишкой, были мне побоку. Подобные эпитеты только еще больше снизили мою самооценку и стали для меня набором определений, которым я должен был соответствовать.

Нет, в школе я не был нарушителем спокойствия: меня будто вообще не было. Я старался быть тише воды, ниже травы. Я мечтал быть невидимым, чтобы никто не замечал некрасивого, кривого Стрэнга Тупое Рыло. Я садился на заднюю парту и погружался в свои фантазии.

Дома, в спальне, я дробил на картинку Сью Сторм, Девчонки-Невидимки – одной из героинь комиксов про Фантастическую Четверку. Больше всего меня заводили картинки, где ее похитили и держат взаперти. На картинках можно было найти вполне различимые сиськи, жопу, губы.

Интересно, могут ли поиски Аиста Марабу хоть сколько-нибудь сравниться по важности с поисками правды. Чтобы узнать это, надо углубиться.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

И вот, я возвращаюсь к охоте, я достаточно углубился, я чувствую жару, вижу солнце. Оно светит мне в лицо – прямо в глаза. Я вдыхаю теплый, пыльный, сладковатый воздух и, прокашлявшись, думаю: заметно ли это в другом мире, там, где я – спящий полутруп.

Мы вернулись в город, и Сэнди – была не была! продал нашу фотоаппаратуру и купил старый джип.

– Нам бы только доехать на нем до Доусона. Он-то нас встретит как надо, – улыбнулся Сэнди.

– Как же ты без фотика, Сэнди? – Я ужасно расстроился, зная, как хорошо Сэнди снимает. Он часто говаривал печальным голосом: «Камера никогда не врет».

– С фотиком на Аиста не пойдешь. Тут нужно оружие посерьезнее, а Доусон – тот человек, который нам его достанет. Поснимать еще успеем!

– Я не могу ждать! – возбужденно ответил я. – Я вижу столько хороших кадров!

Мы нашли дешевый ночлег в бедном районе и весь вечер пили бутылочное пиво в спартанской хижине бара.

– А еда у вас есть? – спросил Сэнди у бармена.

– У нас лучший в Африке мясной пирог с картофельным пюре, – ответил он, – а на десерт – восхитительный яблочный торт, насквозь пропитанный взбитыми сливками!

– Боже мой, это как раз то, что нам нужно после долгого путешествия, – сказал Сэнди, и мы с большой охотой принялись пировать.

Несмотря на энтузиазм бармена, еда была не ахти. Ночь я провел в лихорадочном алкогольном полубреду. Во сне меня преследовали Марабу. Потом они превратились в пацанов с окраины. Несколько раз я просыпался в холодном поту. В какой-то момент я не на шутку испугался – меня преследовало нечто, оно не обнаруживало себя, но я чувствовал, что оно притаилось в тени. Нечто это было самым злом и вселяло такой ужас, что я уже не осмеливался доверить себя милости сна. Пока Джеймисон спокойно спал, я уселся за старый обшарпанный деревянный стол и стал делать записи в блокноте.

Утром мы отправились в путь. Палящее, душное солнце превратило Черный континент в огромный очаг. Я чувствовал себя уставшим, выбитым из колеи. Все было не по мне. Нагретый корпус машины обжигал голые коленки всякий раз, когда я случайно его касался. И ничего нельзя было с этим поделать: по пути на альпийское плато нас сильно трясло, и полноприводной джип едва справлялся с разбитой дорогой и крутыми склонами.

Я чувствовал себя все хуже и хуже, как вдруг, незаметно для себя, мы оказались в местах, иначе как райскими которые не назовешь. Осознание этого пришло ко мне, когда мы проезжали мимо восхитительных зарослей можжевельника и ногоплодника, где в воздухе разливались сказочные ароматы; после чего мы въехали в высокий бамбуковый лес с мощными ущельями, цветочными полянами и быстрыми ручьями, полными форели.

– Ну чем не рай! – воскликнул я.

– И не говори, Рой, – согласился Сэнди, открывая пакет шоколадного печенья, – Ням-ням, – улыбнулся он.

По пути мы видели пару слонов, стада буйволов, пасущихся на очищенных от джунглей лугах, а Сэнди утверждал, что видел даже редкого черного носорога. Наш пункт назначения – один из охотничьих домиков Доусона, № 1690, – находился чуть дальше, на высоте 7000 футов над уровнем моря, в самом сердце джунглей.

На одном из особо рискованных подъемов Сэнди протянул мне солидный джоинт, к которому он уже приложился. После двух хороших тяжек я почувствовал, что убрался в мясо. Обычно, когда я курю шалу или гашек, где-то в центральной части мозга мне удается сохранить островок трезвости. Островок этот превращается в увеличительное стекло, через которое я, как следует сосредоточившись, могу с определенной ясностью созерцать мир-но это-какой-то пиздец, после первой же тяжки все осыпалось...

так ведь нельзя так

нельзя же

поднимаюсь

– Нам пора делать укольчик, Рой.

Просто божественно, Патриция.

Патриция Дивайн.

Я скоро вернусь, Сэнди.

– У тебя симпатичная подружка. Я ее раньше не видела. Хотя меня недавно перевели на это отделение.

Какая еще подружка? Неужто эта жирная блядь приперлась? Вряд ли – это какая-то ошибка. Ее уже давно кто-нибудь фачит, и слава Богу. А я ведь звонил этой сучке. Шутишь, бля. Возвращайся в Фэтхел, Дори, любовь моя.

Не говори так о ней, не говори о ней, как будто она существует в реальности, ее нет.

Так, спокойно.

– Она, видать, немного застенчивая. Но все равно очень симпатичная. А ты, Рой, темная лошадка.

Я едва ли смогу рассказать о себе, Патриция, а вот подумать есть над чем.

– Знаешь, Рой. Мне про тебя много чего рассказали. Я, честно говоря, в шоке.

– Так-так, сестра Дивайн, давайте-ка поменяем ему белье.

– Ах, старшая, конечно.

Тебя опять застукали, Патриция. Ты опять болтала с овощем.

В пизду белье.

Ненавижу, когда меня трясут, как горошину в свистке, свисток...

Свист.

Тут нужна ГЛУБИНА.

Г

Л

У

Б

Ж

Е

Мы покружили по тропинке, идущей по кромке леса, и наконец въехали на двор. Хижина была необычной постройки – на сваях. Запах дизельного топлива, исходящий от нашей машины, заглушил все ароматы. Пахло, как в больни... только не в больнице –

б

л

я

д

ь

– А он еще вполне увесистый, правда, Триция?

Бев. – Это точно... Мне совсем не нравится, что мы вот так запросто перетаскиваем его в коридор.

Рой? – Согласен, но это только на пару дней. Потом мы положим его обратно в палату. Так ведь,

А мне по хуй, куда вы меня положете. Хоть на помойку меня снесите, мне поебать.

– Все равно это не хорошо. Какому-то богатенькому частному пациенту понадобилась отдельная палата, а человека в коме, который у нас уже, считай, прописался, выталкивают в коридор, пока не выпишут этого толстосума...

– Больнице нужны деньги, такие клиенты очень выгодны.

– Хорошо, что его родственники придут не в мою смену, мне не придется объяснять, почему его выперли в коридор.

Глубже.

А как насчет потрахаться? Представлю себе эдакую голограмму Патриции Дивайн из плоти и крови и трахну ее... нет, нет, и нет

Доусон

Доусон похож на тюленя-убийцу, глаза открыты, взгляд настороженный, лицо в жировых складках...

Как же она выглядит, эта Патриция Дивайн

ВОЛОСЫ

ГЛАЗА

ЗУБЫ
КОЖА
СИСЬКИ
ЖОПА
МОХНАТКА
НОГИ

Женщина нужна здесь не как реальное лицо, а так, только для траха, только для

ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ

Доусон...когда мы добрались до хижины, он подскочил ко мне и, как будто не замечая Сэнди, стал с театральным радушием трясти мою руку. Несколько секунд он смотрел мне в глаза, в течение которых ухитрился достигнуть определенной степени близости, после чего загудел с нарочито сердечной интонацией: – Рой Стрэнг, я так много читал о вас в газетах.

Очень рад познакомиться.

– По части известности вы и сами не промах, мистер Доусон, – отпарировал я.

– Локарт, пожалуйста, зовите меня по имени, – запричитал он. Дурацкая ухмылка еще несколько мучительных секунд блуждала по его лицу, после чего он еще раз проникновенно посмотрел на меня. В его глазах была какая-то фальшь, неискренность, абсолютно не сочетававшаяся с его незакрывавшимся ртом. Знаете, кого он мне напомнил? Старого гомика, который бродит по барам для одиночек в надежде, что его кто-нибудь снимет; он еще вполне беспечен, но уже очень хорошо усвоил, что время безжалостно. Секунду или две его лицо выражало тревогу, как будто он читал мои мысли, после чего он снова закудахтал: – Смеем надеяться, что наша известность несколько более прочного свойства. Но, как говорится, всякая известность хороша. С этим изречением я готов согласиться.

Беседа начинала мне надоедать.

– Не в этом дело. Немногие были бы рады испытать то, что выпало мне...

– Что за самоедство, Рой! Вы меня разочаровываете, – прогудел он и хлопнул меня по спине, от чего раздался звук, будто свежую рыбу шлепнули на разделочную доску. Затем он потащил меня через весь дом в библиотеку, за которой открывалась оранжерея, завершавшая строение. Когда мы подошли к застекленным дверям, он вытащил с полки книгу и протянул мне. – Это для вас, – осклабился он. Я прочитал название:

МОЛОДЕЖЬ В АЗИИ

Я сунул книгу в полиэтиленовый пакет, который таскал с собой.

– Я смотрю, инструментарий у вас весь под рукой, – ухмыльнулся он. Ну что за на хуй – это замечание меня немного смутило. Я стал что-то припоминать, нет, не мысль, а какое-то ощущение из моей жизни. Мне стало как-то не по себе, и я обрадовался, когда вошел Сэнди и рассеял это ощущение, пока оно не переросло в отчетливое воспоминание.

Сэнди сказал что-то насчет джипа. Дорога на ранчо доконала нашу ржавую колымагу. Подозрения Сэнди оправдались: Доусон не упустил случая и продал нам списанный из Джамбола парка джип втридорога.

– Эта машина превзойдет все ваши ожидания, – сказал он, ухмыльнувшись, и посмотрел на Сэнди так, что того аж передернуло.

Мало того что Доусон ободрал нас как липку, он заставил нас тащиться за ним на холмы, чтобы мы могли насладиться его любимым видом, естественная красота которого регулярно привлекала его внимание. Нам пришлось пройти примерно 2,5 мили от хижины № 1690 в то время, как жара стояла невыносимая, чудовищная; пятно пота на рубашке Джеймисона превратилось в бубновый туз. Я сказал об этом, и Доусон одобряюще осклабился, выглянув из своего одноместного «багги». Пот струился по ногам, Сэнди выглядел довольно свежо, а Доусон хоть и ехал на мотоцикле, весь взмок и дышал тяжело. Одним колесом он переехал змею, размазав ее по тропе. Голова змеи высунулась из-под ма-

шины и показала нам страшный оскал.

– К сожалению, машина только одна, – сказал он, широко улыбнувшись, и согнулся под прямым углом, чтобы залезть в свой «багги». Он завел мотор и, без конца треща и подшучивая, вписал нас тащиться за ним пешком. Кожа у Доусона была цвета цыпленка табака, что крайне не сочеталось с набриолиненной копной редеющих каштановых волос, бледно-голубыми глазами и жемчужными зубами, которые он беспрерывно оголял, – так вывешивают белье на просушку. Потом еще оказалось, что он намазался каким-то странным прозрачным маслом.

Доусон остановил кар, вылез из него и прошелся по своим владениям, важно переставляя опухшие ноги. Наши следы петляли по краю обрыва над восхитительным ущельем, на дне которого быстрым течением сверкала река.

– Неплохо для парня, который покинул дом, имея в кармане состояние в десять фунтов стерлингов, – самодовольно заметил он.

На краю тропинки я заметил дохлого грызуна. Я взял его за хвост и поднял. К тушке присосалась жирная склизкая пиявка. Я отцепил ее и взглянул на Сэнди.

– Я приехал в Африку изучать паразитов, – сказал я, кивнув в сторону Доусона. Сэнди, очевидно, стало неловко, и он жестом попросил меня говорить потише.

Я вспомнил, что Сэнди рассказывал, что он одно время работал на Доусона. Господи, святые небеса!

Целью нашего путешествия было обветшалое, полуразвалившееся здание, внутри оказавшееся просторным, современным и функциональным, площадь которого едва заполняли многочисленные кадки с экзотическими растениями. Нас приветствовала полная негритянка средних лет, особенно суетилась она вокруг Локарта Доусона.

– Я так рада выдэт вас, миста Досса, – улыбнулась она.

– Признаться, Сади, я сам всегда рад посетить ваше достойнейшее заведение.

От его улыбочки я почувствовал себя так, будто съел или выпил что-то определенно невкусное.

– Это мои гости, – улыбнулся он и повернулся к нам. – Видите ли, этот домик принадлежит мне и я использую его в качестве неофициальной резиденции для потенциально важных клиентов. «Важный» в данном случае означает способный содействовать интересам ОАО Джамбола Парк. Дом был построен и оборудован специальным решением совета директоров ОАО Джамбола Парк, членом которого я являюсь.

У Доусона было 78 % акций ОАО Джамбола Парк. Тут Сэнди начал было прикуривать сигарету, но, заметив неодобрительную мину Доусона, остановился. Он вытянул руки по швам и посмотрел на меня, ища поддержки. Я лишь пожал плечами.

Негритянка по имени Сади положила мне руку на плечо.

– Вы очень напряженный, – сказала она. – Позвать девочку, чтобы помассировала вам шею? А может, не только шею?

– Ээ... мне бы лучше стакан воды, если можно. Доусон обиженно скривил губы:

– Да, Сади, принеси воды. Для меня и мистера Джеймисона тоже. После ваших подвигов, надо полагать, вас мучает жажда, как верблюдов в пустыне.

– И не говорите! – одобрительно закивал я.

Сади вышла, но скоро вернулась, неся поднос с тремя стаканами и кувшином ледяной воды. За ней в комнату вошли три белых девицы: тощие, недокормленные, грязные, взор затуманен, глаза воспалены.

Я немного отпил из стакана, вода была такая холодная, что сводило зубы.

– Значит, вы охотник, как мистер Джеймисон?

– Да, однако, наверное, не такой удачливый, как Сэнди... – начал я.

Доусон прервал меня, гнусно ухмыльнулся и заявил:

– Я бы не сказал, что мистер Джеймисон добился особых успехов на охотничьем поприще. Однако, должен сказать, всегда было сложно найти охотников, которые признали бы себя добычей. На чем вы специализируетесь, Рой?

– В основном акулы, но попадались и падальщики. Доусон поднял бровь и с пониманием кивнул:

– А вы, мистер Джеймисон, все так и ходите на зверей-каннибалов?

– Ну да, – нервно ответил Сэнди, – Видите ли, в арсенале жителей африканских деревень, кроме копий, ничего нет, поэтому они практически беззащитны против львов, нападающих на поселе-

ния...

– Да уж, – улыбнулся Доусон, – чаще всего каннибализмом грешат животные, уже давно пережившие свой расцвет. Зверь теряет быстроту и ловкость, присущие молодости, и просто не в состоянии поймать себе дичь для пропитания.

– Однако человек – легкая добыча, – сказал Сэнди и осекся, когда до него дошел смысл его слов.

– О да, – медленно, с коварным видом закивал Доусон, – о да. Он пристально посмотрел на Сэнди, потом вдруг мертвенно побледнел и сказал дразнящим, игривым тоном, абсолютно не сочетающимся с выражением лица: – Мистер Джеймисон, я хотел бы задать вам один вопрос: понимаете ли вы значение ритуала?

Сэнди, заметно встревоженный, взглянул на меня, потом снова на Локарта Доусона.

– Как спортсмен... – начал он, но Доусон поднял свою пухлую руку, чтобы тот замолчал.

– Спортсмен. Какой... анахронизм. Нет смысла говорить о ритуалах со спортсменом. – Слово «спортсмен» он произнес с усмешкой, комично понизив голос. – Роль ритуала состоит в том, чтобы защитить от опасности тех, кто в случае опасности теряет больше всего. Разве не так, Рой?

– У меня не было возможности глубоко изучить данную концепцию, однако, должен признаться, ваши рассуждения, на первый взгляд, весьма привлекательны.

Доусона, похоже, раздражало, что я ему не поддакиваю.

– А то, что спортсмен – это анахронизм? Было ли у вас время углубиться на этот счет? – тон его становился вызывающим.

– Мне, пожалуй, понадобится более детальное определение, прежде чем я осмелюсь его прокомментировать.

Доусон улыбнулся.

– Отлично, – он заправил футболку в штаны и рыгнул. – Я утверждаю, что спорт, как и все остальное, уступил место бизнесу.

Разрази меня гром! Ведь не хотел, а все равно вписался в этот спор:

– Что касается спорта. Так или иначе, в рамках культуры спорт является для людей одной из точек соприкосновения, общим интересом. Отнимите у людей общие интересы, и вы получите разобщенное общество одиночек. Спорт дает людям ощущения, не сравнимые с меркантильными устремлениями. Наши ценности потускнели и извратились настолько, что средство самореализации, т. е. деньги, превратилось в самоцель. А ведь целью может быть спорт. Или, например, искусство. Или скорейшее низвержение в хаос.

Доусон захихикал, будто заработала пневматическая дрель, тела его мерно покачивались.

– Вы правы, Рой, спорт движет массами, но значимость это движение приобретает по мере того, как массы вовлекаются в экономический процесс, становятся потребителями. Чтобы продать массам спорт, его нужно упаковать, это должен быть досуг, доступный их пониманию. Да, в прошлом у людей были семьи, общины, было чувство локтя. Через это люди развивали общие представления о мире, создавали различные культуры. Сейчас далеко не все культуры приемлют политику прибыли, и поэтому взамен им должна прийти новая, более сильная и богатая культура, либо им придется усвоить эту политику. Семья и общество должны и дальше отдаляться друг от друга, их места должна занять работа при том, что взаимодействие их друг с другом должно лишиться всякого смысла, чего бы это ни стоило. Они принадлежат, как определяют это наши американские друзья, разным подразделениям. И должны быть экономически и физически разделены...

Я улыбнулся:

– И на смену старой культуре придут специалисты по рекламе и маркетингу, которые будут говорить людям, от чего получать удовольствие, – вклинился я. – Это будет несложно, если у людей не будет, с чем сравнивать, например, себя с другими людьми в том же экономическом и социальном положении. И с помощью СМИ вы даёте потребительские установки людям из разных экономических и социальных слоев. Ключ же в увеличении выбора через процесс подразделения, о котором вы уже упомянули. То, что люди все больше отдаются досугу и спорту не напрямую, а через соучастие, приводит к тому, что люди все меньше и меньше участвуют лично в процессах, которые непосредственно и составляют сообщество. Таким образом, вместо одного или двух стоящих переживаний мы получаем кучу бессмысленных эмоций.

– Да, но вы всего лишь проиллюстрировали мою мысль.

– Или вы мою. Может, это спорт покорила капитализм, а не наоборот. Необузданная саморекла-

ма бизнесменов 80-х тому пример. Они называли себя ведущими игроками, пользовались спортивными терминами: «новая ситуация на поле», «исходная позиция», «выйти на финишную прямую» и все в том же духе.

Доусон, похоже, начал сердиться:

– Да, Рой, но это мы покорили спорт, и в качестве добычи нам достался его язык...

– Но преобладание подобной терминологии подтверждает, что спорт и спортивный инстинкт доминируют, что капитализм – это всего лишь вид спорта, немного извращенный, скорее даже подвид, игра с деньгами...

– В таком случае если в накопительстве есть спортивный элемент, это опровергает ваш аргумент, что погоня за прибылью, единственно истинное побуждение, не может вести к самореализации.

– Вообще нет. Капитализму пришлось привить культуру спорта, природу игры с тем, чтобы погону за прибылью сделать достойной прилагаемых усилий.

– Послушайте, – начал раздосадованный Доусон, – вам, очевидно, незнакомы принципы дискуссии. В любом случае пора поливать растения.

Он щелкнул пальцами и начал сквозь фланелевые брюки натирать пах. Три девицы приняли позы, усевшись на корточки над горшками с растениями, лицом к нему. Доусон расстегнул ширинку, достал свой полувялый и, пока девушки пускали горячие, дымящиеся струи в почву крепких растений, он зверски надрачивал.

Кончил он мощно, казалось, будто с ним случился сердечный приступ, он задыхался, как как

как кто-то другой. Не помню кто.

Я ВСПОМИНАЮ

Я ВСПОМИНАЮ

Обратно, выше, выше

выше

выше

выше

выше

туда, на «Паром», выше, где с парнем случился припадок после того, как дядя Джеки его покоцал, он чуть концы не отдал

Я ВСПОМИНАЮ вечеринку в баре заведения под названием «Паром», которую мы устроили за пару дней до отъезда в Лондон, откуда мы летели в Йоханнесбург. Для этого был заказан верхний бар. Нас тоже взяли: я, Ким и Бернارد тянули лимонад, Тони дали выпить пива. Это был блестящий вечер.

Мама спела в честь Джона песенку «Шикарный кутила»:

Едва ты вошел в казино,

Как сразу затмил остальных,

Богатый красавчик,

Шикарный кутила,

Я глаз на тебя положила.

Хочешь знать, что подумала я? Да-да!

Мало кто так заводит меня,

Богатый красавчик,

Шикарный кутила,

Ты не прочь поразвлечься со мной? Да-да-да-да-да!

– А голос-то у Вет все тот же, – сказал дядя Джеки.

Как насчет пошалить-лить-лить,

Порезвиться, резвиться-виться?

Я могу показать тебе класс,

Я такой покажу тебе класс...

Мы с Бернардом и Ким сидели в углу, трескали чипсы и запивали их кока-колой. Я был счастлив. Мама хорошо пела, особенно в сопровождении оркестра. Я упивался сорванными ею аплодисментами и чувствовал себя принцем крови. И только Элджин был как привидение на этом празднике жизни. Было решено, что в Южную Африку он с нами не едет.

Ему подыскали место в ИНТЕРНАТЕ ДЖОРДЖИ ВЕНТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯ-

МИ. Там, объяснили нам, квалифицированный персонал, и за ним будет достойный уход. Бабушка будет навещать его, дядя и тетя Джеки тоже. (Их звали соответственно Джон и Жаклин, но, поженившись, оба не захотели уступать привычного Джеки, потому и стали известны под одним именем.) Придет день, говорил отец, и мы возьмем Элджина к себе. Ким ужасно расстроилась, а я вздохнул с облегчением. Одним поводом для беспокойства и смущения стало меньше, а сколько их еще осталось.

Я помню тот вечер. Все было хорошо, пока мама не напилась и не стала вести себя как шлюха. Папа заехал парню, с которым она болтала. А дядя Джеки покоцал приятеля того парня розочкой, и тогда прибежали копы и всех разогнали. Папу обвинили в нарушении общественного порядка, что для него вылилось в небольшой штраф, а дядя Джеки получил шесть месяцев за умышленное нанесение телесных повреждений. У того парня случился припадок, за которым последовал приступ, и сердце его остановилось. Команда «скорой помощи» реанимировала его. Станция была поблизости, в Западном Дженерал, так что они приехали быстро. Потом травмпункт и станцию «Скорой помощи» закрыли, так что, случись это сейчас, он бы, наверное, умер.

– Да я его и пальцем не тронул, мать вашу! – неубедительно орал Джеки, в то время как из подрагивающего тела текла кровь, а их с отцом выталкивали в участок, находившийся в соседнем доме.

Помню, как мы с Тони, Бернардом, Ким и мамой шли домой по Пеннивел-роуд. Вечер закончился катастрофой, наш последний вечер в Шотландии, и все из-за мамы. Ненавижу женщин, у которых хватает наглости так по-блядски себя вести. Ненавижу

Ну нет.

Глубже

Меня раздражает, что я

не

могу

углубиться.

На самом деле я поднялся еще выше, судя по тому, что слышу, как Патриция Дивайн говорит, что ко мне пришли. Я в сознании, я почти проснулся. Я боюсь просыпаться.

Я боюсь этого, как никогда.

Голос Патриции Дивайн – приторный, но в то же время резкий. Когда мы одни, она мне все рассказывает о своей жизни. Я хочу подобрать ее, защитить, полюбить за всю ту боль и разочарования, которые она испытала. Я хочу сделать это, чтобы загладить... нечего тут заглаживать. Это все Лексо виноват.

Мои представления о внешности Патриции изменились. Теперь она кажется мне постарше, чем я себе представлял сначала; некогда весьма привлекательной, но уже немного увядшей. Возможно, макияжа чуть больше, чем нужно, да, пожалуй, пара кило лишнего веса. Она так и не вышла за того хирурга. Она немного напоминает стюардессу которую я встретил в самолете, когда впервые летел в Йоханнесбург. Она стала раздражительной оттого, что не женила на себе пилота; от постоянных перелетов из одного чудовищного аэропорта в другой, из одной типовой гостиницы в другую. Очарование полета? В гробу она видала это очарование. Кем же она была? Воздушная подстилка, надувной матрас. Даже в десять лет я понимал, кто она такая.

Патриция – такая же. Сначала доктора, потом медбратья, потом, может, техслужба, скоро она доберется до санитаров. Секс-машина катится под откос. Но ты все равно божественна, Патриция. Если бы я только мог утереть твои слезы. Нет. Я слишком хорошо себя знаю. Я стал бы для тебя новым источником страданий и предал тебя, как и все. Это крик отчаяния. Чтобы остановить твоё падение, разбить порочный круг, должно произойти нечто невероятное.

Почему я вижу людей только с плохой стороны, узнаю их только через боль и неудовлетворенные амбиции?

Потому что я

– Да, Рой, это твоя подруга, которая приходила вчера. Она вернулась.

Да, теперь мы не одни. Это слышно по интонации, с которой Патриция говорит. Она включила свой «мы не одни» голос – сладкий, притворно доверительный, а на самом деле совсем наоборот.

Посетитель не отвечает. Во всяком случае это женщина. Я чувствую шлейф от ее духов. Кажется, я слышу этот запах. Возможно это всего лишь мое воображение. Во всяком случае мне он кажется до странности знакомым. Может, я ее однажды трахнул.

У меня был период, когда я перетрахал множество женщин. Началось все после того, как я сде-

лал для себя открытие: чтобы развести на фак, нужно всего лишь побыть минут двадцать тем, кем она хочет тебя видеть. Я полагаю, все понимают, что речь идет об определенном типе женщин. Только ты наплетешь ей чего-нибудь, чтобы она подпустила тебя поближе, как тебя заносит так далеко, что уж и не рад. Тогда это льстило моему самолюбию, ведь я был еще совсем молод. Период фачилова обозначил коренные перемены в моей повседневной жизни, ведь до этого мне никто не давал, а в такой ситуации, как ни крути, хорошего было мало. Сейчас меня это вполне устроило бы, но тогда я думал иначе. Вряд ли теперь секс может поднять мне настроение. Едва ли я вообще когда-нибудь буду трахаться. Дело-то было совсем не в сексе, все было замешано на... ну его в жопу, весь этот кал. Обратное, к Марабу. Если я убью Марабу, может быть, тогда...

Нет.

Я никогда больше не буду трахаться.

Я слышу, как уходят сестры, едва постукивая мягкими туфлями. Я остаюсь наедине со своей подругой. Кто она?

– Забавно видеть тебя здесь, Рой. Сколько лет, сколько зим.

Кто ты такая, мать твою?

– Мне очень жаль, но я принесла тебе плохие вести. Твой старый друг Демпси, Алан Демпси, покинул этот мир. Я подумала, тебя надо известить.

КТО ТЫ?

Плохи дела. Шаги ее удаляются. Она уходит.

Демпси, Алан Демпси, Демпс. Полный абздец. Один из нас. Топ-бой. Один помер, другой лежит, как овощ на грядке. Овощ и скелет.

Та, что принесла плохие вести, уходит, но удаляющийся звук ее шагов переходит в приближающийся топот.

– Они сейчас отнесут тебя в палату. Я уже показал этим блядам. Я им говорю, суки вы позорные, ложьте-ка моего парня обратно в палату, а не то я достану свой дробовик, и тогда вы поймете, что такое дефицит больничных коек!

– Джон, мальчику необязательно все это слушать. Мы уже все уладили, сынок. Мы с ними договорились.

– Это точно, ебать-колотить. Мы этих сук хорошенько отбрили.

– Да, но теперь вам пора уходить, мистер и миссис Стрэнг. Мне нужно подготовить Роя к процедуре.

Ладно, идем... только не вздумайте выносить его из палаты... ясно! А не то я мигом!

– Никто не собирается его выносить, мистер Стрэнг. И пожалуйста, говорите потише, крик может его расстроить.

Это точно.

– Ну конечно, вы только прислушайтесь к моему мужу.

– Да, миссис Стрэнг.

– Пока, Рой!

– Покеда, сынишка. Помни, мы не дадим им над тобой издеваться... Бывай!

БЫВАЙ, ПРИДУРОК ГРЕБАНЫЙ!

Меня ворочает сестра Беверли Нортона. Патриция уже, наверное, закончила свою смену. Поговорите со мной, сестра Нортона, у вас такой мягкий говор, как в сериале «Коронэйшн-стрит». Прямо как у Дори... нет, не как у Дороти.

– Сегодня после обеда к нам придет доктор Парк, так ведь, малышка Рой? Надо к его приходу навести тебе красоту.

Давай, сестра Нортона, зажигай. Не обращай внимания на старика Стрэнжи. Рой Стрэнг. Стрэнжи из Муирхауса. Теперь он овощ, но все еще знаменитый чувак. Все еще топ-бой. А Демпси пошел на корм червям, такие дела. А что остальные? Фиг знает. Я здесь уже два года. Может, они в Саутоне или, того хуже, в многоэтажке в Гамли, Уипей или Бара, сидят в своих клетушках с какой-нибудь телкой и сопливым младенцем, отовариваются в супермаркете, бодают ящик. Может, они тоже овощи? Эй, как вам на грядке? Ну конечно, со мной нечего сравнивать. Я деградирующий кусок дерьма, неспособный ни выполнить свое предназначение в этой жизни, ни умереть и перейти в следующую.

Спасибо за счастливое детство в Шотландском спальном районе, за чудесную науку неодолимой скуки – прямое следствие жалкого существования. Вытащите вилку из розетки, мать вашу!

Интересно, а как это Демпс нарвался? Слава Богу, что хоть Сэнди Джеймисон со мной.

Пора
Возвращаться
На глубину

Все дело в хорошем сервисе, – втирает нам старик Доусон, вытирая с лица остатки солидных закусок. Мы с Сэнди тоже принялись за холодные блюда с большим рвением, однако, покончив, оба обнаружили, что уже сыты.

– Мы еще не успели проголодаться, – сказал Сэнди.

– Все дело в проклятой жаре, – поддержал я, – сейчас этого домашнего хлеба с маслом мне хватило бы на обед!

За столом нам прислуживало странное существо, ничего похожего я раньше не видел. Оно было низкорослое и неприметное, однако чиркающая по полу задница заставляла задуматься о его экстраординарных способностях. Для гнома это существо смотрелось слишком сурово; фея? – вряд ли, таких безобразных фей не бывает, да и для эльфа оно было слишком неуклюжим. В нем чувствовалась неприкрытая враждебность, чего нельзя ожидать от уважающей себя нечисти. Доусон сообщил нам, что это его верный слуга Дидди. Когда тот накладывал Доусону один за другим черпаки овощей, Сэнди уставился в тарелку, лишь бы не встретиться глазами с этим гоблином. Стоит отметить, что нас он удостоил значительно менее обильными порциями.

– Взять хотя бы Дидди. Раньше он был здесь главный. Теперь он прислуга. Мне пришлось сместить его с ответственной должности, лишит исполнительной власти. Он – человек прошлого, не способный привести нас к следующей ступени развития. Не так ли, Дидди?

Доусон произносит еще раз медленно и четко «человек прошлого, не способный привести нас к следующей ступени развития».

– Да, мистер Доусон, – серьезно отвечает Дидди.

– И как тебе нравится прислуживать мне за столом, Дидди?

– Для меня большая честь служить Джамбола Парку в любом качестве, мистер Доусон.

– Спасибо, Дидди. А теперь, оставь нас, пожалуйста. Нам надо поговорить – у нас совещание.

Дидди поспешно скрылся за дверью. Доусон откинулся в кресле и громко, с удовольствием рыгнул.

– Видишь ли, Рой, Дидди, может быть, и не супер, но он обладает одним чрезвычайно важным качеством. У топ-менеджеров теперь его нет, да и не нужно, их можно купить. Другое дело – простой персонал. Я, конечно, имею в виду преданность. Старый, добрый Дидди всегда готов служить империи. Такие, как он, всегда ценились такими, как я, с тех пор как британцы ступили на эту Богом забытую землю.

– Воин всегда в пути, – улыбнулся я, а Доусон вскинул похотливую бровь, выказывая свою сальную призывательность.

– И если я правильно понял, Дидди получает щедрое вознаграждение, – рискнул выступить Сэнди.

Эту реплику Доусон пропустил мимо ушей. У меня все время вылетало из головы, что Сэнди когда-то работал на жирдяя Доусона.

– Отличный обед, Локарт, – не унимался я.

– Да, – поддержал Сэнди, – особенно после той гадости, что нам подавали в городе.

– Это было чудовищно, – согласился я, – а этот бармен развел такой ажиотаж. Да и где сейчас найдешь хороший сервис? Вот с Дидди вам просто повезло.

Доусон потер пухлые руки, и лицо его приняло серьезное выражение.

– Видишь ли, Рой, у людей есть одно презренное качество – им проще присягать на верность любому учреждению, нежели отдельному человеку. Людям, требующим преданности от прислуги, это может составить немало проблем. Что же делать? Конечно, приходится просто покупать учреждение. Безусловно, цели этой организации могут меняться в зависимости от деловых интересов хозяина, и это многим заметно. Но, к счастью, алмаз преданности полировался веками и передается от поколения к поколению, так что несчастным ничего не остается, как подчиниться.

– Добрая воля – величайшее достояние всякой организации, – заметил Сэнди.

– Вот только пересчитать и внести ее в балансовый отчет совсем не просто, – улыбнулся Доусон, обращаясь скорее ко мне, нежели к Сэнди, который уже покачивался на стуле, издавая низкие звуки: ммммм.

– Что же все это значит, Локарт? Какую роль вы определили для нас с Сэнди? – мне не терпе-

лось узнать, к чему он клонит.

– Как вы уже, возможно, знаете, – лицо его озарилось самодовольной улыбкой, – я планирую присоединить к своим владениям соседний парк, погрязший в долгах. Я предложил неплохие деньги, но, как и предполагалось, начались эти унылые вопли, что я граблю неимущих, обдираю должника, отнимаю парк у детей и т. д. и т. п. Торговля компроматом на Локарта Доусона в тех краях, похоже, стала бурно развивающейся отраслью. Крикунам нужны сплетни, пожалуйста, мне не жалко, я никогда ни от кого не убежал.

– И где же точка соприкосновения наших интересов?

– Мне нужна их земля. Это больше двухсот квадратных миль. Присоединив их к моему небольшому парку, мы могли бы затеять бизнес. Большой бизнес. Я предлагаю тебе большие возможности, Рой. Я предлагаю новое видение. Всегда найдутся недовольные, которые предпочитают противостоять прогрессу. Так вот соседний парк – Изумрудный лес – осаждают самые злобные и беспринципные хищники-падальщики, обитающие на этом континенте. Я имею в виду, конечно же, ваших старых друзей...

– Аистов Марабу.

– Я слышал, что вас интересует один из них – вожак стаи.

– Да, это так.

– Я хочу помочь вам справиться с ним. В вашем распоряжении будут все средства, которыми я располагаю.

– Нам понадобятся пара помповых дробовиков, план местности... взрывчатка...

– Все, что пожелаете! – Доусон перегнулся через стол, чтобы пожать мне руку. – Ну, как говорится, надерем им задницы, или пусть лучше ваши задницы поскорее потрут о седло. Сейчас я исчезну на время. Семья, знаете ли, все немного обеспокоены происходящим. Нам ведь тоже приходится бороться с вражескими голосами.

Доусон рывкнул на Дидди, приказал выдать нам снаряжение, и мы были таковы.

4. *Leptoptilus crumeniferus*

Аист Марабу – хищная птица, кроме того, она питается падалью. Эти качества заставляют людей ненавидеть и презирать Аиста Марабу. Люди предпочитают животных, чьими качествами они сами хотели бы обладать, и ненавидят тех, чьи черты они напрасно полагают не присущими человеку. Однако не добродушный, сильный медведь, не грациозная, вкрадчивая кошка и не преданная, дружелюбная собака правят Миром, в котором мы живем; этим миром правят Аисты Марабу, а они, как известно, – гнусные подонки. Даже стервятников так не разносят в местных газетах.

Жирдяй Доусон купился на идею, что если убрать вожака, создать вакуум, то мы сможем пронаблюдать, как твари в смятении станут рвать друг друга на части. Я знал, что этому не бывать, что в действительности изощренность и организованность птиц значительно превосходят доусоновские о том представления. Сам он был с Запада и не мог понять этих тварей. Новый лидер появится сразу же. Марабу невозможно истребить, потому что они в полной мере продукт окружающей среды – природы, и природа – эта грубая действительность – всецело их поддерживает. Самое большое, на что можно рассчитывать, это вынудить их на временную миграцию. Тем не менее убежденность Доусона и Сэнди в том, что устранение вожака – самая подходящая стратегия, чтобы очистить Изумрудный лес от Аистов Марабу, была мне на руку.

Для меня это был личный вопрос. Мне нужен был только один Аист, эта тварь должна была умереть. Я потянул из фляжки прохладной воды, губы обсохли на жаре. Из кармана куртки я вытащил тюбик вазелина, чтобы помазать их, как вдруг показался голый Сэнди из реки, куда он решил окунуться, чтобы дать себе передышку от вездесущей жары. Он глянул на меня, потом осмотрел пустынную, дикую местность, окружавшую нас. На мили вокруг не было ни души. Он стал вращать глазами...

– Можно было продумать и другие варианты, Рой, – ухмыльнулся Сэнди-нет, это не Сэнди вращал глазами...

мы с Сэнди не такие...

Ребята просто шатались

по округе

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

он быстро натянул на себя одежду.

У нас с Сэнди под рукой имелось все необходимое для выполнения задания. Мы запаслись винтовками, дробовиками, взрывчаткой, кроме того, у нас были буквально горы провианта: джем, чай «English Breakfast», консервированные бобы, супы, десерты и всякая всячина, в общем все то, что не портится на этой проклятой жаре. Но я видел, что Сэнди что-то темнит и не договаривает о поставленной перед нами, казалось бы простой, задаче.

– Что ты думаешь о Джонни Марабу, Сэнди, старина? – спросил я.

– Злобные кровопийцы, вот они кто, Рой, их нужно удалить ради того, чтобы игра продолжалась, – ответил Сэнди, побледнев до пепельного оттенка.

– Тебя не посещает мысль о том, что мы не вполне готовы выполнить это задание, а, Сэнди? – не отставал я.

– Время покажет, – с грустью ответил он, – время покажет-наверх

выше

выше

– время покажет.

Что за на хуй?

– Но я думаю, что он выкарабкается. Признаки мозговой активности стали значительно заметнее. Я не удивлюсь, если он нас слышит. Взгляните, доктор Госс...

ОТЪЕБИСЬ!

Этот гондон поднимает мне веки и светит фонариком в глаза. Луч бьет прямо в мою темную берлогу, и я ухожу в тень, чтобы меня не засветили. Эти гондоны ничего не заметили.

– Реакция на лицо. Это очень позитивный знак, – говорит один из докторов, я не помню их имен, для меня все они говорят на один голос.

– Мне кажется, ты не хочешь нам помочь, Рой, похоже, что ты не слишком стараешься, чтобы выздороветь, – говорит другой. Я называю их Английский Гондон Представитель Среднего Класса Один и Английский Гондон Представитель Среднего Класса Два, чтобы хоть как-то их различать.

– Думаю, нам придется повысить стимулирующие воздействия и чаще проводить тестирование, – говорит Английский Гондон Представитель Среднего Класса Два.

– Да, доктор Парк, – говорит сестра Беверли Нортон.

– Да, записи, которые принесли для него родственники, ставьте их почаще, – предложил Английский Гондон Представитель Среднего Класса Один.

Таким образом, меня приговорили к еще более частым истязаниям, и мои силы, которые я должен сосредоточить, чтобы углубиться, уйти в свой мир, историю, охоту, теперь будут тратиться на сопротивление этим гребаным умникам.

– Послушай, Рой, мы делаем для тебя все, что в наших силах, ты должен желать выздоровления, – говорит Английский Гондон Представитель Среднего Класса Один, склонившись надо мной. Его прогорклое дыхание щекочет мне ноздри. Ты бы вот что, подумал бы хорошенько, ведь если я и встану, то первое, что сделаю, это покоцаю твое английское пидорское ебало своими собственными... ладно, притормози, старичок... я подошел слишком близко к поверхности и чувствую, что стою на последней ступеньке того трапа, что спускается вниз по стенке глубокого колодца. Внизу, на полпути, – мое убежище, дальше вниз – прекрасное голубое небо Африки, мир, в который я опускаюсь, но сейчас я на самом верху, упираюсь в потайную дверь, через которую проскальзывают лучи света...

Я чувствую несвежее дыхание.

ВНИЗ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

– Забавно, но мне показалось, что на секунду он вроде... наверное, это мне просто привиделось. В любом случае, пройдемте далее. Спасибо, сестра.

Пиздуйте отсюда, хуесосы.

– Нет, ты слышал, Рой! Сегодня аж два доктора! Доктор Парк и доктор Госс, и оба тобой довольны. Только тебе надо побольше трудиться, любимый. Я сейчас поставлю ту чудную кассету, что записали для тебя твоя мама и брат. Тони – он же тебе брат, верно? Шикарный, парень, нечего ска-

зять. Мне кажется, он положил глаз на наших молоденьких сестер. Короче, вот, слушай:

Едва ты вошел в казино,
Как сразу затмил остальных,
Богатый красавчик,
Шикарный кутила...

Спасибо, не надо, спасибо, Бе-вер-лиии, выключи, твою мать. Верните мне Патрицию Дивайн. Патси, Пэтси Де Клайн, вернись, я все прощу...

Я глаз на тебя положила.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Мир.

Часть вторая Золотой город

5. В золотом городе

Нашим первым пристанищем в Южной Африке стали несколько комнат в просторном доме дядюшки Гордона, расположенном на северо-восточной окраине Йоханнесбурга. Дядя Гордон любил говорить, что «Мы живем максимально далеко от карифов (т. е. от Советов), и все же в Йо'бурге».

Я был еще ребенком, но современный город показался мне серым и унылым. Он выглядел очень эффектно с борта самолета, когда мы кружили, заходя на посадку в Международный аэропорт Яна Смутса. Джон гордо заявил мне, что он назван в честь южно-африканского военного, большого друга Уинстона Черчилля. Только когда мы приземлились, я понял, что это точно такой же город, как и другие, и что все они лучше смотрятся с высоты. При ближайшем рассмотрении центр Йоханнесбурга показался мне тем же Муирхаусом, только большим и солнечным. Чудовищные небоскребы, хайвэй и мосты, давно сменившие жалкие лачуги первых золотоискателей, построивших город, смотрелись нелепо на фоне старых отвалов золотоносных шахт. Я был ужасно разочарован, ведь в самолете мама рассказывала, что его называют Городом Золота, и я ожидал, что его мостовые и дома будут натурально из золота.

Дом Гордона в Кемптон-парке – место вполне здоровое, но за воротами, кроме трехполосного шоссе, таких же домов и полей, ничего не было. Дети не играли на улице: это было мертвое место. Большую часть времени я просиживал дома или играл в саду с Ким. Меня это устраивало: в доме тоже было, что посмотреть.

Гордон жил один со своей черной экономкой; то, что он один занимал дом таких размеров, казалось причудой. Может быть, он хотел показать миру, каких успехов он добился, по крайней мере в сфере материального благосостояния. Его личная жизнь в Республике складывалась не так гладко. У него была жена, но она давно покинула Гордона, после чего он уничтожил все, что напоминало о ней. Ее имя не упоминалось, и разговоры на эту тему были запрещены. Рассказами о том, как Гордон убил свою жену и похоронил в поле, я пугал Ким до смерти. Это было вполне правдоподобно судя по тому, как он выглядел. Я сразу раскусил его – настоящий Стрэнг: полное ебанько.

Однажды я нагнал на Ким такого страху, что ее переклинило не на шутку, и она проболталась маме, за что я получил хорошую трепку. Помню, как Вет говорила, отхаживая меня ремнем:

– Выпороть тебя надо хотя бы потому, что если узнает отец, то наказывать тебя будет он, и вот тогда-то тебе непоздоровится.

Чистая правда. Ким была отцовской любимицей, дразнить ее означало подвергаться постоянной опасности навлечь на себя его гнев. Наказание было вполне терпимым, и я принял его с чувством облегчения, признав правоту маминых слов. Она и в самом деле оказывала мне услугу, и я чувствовал, что порет она меня без души; но, к сожалению, сделать больно она умела, так что остановилась она только, когда из носа у меня хлынула кровь. Уши у меня гудели еще несколько дней, но я и не думал обижаться на маму или Ким. Все было как-то легче, счастливее. Хорошие были времена.

В то время я ни хрена не рубил в политике, но даже тогда я скоро сообразил, что дядя Гордон, как я назвал бы его сейчас, закоренелый расист крайне правых убеждений. Он жил в Южной Африке

уже 15 лет. Свою историю он рассказывал любому, кто был готов слушать (за этот год я прослушал ее, без преувеличения, десятки раз). Так вот он и двое его друзей сидели в кафе «Юбилей» в Грантоне и думали, чем же им в этой жизни заняться. Они обсуждали возможность эмиграции в Канаду, Австралию и Южную Африку и решили, что каждый выберет себе страну. Гордон предпочел ЮАР. Они договорились сообщить о себе в то же кафе «Юбилей» через десять лет, но те двое так и не объявились. Да и кафе уже закрыли. – Дурные мы были, – заканчивал Гордон, – но это была наша лучшая выходка.

Даже тогда, а мне было всего 11 лет, я понимал, что это не история, а чушь разукрашенная. В том, что благосостояние Гордона поддерживалось системой, сомнений не было. Сначала он работал в сфере обслуживания и сменил несколько мелких должностей, за которые белые получают значительно больше черных. Потом он открыл агентство недвижимости в Йоханнесбурге. Дела пошли в гору, и он стал вкладывать деньги в строительство. К тому времени, как мы приехали, у Гордона уже имелись дом, скорее даже особняк, в пригороде, лесопилка средних размеров в Восточно-Трансваальской степи, по дороге к Национальному парку Крюгера. Также у него были офисы в Дурбане и Кейптауне и кое-какая недвижимость в Сан Сити.

Наверное, старикан думал, что он сразу займет хорошую должность в фирме брата. Помню, как однажды за завтраком Гордон сказал отцу:

– Не волнуйся, Джон, я тебя здесь пристрою, как надо. Но на меня ты работать не будешь. Я убежден, что работу и семейные отношения смешивать не надо.

Я довольно живо это вспоминаю: кончилось все скандалом; снова воцарилась та напряженная атмосфера, которая постоянно ощущалась у нас дома. Я-то наивно полагал, что все это осталось в Шотландии. Ким заплакала, а я, помню, подошел и обнял ее с такой нежностью, которую и не чувствовал на самом деле, единственно ради того, чтобы пристыдить родителей и чтобы они перестали орать. Бесполезно – они этого даже не заметили. Я сидел и с грустным, зловещим видом смотрел, как слезы катятся по крупному лицу моей сестры. Мама готова была лопнуть от напряжения, а Джона и Гордона заметно трясло. Это было началом конца южно-африканской мечты моего отца.

В итоге папа устроился на работу охранником в супермаркете, располагавшемся в нескольких милях от дома, в спальном районе для белых. Гордон уверял, что это всего лишь временная мера, первая ступень на пути к восхождению – так он говорил. Маму он тоже пристроил – печатать и заполнять бланки; она работала в центре, в офисе компании, принадлежавшей его приятелю.

Через пару недель мы с Ким должны были пойти в школу имени Пола Крюгера. Бернард записался в школу им. Вильгельма Котце, а Тони, опять же благодаря Гордону, устроился учеником шеф-повара в одну из гостиниц города.

Пока мы не ходили в школу, нас и Ким оставляли дома с Валери, экономкой Гордона. Объемистая негритянка была очень веселая, все время пела нам песни банту. Валери покинула семью и приехала на заработки, чтобы посылать деньги домой. Благодаря ее доброте и радушию у нас с ней быстро сложились хорошие отношения; она все время суежилась вокруг нас. Но однажды ее поведение резко изменилось: Валери вдруг стала холодна и бесцеремонна.

– Не путайтесь у меня под ногами, – сказала она. Ким не знала, что и думать, ее очень расстроила такая перемена, но я-то знал, что Гордон провел с ней беседу.

Спустя некоторое время мой дядя, уделявший мне особое внимание, придя домой, препроводил меня в просторный гараж, который примыкал к его дому.

– Я не хочу, чтобы вы так тесно дружили с Валери. Она – прислуга. Всегда помни об этом: она – прислуга, да к тому же черномазая. Все они кажутся дружелюбными, так у них принято, но нельзя забывать, что это раса убийц и воров. Это у них в крови.

Он показал мне альбом, куда он подшивал газетные вырезки, рассказывающие о «зверствах террористов», – так он его преподнес. Помню, мои чувства метались от испуга к восхищению. Я хотел прочитать альбом от корки до корки, но Гордон захлопнул книжку и посмотрел мне прямо в глаза. Он положил мне руку на плечо. Его дыхание несло сладковатый, гнилостный запах.

– Понимаешь, Рой, я не говорю, что Валери такая же, она во многом не плохой человек. Но она должна знать свое место. И пусть тебя не обманывает ее приветливость. Она всегда готова показать звериный оскал. И так все они. Эти люди, Рой, они не такие, как мы с тобой. Они почти как бабуины – едва слезли с пальм, ты убедишься в этом, когда мы поедем в степь. Нам пришлось занять эти земли и научить их работать. Мы создали эту прекрасную страну, а теперь они говорят: «Верните ее нам». – Его глаза расширились. – Ты меня понимаешь?

– Да, – неуверенно протянул я. Разглядывая черные волосы, растущие у него из ноздрей, я думал, когда же мы поедем в степь смотреть бабуинов.

– Представь себе, – продолжал Гордон, упиваясь своей речью, – у одного мерзкого, глупого, ленивого, плохо пахнущего мужика была старая садовая беседка. Она уже совсем разваливалась, и никто в нее даже не заходил. И тут приходишь ты и говоришь: «С этой беседкой можно поработать». Таким образом ты берешь на себя ответственность сделать из беседки нечто, более стоящее. Ты вкладываешь в свою работу всю душу, и через годы, через твой пот и кровь беседка превращается в большой, прекрасный дворец. И тут приходит этот ленивый, глупый мужик, у которого к тому же кожа цвета грязи, издающая отвратительный запах, и говорит: – «Это моя беседка! Отдавай ее мне!» Что ты на это скажешь?

– Проваливай! – ответил я, горя желанием произвести впечатление.

Гордон, этот худосочный, тонкий как веретено человек, с усталыми, водянистыми глазами, которые могли внезапно яростно вспыхнуть, прямо просиял:

– Правильно! Ты истинный шотландец, Рой! Настоящий африкаанер! – Гордон улыбнулся. Он всегда задерживал взгляд на секунду-две дольше, чем нужно, так что становилось не по себе. Я не знал, что такое африкаанер, но слово было звучное, как и «истинный шотландец».

Теперь я смотрел на Валери по-другому. У нее были дети, которых она бросила, зная, что не сможет прокормить их. Как мне объяснил Гордон, черные не могли организовать сами, у них ничего не получалось. Даже лучшие из них нуждались в присмотре белых, чтобы получать от них жилье и работу.

Очень важно не сходить с ними слишком близко, иначе они теряют контроль над собой и возвращаются к первобытному состоянию.

– Помнишь, у вас была собака, Уинстон, так ведь?

– Да, – ответил я. Уинстон II пребывал где-то в собачьем питомнике. Он должен был провести там шесть месяцев карантина. Нельзя сказать, чтобы я с нетерпением ждал его возвращения.

– Помнишь, как ты однажды с ним разыгрался? – Да.

– И что произошло?

– Он меня покусал.

Конечно, Уинстон не просто покусал меня. Он практически отгрыз мне ногу. Даже спустя три года, после пересадки кожи и интенсивной физиотерапии, я все еще прихрамывал.

Гордон напряженно смотрел на меня:

– С черномазыми то же самое.

Начнешь с ними заигрывать, а они тебя кусают! – Он в шутку схватил меня и пощекотал длинными пальцами-поднимаюсь

наверх

наверх

наверх

– Какой ты худой, Рой, – кожа да кости. Хотя ты, наверное, всегда был стройненький. Немного бы мяса на эти косточки, и ты будешь парень что надо, Рой. Мы будем следить, чтобы ты кушал как следует. Для того мы сюда и пришли. Вот так.

Пшла вон, корова

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Мы едем обратно через грязный городок и направляемся к озеру Торто, надеясь выйти там на след аиста.

Сэнди рассказывает одну из своих охотничьих историй: – Помню, бежит по деревне девчушка и кричит: «Симба мама уае!», что примерно означает: «Маму схватил лев!» Так и есть: зверь сцапал маму бедной девочки за бедро, а потом перекусил шею. Услышав крики, лев бросил свою добычу и скрылся в высокой траве. Я пустился в погоню и, быстро сократив разделяющую нас дистанцию, увидел, как зверь уходит в заросли по другую сторону поляны. Я хорошенько прицелился и выстрелил. Пуля сбила льва с ног, однако подлец тут же вскочил и побежал, К сожалению, выстрелить так же точно из второго дула мне не удалось. Короче, я его потерял. Проходя по поляне, я услышал рычание. Полагая, что зверь серьезно ранен и что выпущенная мной пуля скоро принесет ему смерть, я решил, что доблесть наша в осторожности и что было бы благоразумно отойти метров на тридцать и

просто подождать развития событий.

– Вот это да! – воскликнул я, наслаждаясь ароматом эвкалипта. – И что было дальше?

– Час ожидания превратил меня в непоседу, и я решил, что пришло время обследовать заросли. Я, конечно, думал увидеть льва мертвым. Вокруг было тихо, и я осторожно вступил в заросли и пошел по следу. Было видно, что лев потерял много крови, да к тому же сильно хромал. Продвинувшись еще на несколько метров, я разглядел рыжевато-коричневую тушу льва. Он лежал, свернувшись, абсолютно неподвижно, положив голову между лап; его глаза блеснули в тени и он уставился прямо на меня. Фокус в том, что нас разделяло не больше десяти метров!

– Боже мой...

– Я вскинул ружье, но коварный зверь с диким ревом бросился на меня, не дав мне времени прицелиться и выстрелить. В ту же секунду я нажимаю на курок – пуля попала в голову и на вылет ранила его в плечо. После третьего выстрела он свалился. Тут я подумал, что этого вполне достаточно, *quantum sufficit*, так сказать, но разрази меня гром, если подлец не поднялся и не рванул с новой силой!

– Черт побери, Сэнди, что же ты сделал?

– Сделать-то сделал, старичок, но не я. Мне очень посчастливилось, что Тану – храбрый абориген из деревни – пошел за мной. Бесстрашный парень поднял копье, изо всех сил метнул в льва и попал в плечо. Тот бросился на моего отважного союзника, что дало мне время перезарядить ружье, прицелиться и всадить в зверюгу содержимое моей двустволки. Еще один выстрел прикончил его. Боже, какое в деревне устроили празднество! Известие о кончине льва-убийцы переполняло всех радостью. Они стали шить наряды из его шкуры и вытачивать амулеты из его костей. Вечером мы выпили невероятное количество пива с превеликим удовольствием.

– А что стало с аборигеном?

– Тану... друг... бедняга не выжил, лев сильно потрепал его, – сказал Сэнди, и на его глазах показались слезы.

Я положил ему руку на колено и сжал его.

– Беспредельно смелый парень! – всхлипнул Сэнди.

Какое-то время мы молча ехали по пыльной дороге. Когда мы выехали на шоссе, огибающее озеро Торто с запада, я кое-кого заприметил.

– Смотри, Сэнди! Это же тот парнишка, что играл в футбол.

– Да, смешной пацаненок, – улыбнулся Сэнди. Поравнявшись с ним, мы притормозили.

– Подбросить? – спрашиваю. – Прокатить? Хочешь прокатиться?

Он недоверчиво посмотрел на нас.

– Как будет «кататься» на банту? – обратился я к своему напарнику. Сэнди сильно изменился. От жары у меня начались галлюцинации... Его лицо покрылось зеленой чешуей, он был похож на рептилию.

– Да забыл я, к ебени матери, все слова этого сраного банту! – заорал Сэнди и раздраженно ударил кулаком по кузову.

Я теряюсь. Надо собраться.

– Ничего страшного, Сэнди, – успокаивал я, повернувшись спиной к нашему молодому обормоту. – Прокатимся? Брм-брм! Все в порядке! Мы тебя не тронем! Залезай в машину!

Сэнди почему-то роется в дорожной аптечке.

– Давай, выпьешь с нами лимонаду. Ты ведь абсолютно пересох, – прошипел он странным голосом, при этом изо рта его высовывался раздвоенный язык.

Когда парнишка увидел бутылку лимонада, его лицо загорелось очаровательной улыбкой, и я подумал, что он залезет к нам в машину.

– Давай, приятель, повеселимся! – сказал Сэнди и продолжил: – Хочешь покататься, пизденыш, давай, я тебя прокачу как надо...

Нет, нет... все было не так. Мы с Сэнди не такие... Парень развернулся на пятках и удрал. Сэнди как будто потерял рассудок...

– Не расстраивайся, Сэнди, – улыбнулся я. – Так уж они воспитаны.

Сэнди просиял:

– Да, Рой, в конце концов, это просто восхитительно, что нас только двое и нам никто не мешает.

– Расскажи мне еще о своих приключениях со львами, – попросил я.

Сэнди поразмыслил немного и сказал:

– Нет, мистер Стрэнг. Я так думаю, вам пора рассказать свою историю об охоте на акул.

– Хммм, – вспоминал я, – я тебе рассказывал, в какую заварушку попал я с акулой Джонни в провинции Наталь?

– Нет, кажется, не рассказывал.

– Я приехал в Наталь расследовать несколько случаев нападения на аквалангистов. Были подозрения, что это кто-то из наших старых друзей – большая белая или, может, тигровая акула. Но у меня были причины в этом сомневаться. Следы укусов на ногах выживших противоречили этим догадкам. Мои сомнения подтвердились с лихвой, когда я один отправился на место нападений. Я обнаружил, что меня преследует *Carcharhinus longimanus*.

– Океанская белоногая акула, – выпалил Сэнди.

– А ты разбираешься в акулах. Короче, эта тварь кружила вокруг меня. Она была метра три в длину. Океанская белоногая акула очень агрессивна. Когда потонул корабль «Нова Скотия» недалеко от побережья Наталь, именно она добила спасшихся от кораблекрушения. События развивались по тому же сценарию, что и твоя стычка со львом: сучка, извиваясь, подплыла, когда я уже был готов выпустить взрывной гарпун из подводного ружья.

– О Боже, – глаза Сэнди округлились.

– Не успел я выстрелить, как тварь уже стиснула зубы на моей ноге. Боли я не почувствовал. Я выхватил нож и вонзил акуле в морду. Ей пришлось ослабить тиски. Чтобы ее челюсти не сомкнулись на моей ноге снова, я быстро впихнул ей ружье в пасть, после чего аккуратно вытащил израненную конечность. Тварь стала мотать головой из стороны в сторону, пытаясь освободиться от ружья, но, на мое счастье, добила только того, что сработал детонатор и ее морда разлетелась на куски. Память об этой стычке осталась у меня до сих пор... – Я показал Сэнди шрамы на ноге.

– Ну и ну.

Так мы и ехали, травили байки, пока ночь не спустилась на озеро. До нас доносились трубные крики фламинго, обеспокоенных прорезающими темноту фарами. К тому времени мы уже очень устали. По счастливой случайности недалеко от тех мест, где мы проезжали, на нашей карте была обозначена хижина; мы без особого труда нашли ее.

Подъехав к хижине в приподнятом настроении, мы даже обнаружили в себе силы провести тщательный осмотр нашего нового жилища. Дом был построен на высоких сваях и стоял на склоне холма над озером, окруженный лесом. Я радостно предвосхищал утренний восход – солнце будет светить прямо в нашу хижину поверх пышных зеленых холмов.

Открывая ящики буфета, Сэнди с нескрываемой радостью восклицал:

– Полотенца! Посуда! Постельное белье! Смотри, в холодильнике – лимонад!

– Можно печку растопить, – предложил я, указывая на старую печь посреди комнаты. Хижина оказалась больше, чем обычная сторожка, и, похоже, здесь уже сто лет никого не было.

– Не надо, – сказал Сэнди, – мы на солнечной стороне. Пройдет немного времени, и комната будет залита солнцем. Если станет холодно, мы всегда можем вернуться в спальники. Когда я путешествовал с аборигенами, мы всегда так делали, чтобы сохранить тепло – поднимаюсь

наверх

наверх

наверх

наверх

– прямо в жопу, старик. Она просто корова, сучка неумытая, Рой, я тебе говорю. Даже если Ханна узнает, мне все равно. Видишь, она знает что я хожу налево, но чтоб с ее сестрой... это нечто особенное. Она тогда не даст мне видеться с детьми... ты не представляешь, Рой, какой она может быть злобной сучкой... я ей показал тут недавно, научил непреложным истинам... Ха, уверен, если бы ты проснулся, тебе было бы что порассказать. Тебе тут, видать, не так плохо. Сестры моют тебя каждый день прямо в постели. Мне бы это понравилось. Есть здесь парочка таких – я бы их в момент отымел, я те говорю...

Тони. Ты пришел ко мне в больницу. Черт. Вот это неожиданный визит.

– Дело в том, что ее сестра не держит язык за зубами...

Кобыла

Заткнись

– Она трещит как помело по всем углам...

Заткнись

—...все они одинаковые, сучки гребаные... голова набита дерьмом, не успеют подмыться, уже пиздят направо и налево...

ЗАТКНИ ХАЙЛО, ЖЕНОНЕНАВИСТНИК ЕБАНУТЫИ. Я ДОЛЖЕН ДУМАТЬ ОБ АФРИКЕ.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

перченные рассказы этого придурка вывели меня из равновесия; я не могу уйти достаточно глубоко, чтобы охотиться на Марабу. Но все же я уже достаточно глубоко, чтобы вспомнить.

Я вспоминаю.

После внушений дяди Гордона я стал избегать Валери. Теперь я смотрел на нее со смешанным чувством презрения и страха. Я быстро объяснил Ким, кто она есть на самом деле, и мы держались от нее подальше. Время от времени мы изводили и грубо подшучивали над ней, чтобы снискать расположение Гордона. Мы прятали что ни попадя в разные шкафы, что доставляло ей немало беспокойства. Мы придумывали песни со словами типа «нигер», «черномазый» и громко распевали их по всему дому. Папа с Гордоном при этом одобрительно хохотали.

Я благополучно расположил к себе Гордона; даже слишком. С тех пор как мы приехали в Африку, все мои желания сводились к одному – увидеть дикую природу, о которой я читал в книжках. Однажды Гордон пришел домой и взял меня с собой прокатиться на машине до леса, посмотреть диких животных. Я был очень рад: у каждого было по биноклю, и нам собрали целую корзину еды. Стояла жара и я выпил много кока-колы, отчего у меня разболелся живот, и забродили газы. Я растирал себе живот, и было ужасно больно. Гордон притормозил на обочине и велел мне лечь на спину на заднем сиденье. Он стал ощупывать мне живот постепенно засунул руку мне в штаны и наконец добрался до гениталий. Я только нервно хихикнул. Я не мог до конца поверить, что это происходит в действительности. Потом меня скрутило в болезненной спазме, и я напрягся под его прикосновениями.

– Ничего, тут все связано между собой, – улыбнулся он, – живот и мочевой пузырь... Я понял, в чем тут дело.

Затем он стянул с меня трусы и сказал, чтоб я был хорошим мальчиком, а сам стал мять мой перец, а другой рукой мастурбировать.

Он покраснел, глаза странно поблескивали, хотя взгляд был расфокусирован, как будто ему не хватало дыхания. Потом его тело задергалось и обмякло, а в глазах появилась тревога. Он еще немного помассировал мне живот, после чего я пробзделся и пару раз рыгнул.

Случай этот остался у меня в памяти. Забавно, но после всего этого мы чудесно провели время. Я исписал шесть страниц блокнота, из млекопитающих мы видели: королевского колобуса, полосатого шакала, похожее на выдру насекомоядное из семейства тенрековых (в лесном ручье), чернохвостого мангуста, и дикобраза; что же касается птиц, то нам реально повезло: европейская серая трясогузка, африканская болотная сова, золотой и оливковый дрозд розовогрудые и красноглазые голуби, африканский бекас (может быть, это дупель, я не был уверен на сто процентов) и степной канюк.

Я с нетерпением ждал, когда мы поедем в следующий раз, но мое предвосхищение было подпорчено неприятным чувством, скрытым подтекстом, так как домогательства Гордона не прекратились. Иногда это происходило во время прогулок, но чаще в гараже, когда он под каким-нибудь предлогом приезжал домой во время рабочего дня. Забавно, что тогда мне не казалось это грубым домогательством; смотреть, как Гордон при виде меня превращался в слюнявого придурка, было даже забавно. Во время сессий в гараже я как никогда раньше ощущал свою силу, свою привлекательность, свою важность.

Я использовал эту силу, вымогая у Гордона подарки, самым щедрым из которых была дорожная подзорная труба. Чтобы не привлекать внимания и, показав себя беспристрастным, избежать подозрений, ему приходилось снабжать дорогостоящими подарками также Тони, Бернарда и Ким. Джон и Вет, получая скудное жалованье, чувствовали свою неполноценность, завидовали и говорили, что он нас испортит; это дало повод новым скандалам.

Я обожал Южную Африку. Даже когда мы переехали в собственный дом, в нескольких милях от Гордона, в районе победнее, это все равно был большой дом с палисадником и задним двором, и у меня была своя комната. Шантажируя Гордона, я собрал огромную библиотеку о природе, состоящую в основном из книг о диких животных Африки. Тогда мы с Джоном стали закадычными друзьями. Наш общий интерес к миру природы расцвел до масштабов навязчивой идеи. Все свободное вре-

мя мы проводили в музеях естественной истории, зоопарках или местных заповедниках; или же Гордон вез нас на своей машине из предместий в степь, где мы искали животных, знакомых нам по книгам. Зоопарки меня разочаровывали: животные там были как пластмассовые или накачанные наркотой. Мне приходилось притворяться, будто мне очень нравится, так как походы в зоопарк очень много значили для старика. До зоопарка ходил общественный транспорт – только туда он мог повести меня самостоятельно. Он собирался пойти на курсы вождения. Несмотря на то что вылазки на природу или в парк были менее регулярны, они приносили больше впечатлений.

Бывало, что Гордон так все подстраивал, что отец был на работе и мы отправлялись вдвоем. Такова была моя жизнь в-Золотом городе.

Золотой палец... человека, подобного Мидасу, с прикосновением паука.

ВЫКЛЮЧИТЕ ЭТУ ХЕРНЮ

Холодный палец, Манит тебя... в сети порока, Но ты не ходи...

В гараж.

– Пора мыться, Рой.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Бернард и Ким проявляли мало интереса к дикой природе. Когда Гордон спросил Тони, не хочет ли тот присоединиться, Тони сказал ему: – Птички, за которыми я бегаю, скорее из отряда двуногих, нежели крылатых. – Он до сих пор трахал все, что попадалось ему на глаза; обычно это были женщины, которые работали или останавливались в его гостинице.

Однажды Гордон отвез нас на Голубом поезде в Оранж Фри Стэйт. Там мы ходили в зоопарк посмотреть знаменитого лигра: животное – гибрид африканского льва и бенгальского тигра. Когда я увидел эту тварь в вольере, я расстроился и загрустил. Он казался мне чем-то неуместным, уродцем, который не должен был появиться на свет и никогда бы не появился, если бы не вмешательство человека. Мне было жаль лигра. Самым приятным в тот день было путешествие на поезде. Мне купили самое вкусное мороженое, которое я когда-либо ел. Поезд же был просто роскошный – в десять раз лучше, чем любой из его засранных британских братьев. Для меня все в Южной Африке было в десять, нет, в сто раз лучше, чем в гребаной Шотландии.

Однако больше всего мне запомнился организованный Гордоном семейный выезд в Национальный парк Крюгера в Восточном Трансваале. Сначала мы поехали к Гордону на ферму и остановились там на несколько дней. После чего мы отправились в парк, продвигаясь с северо-востока, чуть ли не окольными тропами вдоль мозамбикской границы.

В то время Силы Безопасности настоятельно советовали соблюдать осторожность всем проезжающим в этой местности. Нас постоянно останавливали полицейские в форме. Гордон объяснил, что все это из-за повышенной активности террористов. Он пользовался понятием «террорист» по своему усмотрению. Казалось, террористы были повсюду: по телику, в альбоме Гордона, в его разговорах с друзьями в braais. Когда я спросил, кто такие террористы, на лице его отразились напряженность и раздражение, он сказал:

– Террорист – это то же, что кусок говна: завистливый извращенец, злобный убийца, засранец без чести и совести!

На самом деле я так и не понял, кто такие террористы.

Парк Крюгера был великолепен. Я видел, как несколько львов подкрадывались к антилопам гну и зебрам, но чтоб они кого-нибудь убили, не видел. Несколько гепардов поймали жеребенка антилопы гну, но не успели они поживиться, как два льва прогнали их. Ким горевала о зря убитом жеребенке, и Вет согласилась, что это прямо-таки стыд-позор какой-то.

– Таков закон джунглей, Ким, – объяснил папа, – закон джунглей, знаешь-понимаешь.

Гордон заговорщицки подмигнул мне и вздернул брови, что означало: «Какие дурные эти девочки, не то что мы, парни».

Мы отлично провели время, все было очень здорово, и ночевали мы в роскошном домике. Единственное, что меня неприятно поразило, была вот такая сцена: несколько отвратительных птиц ворвались в колонию фламинго и разогнали красивых розовых пернатых по всему озеру. Панический ужас охватил поголовно всех фламинго. Более кошмарного зрелища, чем эти хищники, я еще не видел. Они походили на ненасытных чертей, большой клюв придавал их мордам смеющееся выражение, что абсолютно не соответствовало их мертвым глазам. Я видел, как один из них пытался проглотить голову фламинго. Отвратительное зрелище: оторванная голова крупной птицы в клюве у дру-

гой.

– Вот он, аист Марабу, – победно провозгласил отец, смотря в бинокль и упиваясь кровавым зрелищем, – аист Марабу, знаешь-понимаешь. Злобные падлы, но – такова природа.

В ту ночь меня впервые посетил кошмар с аистом Марабу.

6. Крах золотого города

Южная Африка казалась мне почти раем. Забавно, но там я чувствовал себя как дома, будто мне предназначалось жить именно там, а не в загаженной Шотландии. Когда я мысленно возвращался в Эдинбург, он представлялся мне грязным, холодным, сырым, трущобным городом унылых, черных жилищ, кварталов грубых бетонных коробок, заселенных всякой рваньё, и в то же время городом для снобов, которым заправляют снобы.

От Гордона мы переехали в собственный дом, и я был доволен, но одно место у дядюшки стало для меня убежищем, и по нему я скучал. Дом Гордона одним боком стоял на старом колодце, куда можно было попасть через потайную дверь в подвале гаража. В стенки колодца были вбиты железные скобы, уходящие вглубь, и я частенько спускался туда и, держась за скобы, висел в полутьме. Бывало, я слышал, как Гордон рыщет вокруг, надеясь найти меня и зашупать. В своих желаниях он заходил все дальше, и я все больше боялся. Гордон сказал, что если я проболтаюсь, то сам буду наказан: Джон, мой папа, поверит ему, а не мне. Инстинктивно я понимал, что это правда. Поэтому когда я шел в гараж, я всегда прятался в колодце.

Колодец был не очень глубокий, футов двадцать максимум. Гордон утверждал, что это не колодец, а заброшенный проход в катакомбы шахт, где старатели, построившие город, добывали золото. Все, что он говорил, я делил надвое, хотя, учитывая историю Йоханнесбурга, в этот раз он, возможно, и не врал. Дно колодца было, похоже, твердым и завалено щебнем; однако я так и не смог сойтись с духом и, не держась за скобы, ступить на дно обеими ногами. Я просто сидел в своей полутемной берлоге и наслаждался покоем и мечтами. Как ни рад я был уехать от дяди Гордона, покидать колодец мне было жаль.

Как я уже говорил, я обожал Южную Африку. Для отца же «медовый месяц» быстро закончился. Работа охранника ему осточертела. Эта работа была не совсем той, которую он раньше себе воображал. Да и все вокруг его уже доставало. Однообразные дома вдоль дороги на окраине, braais в садах, парках или кемпингах, где серьезно закладывали южноафриканцы, – все это уже сидело у него в печенках. Он жаждал традиционного для равнинной Шотландии круга общения, ему был нужен старый добрый паб, затесавшийся в центре мегаполиса. Гордон пытался привить ему южноафриканскую культуру. Мой дядя стал большим поклонником регби и брал нас собой на несколько матчей в Элис-парк. Он пытался нас заинтересовать, но Джон только фыркал:

– Игра для пидорасов... хотя, пожалуй, от нечего делать можно и этим заняться.

Он уходил и почти всю игру просиживал в буфете. Я ненавидел регби, даже больше, чем футбол. Джон тоже терпеть не мог регби, другое дело – глаза залить как следует.

Попойки в центре Йоханнесбурга и привели к тому, что мы уехали из Южной Африки и вернулись в Шотландию.

Я как раз только обосновался в школе имени Крюгера. Дети там были такие тупые, что, казалось, превзошли в этом даже моих приятелей по старой школе, о которой все отзывались не иначе, как об одной из самых дерьмовых в Шотландии, а значит, и в Европе. Здесь единственной нашей обязанностью было носить школьную форму. Меня это особо не беспокоило, так как я мог носить не шорты, а фланелевые штаны. Я стеснялся шрамов на ноге.

В первый день школы меня представили как «новичка из Шотландии» и показали карту ЮАР. На дом мне задали заучить названия провинций и их столицы:

МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ КЕЙПТАУН
НАТАЛЬ ПЬЕТЕРМАРИТЦБУРГ
ОРАНЖ ФРИ СТЭЙТ БЛУМФОНТЭЙН
ТРАНСВААЛЬ ПРЕТОРИЯ

Вот в чем заключалось основное различие – дети здесь были хоть и тупые, зато значительно послушнее и благовоспитаннее. Им незачем было даже домашние задания выполнять. Учителя были нормальные; мой интерес к дикой природе всячески поощрялся. Они были со мной приветливы, и на мой акцент учителя в Южной Африке обращали меньше внимания, чем в родном городе. Когда

культурная акклиматизация прошла, я стал получать удовольствие от приобретения знаний. Мне стало интересно учиться, и я потерял необходимость скрываться в комиксовых фантазиях. Я бросился в учебу с головой. Первый раз в жизни я обрел какую-то цель. Раньше, когда меня спрашивали, кем я хочу стать, я только пожимал плечами; или мог сказать, что буду солдатом. Казалось, что стрелять в людей – занятие веселое; у многих детей такие задвиги. Теперь я собирался стать зоологом. На свой одиннадцатый день рождения я уже видел возможное развитие событий: хорошая успеваемость в средних, а затем и в старших классах, поступление в университет в Витвэйтсрэнде, или Претории, или Рэнд Африкаанз, изучение зоологии или биологии, затем практика, экспедиции, кандидатская, и вот он я – молодой специалист. Я видел свою карьеру как на ладони.

Но мой старик крепко забухал, и все пошло прахом. Я понял, каким я был придурком, позволив себе мечтать об этом.

Помню, как это началось. Был четверг и день такой ясный, что, если посмотреть на запад, можно было увидеть вершину Магалайзберга, парящую над городом. Я был в саду, пинал мяч со своим приятелем Куртисом. Становилось жарко, а я все еще был в школьной форме. Я пошел переодеться – мы собирались к Куртису на чай. Он часто приходил к нам: я уже не так стеснялся своих родителей. Казалось, здесь они стали спокойнее и счастливее, и к их выходкам относились с большим терпением, ведь по соседству жили белые ребята разных национальностей: греки, например, чьи родители даже по-английски-то не говорили. Короче, я прошмыгнул в дом, чтобы переодеться, и невольно подслушал разговор папы с мамой.

Старик не угомонился, это было ясно. Он и здесь обводил нам передачи для просмотра, только теперь в программке «Йоханнесбург Стар».

– Тридцать шесть монет в год за это дерьмо, – недовольно ворчал он в тот ранний вечер. Недавно повысилась оплата телевидения. – Дело не в том, Вет, – жаловался он хранившей молчание маме, – дело не в том, что я этим не доволен. Просто не хочется, чтобы мы стали рабами ящика.

– Так выключи его, – сказала мама.

– Да не об этом я тебе говорю, Вет. Ты не понимаешь, что я хочу сказать. Проблема не в телике, бля, проблема в том, что, кроме телика, ни хера нет, знаешь-понимаешь. Я же тебе говорю, все эти их baagis, бля, или как они там их называют, все там как надо, но это не моя тема, понимаешь? Я ж тебе говорю, здесь даже пивка опрокинуть негде, бля. Ни одного паба на сто миль вокруг, только это гребаная забегаловка на моле. Даже в Муирхаусе был паб! Я понимаю, предместье, но, Вет, в центре-то пабов тыщи. Я подумал, может, мне поехать туда как-нибудь после работы, опрокинуть с Гордоном по паре пива, там, в центре. Всего по паре кружек.

– Ну так поезжай, выпей пива, – отрезала мама, недовольная, что ее отрывают от журнала.

– Ну так я, может, и пойду, может, даже завтра. После работы, ладно?

Я видел как он с довольной улыбкой сел читать газету.

На следующий день после смены, вместо того чтобы поехать домой, папа поехал в центр, чтобы сначала посетить Музей бокса на улице Хенсона и Керка, а потом встретиться с Гордоном в его офисе. Гордон покончил с делами, и они пошли выпивать по барам на Мэйн-стрит и Денвере-стрит. Довольно скоро Гордон решил, что с него хватит, и взял такси до дома, уговаривая отца поступить так же. Но к тому времени старик уже взял на буксир двух ливерпульских парней и собирался зажигать всю ночь.

Центр Йоханнесбурга место скучное, там все функционально и по-деловому: после шести часов улицы вымирают. Гордон всю дорогу твердил, что шататься по улицам после наступления темноты небезопасно, особенно если предположить, что он нарвется на себе подобного. Дядя постоянно рассказывал, какие беззакония творятся в центре по ночам; все твердил о бандах чернокожих рабочих из враждующих племен, которые живут в общагах, а с наступлением темноты выбираются в центр, где неистовствуют, избивая друг друга и всех, кто попадаетея им на пути. Его увещания привели лишь к тому, что старик настроился еще более воинственно и агрессивно. Если кому-то нужны проблемы, он их получит. Впоследствии Гордон поведал нам, что говорил ему Джон:

– Когда Люфтваффе бомбили Лондон, Черчилль как раз собирался прогуляться по парку, а генералы попросили его остаться в помещении, мол, так безопаснее. Черчилль поворачивается и говорит: «Значит, так. Когда я был пацаненком, няня не могла остановить меня, если я хотел погулять в парке. Теперь я уже большой, и уж всяко меня никто не остановит». Это как раз мой случай, – заявил отец, довольный собой.

Короче, Джон и ливерпульцы прошлись по всему Делверсу до Юберт-парка. Они здорово пове-

селились и обменялись по пьяни телефонами, чтобы еще раз все это повторить. Джон заполз в такси, припаркованное около большого отеля.

Что произошло затем – спорный вопрос. Версия Джона, которой я склонен доверять, так как при всех своих недостатках старик не был брехуном, – на это у него не хватало воображения, – такова: в такси он заснул, а когда проснулся, машина стояла на заброшенной парковке в Герминстоне, а таксист шарил у него по карманам. Герминстон – деловой район, где находятся большая железнодорожная развязка и крупнейший в мире золотообрабатывающий комбинат, расположенный на юго-востоке города. Мы жили по дороге в Кемтон-парк, что к северу от центра.

Джон набросился на таксиста с такой силой и яростью, что несколько его зубов в полиэтиленовом пакете были весьма эффектно представлены обвинением прямо в зале суда как вещдок. Таксист утверждал, что он пытался вытащить из своей машины этого отвратительного пьяницу, который пытался его надуть, когда подвергся жестокому нападению. Джона приговорили к шести месяцам тюремного заключения. Похоже, это был показательный процесс, устроенный властями, лелеющими мечту подавить волну насилия в центре Йоханнесбурга.

Вет пиздец как расстроилась. Я помню ее в этот период: она курила сигарету за сигаретой и пила крепчайший кофе с восемью ложками сахара. Мы съехали из нашего нового дома на севере Йоханнесбурга и недолго пожили у Гордона, после чего стали строить планы на возвращение в Шотландию. Джон должен был последовать за нами, после того как отсидит срок. Перспектива вернуться на родину приводила нас с Ким в отчаяние. Мы уже обосновались здесь. Я представлял, как я возвращаюсь к той жизни, хожу в ту же школу, шатаюсь по тому же району. Я смирился, но впал в уныние, лишь только болезненная тревога, вызванная страхом возвращения, время от времени выводила меня из глубокой депрессии. Эдинбург был для меня символом рабства. Я пришел к выводу, что ситуация там та же, что и в Йоханнесбурге; единственное различие состояло в том, что карифы были белыми и называли их «чернь» или «быдло». Вернувшись в Эдинбург, мы станем карифами, обреченными провести всю жизнь на окраинах типа Муирхауса или Соу-Вестер-Хэилз-Ту, или Ниддри, в замкнутых лагерях, где хрен знает, что творится, вдали от города. Нас согнали, чтобы мы работали за гроши там, где больше ни один мудака работать не захочет, а потом нас еще гоняют копы, если мы шатаемся по ночам большой тусой. В Эдинбурге проводили ту же политику, что и в Йоханнесбурге, как, впрочем, и в любом большом городе. Только здесь мы были по другую сторону. Я заболел от мысли, что мы вернемся обратно, в это дерьмо.

Бернард с самого начала возненавидел Южную Африку и ждал-не дождался, когда мы вернемся домой. Тони было все равно. Он отфачил несколько птичек, но хотел повидать своих старых подружек. Он, однако, был старше и имел представление о той сложной политической ситуации, о которой мы в общем-то ничего не знали.

Оглядываясь назад, могу сказать, что среди белых, с которыми мы общались, царил странное настроение. Но, возможно, за давностью лет я просто придумал это. Действительно ли все были на пределе? Возможно. Единственный конкретный разговор, который я помню (там были приятели Гордона – шавкоподобные уроды, это я точно помню), касался продажи Родезии, которая теперь называлась Зимбабве-Родезия. Говорили об этом, и постоянно всплывала тема терроризма. Гордон говорил на африкаансе и предпочитал газеты на этом языке «Die Transvaler» и «Die Vaderland» англоязычным «Rand Daily Mail» и «Johannesburg Star». Однажды он отвез нас в мемориальный комплекс Вутреккер, что к Югу от Притории, и раскудахтался там о великом пути. Похоже, памятники оказывали на него то же воздействие, что и военные речи Черчилля на моего папашу.

В другой раз он повел нас в Музей Южной Африки, интересное местечко, информационные стенды были зеркальным отражением текстов из моих школьных учебников:

Белое население Республики в основном составляют потомки ранних поселенцев из Голландии и Британии и небольшие группы французов, немцев и других западноевропейских народов. Первоначально Белый человек пришел в Африку как солдат, фермер, купец, миссионер и первопроходец. Благодаря высокому уровню образования и своей многовековой цивилизации, белые смогли распространить свое влияние, необходимые знания, технические навыки и денежный оборот среди народов, в большинстве своем едва вышедших из варварства.

Южная Африка – единственная в мире страна, где господствующее сообщество четко придерживается выверенной политики расовой чистоты, проживая в среде преобладающего по численности неевропейского населения. В сущности, это не колония и не протекторат, где небелое население подвергалось бы истреблению либо ассимиляция приводила к созданию более или менее цветной попу-

ляции. На самом деле, придя в Южную Африку, белые не истребили аборигенов, а спасли их от междоусобных конфликтов и самоуничтожения. Не всем известно, что еще в прошлом веке Чака, вождь зулусов, уничтожил 300 племен и стер с лица земли тысячи и тысячи своих соплеменников.

Постепенно остатки племен, перенесших междоусобные войны, смогли принять мирный, деревенский образ жизни под защитой и с помощью белого человека. На своих исконных землях, равных Англии и Уэльсу, вместе взятым, около половины народности банту ведет простую, близкую к природе жизнь по тем же вековым устоям, что и их предки – счастливые, живописные люди; их беззаботному существованию можно только позавидовать.

Таким образом, на южной оконечности Африканского континента, среди превосходящего по численности неевропейского населения, небольшое белое сообщество нашло свой дом и основало новую нацию со своим образом жизни и собственной системой взглядов. Благодаря инициативности, знаниям и умениям этих людей, Южная Африка стала наиболее процветающей страной на континенте. С той же уверенностью, с какой восход следует за закатом, можно сказать, что белые разовьют такую форму сосуществования, которая позволит каждой нации жить полной жизнью и, по мере своих возможностей, вносить вклад в благосостояние страны.

После Музея мы поехали к Гордону домой, где он устраивал барбекю для своих друзей. У Гордона часто бывали braais. Какие-то мужики сидели на веранде и смотрели телевизор. Показывали, как полицейские яростно разгоняют демонстрацию чернокожих. Действия полицейских сопровождались одобрительными возгласами. Высокая блондинка, похожая на актрису, проходя, улыбнулась мне. Потом она повернулась к бородатому толстяку и сказала:

– Похоже, черномазых отделали как следует.

– Да стрелять надо этих обезьян, – проворчал тот, прикладываясь к пивной бутылке и отрыгивая. Лицо его выражало тупое злорадство, и, несмотря на заверения правительства, беседы с родителями и обучение в Школе, я инстинктивно понял: что-то здесь не так. Когда в «Новостях» стали рассказывать о ситуации в Родезии, я перестал слушать.

– Бота, гондон, продал наших в Родезии, – кипятился Гордон.

– Да, но это лишь тактический ход, – улыбнулся незнакомый мужчина, – это обеспечит нам расположение мирового сообщества. Кто знает, неровен час, нам понадобится их помощь.

– Ты говоришь как ультракрасный, Джоан, – встрял бородатый толстяк, – мы должны сами за себя постоять. Они пропустили двенадцать тысяч гребаных террористов, дали им спокойно уйти в лагерь с оружием, и все ради этого ублюдочного прекращения огня. Я так считаю: это отличная возможность перестрелять добрую половину этого сброда. Надо просто наставить пушки на этот Патриотический фронт Зану и разорвать на куски красноперых зверюг, так же как они убивают добропорядочных фермеров.

У Гордона слезы наворачивались на глаза, когда он смотрел, как партизаны из Патриотического фронта маршем входят в лагерь и складывают оружие, что было условием прекращения огня и начала свободных выборов.

– Не могу в это поверить! Я не могу поверить, что они пошли на это. Мистер Бота, Мэгги Тэтчер. Шлюха ебаная! Предательница, коммунистка тупорылая, сука!

Хорошо еще, что Джон уже сидел в тюрьме. Помню, как Гордон последний раз разглагольствовал о предательстве Тэтчер, а Джон стоял, прислонившись к двери, ведущей во внутренний дворик. Он напрягся всем телом и обернулся:

– Эй, ладно тебе, Гордон, Мэгги Тэтчер тут ни при чем. Лучшего премьера на островах не было... в мирное время. Да, да – она лучшая, знаешь-понимаешь. Она поставила на место гребаные профсоюзы. Ей там, конечно, присоветовали, говна всякие пиздюки из штатских. Так оно и было! И нечего гнать на человека, коли не знаешь ни хрена! Ты не представляешь, что она сделала для Британии!

– Я знаю, что она продала Родезию, – тихо сказал Гордон. Было заметно, что он немного напуган.

Было много разговоров о политике, но я, наверное, ощущая странную, напряженную атмосферу, все же полагал, что об этом долдонят все старые зануды. Тогда я толком не понимал

наверх

наверх

наверх

– Я включу тебе запись, Рой.

Как насчет пошалить-лить-лить,
Порезвиться, резвиться-виться?
Я могу показать тебе класс...
УЙДИ НА ХУЙ И ВЫРУБИ ЭТОТ КАЛ...
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ
ГЛУБЖЕ

и хотя яичница была приготовлена превосходно, тосты хрустели, а кофе был крепкий, вкусный и ароматный, чего-то не хватало в то утро, когда мы покидали хижину.

Было слишком тихо. С озера не доносились крики фламинго. Я схватил бинокль. Никого.

– Где они, Сэнди?

– Ничего не понимаю. Надо посмотреть поближе.

Мы доехали до берега озера, где нам немедленно открылись наглядные свидетельства резни. Я видел расчлененные трупы птиц. Послышался шорох, пронзительные крики, и мы заметили стервятников, прилетевших поживиться остовами фламинго. Сэнди вскинул ружье и выстрелил по ним. Один рухнул, другие захлопали крыльями и уковыляли прочь. Вскоре они вернулись, и падший стервятник разделил участь фламинго, став угощением для своих собратьев.

– Стервятники едят друг друга только в экстремальных случаях, – отметил Сэнди. – Они, должно быть, голодают, бедняги.

В этот момент я увидел розовую лебединую голову, оторванную от тела вместе с шеей.

– Наша колония фламинго обращена в бегство, – объявил я. я не то

– Да... аистом Марабу, – понимающе кивнул Сэнди.

– Может, разденемся да окунемся? – предложил я...нет, я не то имел в виду-наверх-я ничего такого

не предлагал. Так о чем я тут пиздел? О политике.

Вот о чем.

Политика ЮАР. Для меня политика не значила ничего. Однако она коснулась нас, и коснулась напрямую примерно недели за две до нашего отъезда в Шотландию. Мы с дядей Гордоном были на его лесопилке в Восточном Трансваале. Остановив джип, он окинул взглядом широкие штабеля бревен. Я немного нервничал. Я боялся, что вдали от дома он захочет большего, нежели просто лапаты меня и надрачивать. Он не переступал эту границу уже больше года, хотя и возможностей у него было не так много, ведь мы уже жили отдельно, к тому же я ходил в школу. В этот раз он даже не попытался меня защупать. Все больше вещал. Похоже, его что-то не на шутку беспокоило.

– Все это принадлежит мне. Это моя лесопилка. Я – парнишка из кафе «Юбилей», шотландец из Грантона, без гроша в кармане. Там я был никто, пижон худосочный. Здесь у меня есть, за что постоять. Хрена вы получите, нигеры гребаные!

– Ничего им не достанется, дядя Гордон, – поддержал я. Всякий раз мое сознание обыгрывало трогательный образ – оборванный дядя валяется в грязи возле кафе «Юбилей», посасывая дешевое вино из бутылки. Мы дошли до ранчо и выпили сока, после чего прошлись по лесу, чтобы я мог посмотреть на диких зверей в бинокль. Мы выследили зеленую усатую трясогузку и Валбергского орла, редко встречающихся в Трансваале. Гордону было не до дикой природы, и вскоре он вернулся на ранчо. Я остался один бродить по границе лесных насаждений. Я как раз пытался подкрасться поближе к срущей антилопе, когда прогремел взрыв.

Я чуть сам не обосрался, и, уж конечно, это облегчило дефекацию антилопе, которая пулей сиганула в лес. Я обернулся и увидел горящий джип. Я уже говорил, что ничего не смыслил в политике. Несмотря на постоянные сообщения о партизанских вылазках военизированных отрядов Африканского Национального конгресса в Восточном Трансваале, Гордон отказывался принимать какие-либо меры предосторожности. Он зачем-то полез в один из полноприводных «рэндж-роверов», припаркованных за оградой ранчо, включил зажигание и... улетел в небытие.

Забавно, но я даже не испугался. Я просто подумал: террористы достали дядю Гордона. У меня не было реальных опасений, что они сделают что-нибудь со мной, не знаю почему, я просто не боялся, и все. Я пошел обратно, к дому. Разбавленный запахами бензина и паленого мяса теплый, влажный воздух стал еще тяжелее: то был аромат Гордона, поджаренного в пылающем джипе. Ничего подобного мое обоняние еще не воспринимало. Понятно, что такая гора мяса не может не обладать запахом, поэтому я всегда представлял, что люди пахнут беконом. Когда я был совсем маленький,

дядя Джеки любил рассказывать, как он ест щекастых ребятишек и что на вкус, они точно соленая свинина. Помню, однако, что от Гордона доносился такой сладостный аромат, что, не зная, что это человечина, я бы с удовольствием его попробовал и наслаждался бы вкусом. Из машины торчала черная обуглившаяся, худая рука – единственная часть пылающего тела Гордона, которую мне было видно. Вскоре запах изменился – новый можно описать только как запах подгорающего говна – дядюшкины кишки с треском и брызгами лопались, сгорая в огне.

Я пошел в дом, сел и позвонил маме в Йоханнесбург.

– Ну что там еще, Рой! Я здесь уже вся в мыле! – простила мама. Она готовила еду для очередного бгааа у Гордона.

– Дядю Гордона взорвали. Он умер, и я не могу вернуться домой, вот.

Она шумно задышала и после долгого молчания сказала:

– Никуда не уходи! Оставайся на месте!

Я сел и стал ждать. Потом включил телик и посмотрел мультики. Примерно минут через двадцать на вертолете прилетела полиция. Прокатиться на вертолете было круто. Когда мы поднялись, я увидел с близкого расстояния восхитительного длинногребного орла, планирующего над густым лесом. Мы приземлились слишком скоро, пересели на машину, которая отвезла меня в участок. Там меня встретили Вет, Ким, Тони и Бернард. Вет обняла меня, Тони потрепал за волосы, а Ким поцеловала, чем смутила меня перед полицейскими. Мы здорово подружились: эти копы были лучшими из всех, что я встречал. Бернард чертовски завидовал, ведь все оказывали мне знаки внимания: я чувствовал себя героем.

Все отметили, что я храбрый малый. Мне было приятно: это было как прощальный подарок из мест, которые я так любил. Даже смерть Гордона оставила меня безучастным: потерять его значило лишиться возможности вытягивать из него подарки, не более. Гордон был старый пидор, трусливый и твердолобый, и его смерть стала счастливым избавлением – вот мое мнение. Джон единственный горевал по нему. Когда мы пришли к нему на свидание, казалось, что оплакивает он Гордона, каким он был пятнадцать лет тому назад, «стилягу худосочного», а не толстокожего борова.

На самом деле его смерть принесла моему отцу кое-какую практическую выгоду. Принимая во внимание наши обстоятельства, власти смягчились, и его отпустили из тюрьмы досрочно. Он вернулся в Шотландию примерно месяц спустя после нас. Уинстон II, вернувшись из карантина всего на несколько месяцев, благодаря блаженной бюрократической рутине, был снова водворен в вольер, теперь уже в Шотландии.

7. Бегство из золотого города

Я вспоминаю серое небо над Хитроу, где мы делали посадку, и с гнетущим чувством возвращались на север. После долгого перелета из Йоханнесбурга мы все были измотаны, а тут еще отменили два рейса – обледенела посадочная полоса. В Лондоне стоял мороз; в Шотландии будет еще хуже. Наглядный пример того, насколько был я глуп и поглощен собственными фантазиями, ведь полтора года тому назад остановка в Лондоне радовала меня не меньше, чем путешествие в Йоханнесбург: Лондон представлялся мне настолько же далеким и экзотическим, я еще удивился, что мы прилетели туда так быстро. Однако на обратном пути я уже видел Лондон, каков он есть: седой, насквозь прогнивший край Британских островов.

В последний день мне пришлось распрощаться со школьными друзьями и учителями. Странно, но оказалось, что я пользовался там популярностью – первый ученик, важная персона. Моих лучших дружков звали Пьетер и Куртис. Я был похулиганстее Куртиса, впрочем, как и Пьетер. Этот-то был буйный, как надо; мой отъезд его ужасно расстроил. Мне было приятно, что кто-то будет по мне скучать. Другие ребята в большинстве своем были тормоза и мямли. Пьетер тоже был мне дорог, но больше всего я буду скучать по мисс Карвелло, моей учительнице, благодаря которой я впервые открыл, что у меня есть, чем думать. Она была красавицей, с большими темными глазами. Я дрочил на нее в первый раз, ну, когда была молофья. Она сказала Вет, что очень сожалеет, что я покидаю Южную Африку, так как в школе я все хватал на лету и был известен как «будущий студент». Эта несчастная фраза прицепилась ко мне и впоследствии бросалась мне всякий раз, когда я в чем-то не успевал.

Я хотел остаться в ЮАР. Там приобрел я несколько извращенное чувство собственной важности; даже какое-то самосознание. Я знал, что я, бля, особенный, что бы там обо мне ни говорили. Я

знал, что я не буду таким, как все, как мой старик, мамаша, Бернард, Тони, Ким, другие ребята в рай-оне; все они – мусор, ничто. А я – Рой Стрэнг. Хоть мне и пришлось вернуться, но теперь все будет по-другому. Я теперь говно есть не стану.

Когда Джон наконец-то вернулся в домой, в Шотландию, по этому поводу был устроен семей-ный ужин. Собрались все или почти все, Уинстон II – в карантинном вольере, Элджин – в ИНТЕР-НАТЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ. Было решено, что, если посадить его за праздничный стол, это всех смутит и опечалит, и я, признаться, был главным сторонником его отсутствия. Только Ким, Вет и Бернард ратовали за то, чтоб его привезти, но Джон как обычно сказал последнее слово:

– Это будет нечестно, если мы привезем его, только собьем его с толку, знаешь-понимаешь, запутаем парня.

Ужин был великолепен. Мама приготовила спагетти корбонаро с брюссельской капустой, жар-кое с брокколи было навалено сверху так обильно, что не видно было ни пасты, ни соуса. На десерт был бисквит с шерри. Несколько бутылок «Лейбфраумилха» были осушены до дна. Никогда я еще не видел, чтоб наш стол так ломился от еды. Мы редко ужинали за семейным столом, обычно мы погло-щали пищу, держа тарелки в руках, сражаясь за место возле телика. Все это по особому случаю, объ-яснили нам.

Несмотря на это, за ужином царила напряженная атмосфера. Тони, на лице которого выступили крупные капли пота, ожесточенно вспахивал еду, а у Ким все вываливалось из тарелки. Незадолго до ужина Бернард разругался с Джоном и не сел, а прямо-таки обрушился на стул, с бледным лицом и трясущимися руками. Пытаясь отрезать кусочек жаркого, он тяжело дышал, из него вырывались ти-хие попискивания, какие можно услышать от собаки. Позже Ким рассказала мне, что Джон услышал от мамы историю, как Бернард и другой парень чего-то там делали вместе, и пригрозил, что отрежет ему перец.

Мама с папой, очевидно, уже сами успели поругаться на этот счет, и были оба на таком взводе, что за столом, казалось, воздух сгустился вокруг них. Я быстро и нервно поел, горя желанием уда-литься; я чувствовал, что одно неверное слово или движение может спровоцировать кровавое побои-ще.

– Мясо горячее... – сглупила Ким. Джон бросил на нее злобный взгляд.

– А ты хочешь, чтоб было холодное, ёб твою? Твоей маме большого труда стоило приготовить этот ужин! Прояви хоть каплю уважения, знаешь-понимаешь, хоть каплю уважения.

Вот это действительно было уже опасно, ведь на Ким Джон наезжал крайне редко: она как-ни-как была его любимицей. Ким надулась и повесила голову. Казалось, она размышляет, не прибегнуть ли к проверенному способу, а именно: разреветься, чтобы привлечь внимание, но, отвергнув этот ход, погрузилась в тяжкие раздумья, что бы ей такого предпринять.

Вет тоже вписалась в действо:

– Тони, не спеши ты, блин. Тебя, Рой, это тоже касается. Еда никуда от вас не убежит, ради Бога.

Мама всегда казалась мне молодой и красивой. Теперь она представлялась мне кривой и измо-жденной старой ведьмой, чьи глаза уставились на меня из-за пятен расплывшейся туши. В ее длин-ных черных волосах я заметил посеребренные пряди.

Да пошла она, да все они! Я стану сильным. Сильный Стрэнг. Уж я-то позабочусь, чтобы мое имя знала каждая собака.

Я буду...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ в кошмарах с аистом Марабу.

8. Злоключения в холмах

Когда мы приехали в тайную гостевую резиденцию в Джамбола для рандеву и отчета о состоя-нии работ, старый толстый Доусон выглядел просто отвратительно. Его хитрые, слезящиеся глазки потемнели, а загорелый зоб дрябло свисал, подрагивая на подбородке. Он не был похож на человека, довольного жизнью, и то, что мы были источником его беспокойства, было более чем очевидно.

Понятно, что нам еще не удалось установить место гнездования нашего Марабу: слишком мало было следов. Откровенно говоря, мы с Сэнди относились к охоте как к увеселительной прогулке, и Доусона это совсем не радовало. Он холодно поздоровался с нами и поспешил усадить на угол дубо-

вого стола зала заседаний, после чего удалился на минуту. Сэнди повернулся ко мне и прошептал:

– Толстяк Доусон взбешен не на шутку, – паническая нотка пробралась в его голос: – Да будь я проклят, если знаю, чего он так разгорячился. Как будто Джонни Аист – это...

В этот момент Доусон вошел в комнату и втиснулся в кресло напротив нас. Его похожие на не-пропеченные булки пальцы барабанили по столу, потом он вздохнул.

– Меня окружают одни идиоты, чьи головы заняты гомосексуальными фантазиями, а не тем, как отловить наконец этих кровопийц, – презрительно рявкнул он. Сэнди сидел с виноватым видом. Это меня раздражало, ведь мы все делали, как надо. Я уже собирался что-то сказать, как Доусон повернул пятнистое лицо к своему лакею Дид-ди: – Либо это, либо полная некомпетентность и мятеж.

Низкожопый слуга что-то пробормотал и зашаркал прочь из комнаты, глядя себе под ноги.

Я решил, что ради спортивного интереса лучше будет довести Доусона, нежели вступать в конфликт. Жирный гоблин был нам все еще нужен. Без его помощи надежд на то, что мы обнаружим Марабу, было мало.

– Успокойся, Лок, – улыбнулся я. – Не кипятись. Откупорь бутылочку-другую пивка...

– Какого черта ты меня успокаиваешь, когда вокруг меня все рушится, – отрезал он. Изумрудный лес кишит Марабу, которые только и знают, как все истреблять, а здесь, прямо у меня под носом, в Джамболе, начинаются волнения среди аборигенов... Сэди! – крикнул он. – Сэди!

Его черная мадам иностранка вошла в комнату.

– Да, миста Досса?

– Что тут происходит, Сэди? Скажи мне... кто-нибудь, объясните! Локарт Доусон то, Локарт Доусон это... ну да, давайте все затопчем Локарта Доусона! Давайте все забудем, что Локарт Доусон спас этот парк от полного вымирания!

Сэди печально покачала головой.

– Каждый знает, что вы наш друх, миста Досса. Каждый знает, что у нас ничего нэт, пока вы нэ пришли сюда сдэлат всэх нас сильный. Всэ наши люди уважат и любит вас. Только нэкоторые молодые бунтоват, как всэгда делают молодые. Мальчики эти будут сэрьезно наказан за грэ-хи, миста Досса.

Доусон заложил руки за голову и почесал шею. После чего он протяжно вздохнул.

– Я по природе своей человек вполне терпимый, Сэди, но я верю в силу примера и в наказание как итог преступления, и все такое. Иначе это дает повод дурной поросли думать, что они выиграли битву. Так вот им мое решительное нет. Предупредите этих так называемых «бунтарей», когда будет облава, что я лично намерен присматривать за их поведением. Травля Локарта Доусона становится в этих краях бурно развивающейся отраслью. В этой сфере содействия от меня не ждите, спасибо большое. Можете им сказать, что Локарт Доусон еще ни перед кем никогда не отступал и теперь не собирается.

– Ест, миста Досса.

– Конечно, – обиженно заблеял он, – конечно, возможно, когда-нибудь Локарт Доусон решит, что все это не стоит его усилий и просто уйдет. Что тогда с вами станет, а?

– О нэт, миста Досса нэ уйти, нэ оставит нас, пожалуста, нэ оставит нас! Вы человек особэнный, миста Досса, мы вас очен любит и нэ может бэз вас жит! Пожалуста, нэ оставят нас!

Сэди уже стояла на коленях, припав к его ногам. Он взъерошил ее темные волосы.

– Ладно, Сэди. Спасибо.

Женщина встала и удалилась со слезами на глазах. Она заслужила «Оскара».

– Похоже, они вас любят, – отвесил Джеймисон театральный комплимент.

– Да, любят, Сэнди. Могу честно признаться, что в целом я весьма уважаемый человек, многие относятся ко мне с восхищением. Однако есть немногие, которые считают, что Локарт Доусон – слизняк, комический персонаж. Что ж, когда их приведут сюда в наручниках мои силы безопасности, мы учиним им допрос с пристрастием, а потом посмотрим, что я за комический персонаж.

Я поднял бровь и взглянул в сторону Доусона.

– Допросы – это моя слабость, – объяснил Доусон. – Обожаю задавать вопросы – это у меня в крови. Я спрашиваю все у всех: например, почему у нас такие огромные государственные дотации убыточным отраслям, при этом гранты на развитие бизнеса для преуспевающих так невелики. На самом деле я спрашиваю, зачем вообще существуют государственные дотации.

Я улыбнулся в ответ.

– Очень дальновидный подход, Локарт, это вам не стремление сохранять на вечные времена уз-

кие экономические интересы преуспевшей, но духовно обнищавшей элиты за счет менее удачливых собратьев. Воистину такие допросы направляют человеческий род к самореализации, к выполнению своего вселенского предназначения. В основе же явно чувствуется глубокая философская подоплека.

Доусон изучающе посмотрел на меня, проверяя, не смеюсь ли я над ним. Похоже, он так до конца и не понял, но решил воспользоваться преимуществом, которое дает сомнение.

– Вот именно, Рой! Ты настоящий философ! – улыбнулся он, сверкнув жемчужными зубами и представив на мое обозрение дорожные протезы.

– Вы расправитесь с этими неблагодарными мятежниками, Локарт, – подбодрил я его.

– Они забыли, что сами меня сюда позвали, – сказал Доусон, – впрочем, как и жители Изумрудного леса. Я сделал это для них.

– Так в Изумрудном лесу одобрили слияние ваших компаний? – заинтересованно спросил я.

– Больше я ничего не могу сказать, Рой. К сожалению, я не настолько свободен, как эти горячие головы, чтобы разбрасываться обвинениями. Локарт Доусон не может позволить себе такой роскоши. Я вынужден молчать, будучи связан уставом компании и положением члена совета директоров ОАО Джамбола Парк. А теперь к делу: какие подвижки в истории с Марабу?

– Как я уже сообщал вам вчера по телефону, гнездо мы еще не обнаружили. Однако не все так безрадостно... Сэнди, – я повернулся к Джеймисону; тот встал, подошел к рюкзаку и, вытащив большую карту местности, разложил ее на столе.

Сэнди надел очки в стальной оправе и начал:

– На этой карте обозначены основные колонии фламинго в этом районе и примерные миграционные пути.

– Ну и что, мы-то говорим о Марабу! – загудел Доусон.

– Дайте мне закончить, – с петушиной заносчивостью отпарировал Сэнди, что вызвало во мне короткую вспышку восхищения. Доусон нехотя уступил, и Сэнди продолжал: – Направление миграции указывает на быстрое перемещение колоний фламинго из района озера Торто на север, в сторону границы.

– Мы не можем позволить себе упустить наших фламинго... – вздохнул Доусон.

– Да, но слушайте дальше. Единственное, что может вызвать массовое бегство фламинго такого масштаба, – это присутствие большого количества хищных птиц, питающихся падалью, известных нам как Аисты Марабу.

– Да... но...

– Марабу обратили в бегство все колонии фламинго, встречавшиеся им на пути. Нетронутыми остались только колонии на северо-восточном берегу озера Торто. Туда-то Марабу и направляются.

Доусон понимающе поднял бровь.

– Туда же, – сказал я, выдержав, как мне казалось, весьма театральную паузу, – направляемся и мы.

– В любом случае, – добавил Сэнди, не упуская возможности воспользоваться своим возросшим в глазах Доусона авторитетом, – кое-что

нам

– Я ГЛАЗ НА ТЕБЯ ПОЛОЖИЛА

ОТЪЕБИСЬ!

– Вот, включила тебе музыку. Доктор сказал: чем громче, тем лучше.

Это Патриция.

– У тебя, конечно, есть семья, правда, Рой? Ха-ха. Твой брат Тони сделал мне вчера гнусное предложение.

Не надо, Патриция.

– Но он не в моем вкусе, не мой типаж, к тому же женат, ну, ты понимаешь. С другой стороны – симпатичный, особого сходства с тобой я не нашла... Боже, я не то имела в виду. С тобой вроде все в порядке. Приходила твоя подружка. Сидит и молчит. Ей, наверное, очень грустно видеть тебя таким.

Кто, черт побери, это был? Всяко не Дороти. Она, конечно, нашла себе толстомясого парня и даже, наверное, завела уже первого толстого малыша. Поселились они где-нибудь в Уимпей или Баррат, дом номер... в Фэтхел, Мидлоттиан, а то и в Фэтхел, 5-й номер. Таким образом, Фэтхел, Манчес...

НЕТ. ЭТО БЫЛА НЕ ДОРИ.

Это та, что говорила про Демпси. Вот кто это. Это она.

Но кто она, мать ее?

– Она все ж-таки не бросает тебя, Рой. Видать, не верит, что ты так плох, как о тебе говорят. Я тоже не верю. Я вижу в тебе хорошее, Рой. Когда я свечу фонариком тебе в глаза, иногда мне кажется, что я что-то вижу, и я знаю – это добро.

Да что ты, Патриция? Откуда тебе знать?

Я от него без ума.

БЕЗ УМА

БЕЗУМИЕ

ГЛУБОКОЕ БЕЗУМИЕ

ГЛУБЖЕ

Ну да, вот она, эта песенка, с которой любила выступать мама. Помню, она исполнила мне ее на день рождения. Я был смущен. Сюрприз так сюрприз. Не праздник, а День дебила. Когда мы вернулись в Шотландию, муниципалитет поселил нас в такой же квартире, только теперь не на пятом, а на шестом этаже. Для мамы это было снижение социального статуса – на последние этажи обычно поселяли наиболее беднейшие семьи. Соседи рассказали прикол: нашу старую квартиру удалось сдать совсем недавно – она пустовала в течение почти всего восемнадцатимесячного африканского сафари.

Декси и Уилли – приятели по школе и по району, я перешел в средние классы, они уже там учились. Эти грязные уроды были рады, что их хоть куда-то пригласили, пусть даже к Стрэнгам. Мой приятель Пит так и не пришел – придумал какую-то отговорку, а вот Брайан подтянулся. Он сам недавно вернулся в район из Моредана, где он гостил у своей тетушки. Теперь он будет жить со своим стариком: мама их бросила, и старика это вроде как подкосило. Все сидели напряженные, воровато оглядывались, и тут мама, уже поддатая, как завопит:

И пусть говорят, что он грубоват,

А кто виноват, что я от него без ума...

Новая школа.

Мамино выступление лишило меня спокойствия, разрушило все мои планы освободиться от комплексов и посылать всех, кто попытается поставить на мне клеймо «придурак». Однако в общем и целом дела как-то наладились. Я, конечно, мог раструбить всем, что я брат Тони Стрэнга, но это отождествляло бы меня с Бернардом: этот пидор гнойный учился в моей школе на два класса старше. Мне постоянно приходилось краснеть за него, но его никто не трогал, так как он без всяких колебаний объявил себя младшим братом Тони Стрэнга. А мне это на хуй было не нужно. Мне нравилось делать то, чего от меня меньше всего ожидали. В школе учителя, судя по фамилии, решали, что я беспробудно туп, так я стал хорошо учиться. Так как я хорошо учился, они думали, что я поступлю в университет. Всеобщее мнение, что я – «будущий студент», проследовало за мной аж из самого Йоханнесбурга. Ни фига. Я никого не слушал.

В средней школе я появился, покрытый стойким южноафриканским загаром, отчего мое уродство приобрело экзотический оттенок. Многие еще помнили Тупорылого Стрэнга по начальной школе и по району, а чаще других вспоминал один жирдяй по имени Том Мэтьюс.

Бедняга Мэтьюс, поглядывая с задней парты на зубрилу Стрэнга, должно быть и не подозревал, что я коплю злость, выжидая момент. Он и стал моей первой жертвой. Хорошо, что это был именно Мэтьюс, хорошо, потому что он был рослым, крутым, горластым и тупым. На этот раз будет нечто посерьезней циркульной иголки.

Когда мы выходили из класса, он плюнул мне на голову. У нас в школе была такая забава, будто мы харкаем друг другу на затылки, но выплевывали мы только сжатый воздух. Этот же гондон плюнул по-настоящему.

Я почувствовал, как густая слюна стекает по шее за воротник.

Когда я повернулся к нему, готовый к бою, я увидел, как в его глазах промелькнуло удивление, а потом и замешательство. Он что-то сказал, ребята захихикали, ожидая, что сейчас Тупорылый Стрэнг получит сполна, но, когда я вытащил из кармана маленький охотничий нож, купленный на улице Лейта, смешки сменились на охи и ахи, и я трижды расчудесно пырнул Мэтьюса: два раза в грудь, один в руку. И пошел себе на следующий урок.

В происшествие вмешались учителя и полиция, хотя Мэтьюс, надо отдать ему должное, меня не продал, он просто вырубился на школьном дворе и его отвезли в больницу. Я просто мило со всеми поговорил. Кроме того, теперь я был Рой Стрэнг, трудолюбивый, способный ученик, будущий студент. Учителя наперебой давали показания и твердили всем и каждому, что Томас Мэтьюс не был

ни трудолюбивым, ни способным, а был задира и драчун. Да, в полиции знают семейство Мэтьюсов; Стрэнги им тоже небезызвестны, но я так убедительно сыграл роль маменькина сынка, что они и не вспомнили про семью. Все сошлись на том, что Мэтьюс нагнал страха на Роя Стрэнга, поэтому ему пришлось носить с собой нож. Про историю с циркулем в начальной школе так никто и не вспомнил. Никаких обвинений не последовало: папа с мамой даже не узнали о происшествии.

Школьная жизнь стала полегче, после того как был установлен основной принцип: с Роем Стрэнгом лучше не связываться.

А вот вне школы все было не так просто. Помню, как однажды, субботним вечером, я сидел, читал нового Серебряного Серфера, купленного в книжной лавке Бобби. Было уже поздно, и я, как всегда, съезился от страха, когда услышал, как старик спрашивает матушку:

– Перекусить не хочешь, Вет?

– Не откажусь... – ответила старушка жеманным и дразнящим тоном, будто речь шла о сексе.

– Рой, принеси мне рыбный ужин и... ты что будешь, Вет?

– Я буду рыбу... нет, белый пудинг... нет, пирог с фаршем и маринованным чесноком... нет, лучше телячий рубец, возьми телячий рубец. Да, точно, телячий рубец с потрохами. Нет, рыбу, рыбу!

– Господи Боже ты мой... два рыбных ужина, дуй, пока твоя мать не передумала.

– Пап, может... – простонал я. Идти поздно ночью по району в забегаловку – хуже некуда. Рядом пивняк «Командор», но народ оттуда уже расходился. Когда папаша заседал в «Командоре», он сам приносил ужин. Для меня же это было сущее мучение, я ужасно обламывался, когда он оставался дома по вечерам. Тебя могли застопорить пацаны постарше да покруче, наркоты норовили тебя опустить. С ним-то никакая сволочь не связывалась, поэтому он этого просто не замечал.

Я спустился по лестнице и пошел в темноту торгового центра. Увидев двоих парней, направлявшихся ко мне, я напрягся, но тут же расслабился, признав в них своих приятелей Пита Боумана и Брайана Хэнлона.

– Пит, Брай!

– Рой!

– Вы куда?

– Домой.

– А где были?

– В бассейне, потом зашли к моему старшему брату, – сказал Пит.

– Пошли со мной до забегаловки, – рискнул предложить я.

Пит прикрыл глаза ладонью и засмеялся:

– Это ты здорово придумал. Смотри по сторонам, Рой, там где-то бродит Гамильтон и еще несколько старшеклассников.

– Плевать, – улыбнулся я, а сам чуть не наложил со страха.

– Идешь в субботу на футбол? – спросил Брайан.

Футбол этот мне на хуй обосрался.

– Не знаю, может быть, – ответил я.

– Заходи в гости, – сказал Брайан.

– Ладно.

– Будь, Рой.

– Будь, Пит, будь, Брай, – попрощался я, и они ушли.

А я пошел дальше, в темноту. Какой-то синяк заорал, увидев меня, но я, не обращая внимания, пропустил к забегаловке. Свет, сочившийся оттуда, был единственным признаком жизни в округе.

Пока меня обслуживали, я старался сохранять невозмутимое спокойствие – за мной выстроилась очередь осипших синяков и психов из пивняка, которые принялись орать друг на друга. Когда я заметил, что Гамильтон и его свита стоят на выходе из магазина, коленки у меня затряслись.

Я подождал, и, когда мой заказ был готов, их уже не было. Облегченно вздохнув, я вышел и побежал сквозь холодную ночь, прижимая к груди горячие пакеты. Я уже было совсем успокоился, как вдруг из подъезда внезапно вылетел Гамильтон и встал у меня на пути. С ним было еще двое пацанов и две девицы.

– Здорово, приятель, угости, чем давишься!

– Не могу, это отцу, – сказал я.

Гамильтону было шестнадцать. Мне еще не исполнилось четырнадцати. Это тебе не Мэтьюс – совсем другая весовая категория. Те двое были еще старше, тот, что с длинными светлыми кудрями,

выглядел на все восемнадцать.

– Оставь его, Хамми, он же еще малой... – сказал он.

– Давайте затащим его в подъезд, – заржал Гамильтон.

Его дружок, тоже из старших классов, некий Джил-крайст, выдавил смешок:

– Ты знаешь, что это за перец? Он покоцал брата Дэвида Мэтью. Думает, что он немеренно крут.

Они затолкали меня в подъезд. Я еще крепче вцепился в пакеты. Я думал только о том, что скажет мой старик, если я позволю им добраться до жратвы. У Гамильтона был полон рот торчащих наружу зубов. Он напоминал мне пиранью: у него было столько зубов, что он и рот толком не мог закрыть. Он с ликованием вытащил нож и приставил его ко мне.

– Так ты, значит, с перышком ходишь?

– Нет, – отвечаю я.

– А я вот слышал, что в школу ты приносишь. Так ты типа беспредельщик?

– Нет, – я пожал плечами, все еще сжимая пакеты. Гамильтон засмеялся и вдруг исполнил передо мной

странный, похожий на птичий танец: неестественно передвигаясь, он выпячивал грудь и крутил головой из стороны в сторону.

– Отстань от него, Хамми, я не шучу, мать твою, – смеясь, сказал парень постарше и шутя оттащил его от меня. Ко мне подошла одна из девок, она тоже училась у нас в школе. У нас с Питом и Брайаном было для нее прозвище – Кобыла. Бывало, я онанировал, представляя себе ее образ; а если честно, я постоянно на нее дробил. Помню, однажды мы были у Брайана и смотрели программу о животных, там показывали, как фачатся богомолы и как богомолиха пожирает во время акта голову богомола. Мы потом шутили, что в койке с Кобылой можно нарваться на такой же прием. Помню, я еще сказал, что стал бы фачить Кобылу, только если б мне удалось ее сначала привязать.

– Подружка у тебя есть, сынок? – спросила она, жуя жвачку так медленно и обдуманно, что ее красивое личико удлинялось и становилось похоже на лошадиную морду. Подобная мимика ее совсем не красила, однако девица каким-то непостижимым образом становилась еще более сексапильной.

Несмотря на страх, я почувствовал напряжение в паху.

– Не-а, – ответил я.

– Да он и дырки-то не видел, – презрительно фыркнул Гамильтон. Джилкрайст заржал.

Я промолчал.

– Да оставьте вы убогого, – смеясь, сказал блондинистый. – Ладно, Хамми, отпусти ты его.

Тут я увидел вторую девицу, это была Каролин Карсон из нашей параллели, точно; мы даже встречались на некоторых уроках. Она была что надо. Убийственная красotka. Я был готов провалиться сквозь землю.

Блондин, видимо, заметил, что я узнал ее и что я в шоке. Он приобнял ее.

– Это моя малышка, нравится? – сказал он, похабно ухмыляясь.

Она засмеялась и отодвинулась от него.

– Да ладно тебе, Доджи... – Похоже, ей было не по себе, что ее застали в компании таких уроков. Я-то принимал ее за приличную девочку.

В этот момент Гамильтон ударил меня по лицу. Я стоял, уставившись на него, сжимая пакеты.

– Дай пожрать, мать твою! – рявкнул он. Он вперил в меня сверкающий, неистовый взгляд, и я почувствовал, что скула, в которую он мне вдарил, странным образом пульсирует в такт с моими же яйцами.

Потом я увидел, как что-то изменилось в его глазах, как будто мы обменялись нервными импульсами, отвратительными и пугающими, сущность которых я не смог бы определить.

Что-то общее было между нами.

Я не сводил с него глаз, я уже не боялся, уж во всяком случае его. Не Гамильтона я боялся, а своего старика, и он это понял. Я только злился на него и на себя за то, что был слишком слаб, чтобы оказать сопротивление этому гондону.

– Да ты ебанько! – заорал он, подходя ко мне с пером в руке. Блондин удержал его и одновременно вытолкнул меня из подъезда, но все они вышли вслед за мной.

Я просто сжимал свои пакеты. Я знал, что в любой момент могу остановить этот кошмар, сказав: «Я брат Тони Стрэнга», – но я не хотел этого делать. Я это я, а речь шла о Рое Стрэнге.

Рой Стрэнг.

Я держал еду.

– За какой клуб болеешь? – мимоходом спросил Гамильтон, как будто между нами ничего не произошло; нож он убрал обратно в карман.

– «Хибз», – ответил я.

Меня-то футбол особенно не интересовал, но папа и Тони, как и большинство моих товарищей по району, болели за «Хибз», так что этот ответ был наиболее безопасен.

– «Хебз!» «Хебз!» – повторил он, пародируя мой еще не сломавшийся голос.

Он оторвал от кулька немного бумаги и вытащил несколько кусочков. Я стоял как вкопанный. Я пытался что-то сказать, но слова не выходили у меня изо рта.

– Пиздуй отсюда, пока жив! – рывкнул он, схватил меня за волосы, рванул вниз, пока мое лицо не ударилось о его колено. Я почувствовал, как моя нижняя губа разбилась о передние зубы, и рот мой наполнился сладковатым привкусом собственной крови. Сжимая пакеты, я медленно поднял голову, меня трясло от злости и обиды.

– Отъебись ты, Хамми, мудила! – крикнул парень постарше, блондин, и припустил за Гамильтоном, между ними завязалась потешная потасовка, а я тем временем дал деру. Нижняя губа мне казалась огромным куском резины во рту.

Когда я пришел домой, отец взглянул на меня, потом на порванный кулек, который я тщетно пытался скрыть.

– Кто-то испортил мой ужин!

Я сказал, что проголодался по пути и съел несколько кусочков. Он глянул на меня сурово.

– А что с твоим ртом?

Я почувствовал слабость в коленях, у меня больше не было сил пороть эту неубедительную чепуху, это бы еще больше его разозлило. Уставившись в пол, я рассказал ему все, что произошло. Я поднял голову и увидел, как Ким во все глаза смотрит на меня, и ее случайно вырвавшееся «о-о-о-ох» еще больше усилило мои страдания. Бернард, искать которого бесполезно, когда надо послать кого-нибудь за едой, самоотверженно сражался с улыбкой, кривившей его лицо, и проигрывал. Все мы ожидали, что отца забычит и он отвесит мне звонкую пощечину, но он лишь с грустью взглянул на меня.

– Тебе придется научиться как следует постоять за себя, Рой. Ты же Стрэнг, или кто, – устало казал он, презрительно покачивая головой.

Я поклялся отомстить этому гондону Гамильтону, но так и не выполнил своей клятвы. Сначала его послали в исправительную школу для малолетних преступников в Полмонте, потом он просто исчез из поля зрения. Джилкрайста, его закадычного друга, перевели в другую школу в противоположном конце города. Этого урода я еще встречал, да и шлюшек его тоже.

Только это было потом.

В школе, однако, было куда легче. Распространявшиеся вести о том, что Гамильтон меня отделал, не роняли моего достоинства, ведь он был старшеклассник, к тому же крутой. На самом деле от того, что я-таки не обосрался, статус мой еще больше повысился. В школе и в районе вместе тусовались в основном только я, Дикси, Вилли, Брайан, Монти и Пенман. Нас никто особо не трогал, и мы никого не трогали.

Так продолжалось довольно долго. Мы здорово веселились. Однажды ночью мы вломились в школу, собираясь перевернуть все вверх дном. Мы забрались в самый ненавистный класс, куда должны были приходиться каждое утро на переключку, и в верхнем ящике стола нашли ремень самой нелюбимой училки – мисс Грэй.

Мы стали со всей дури полосовать друг другу руки этим ремнем, куда жестче, чем лесба Грэй или кто-либо из наших учителей, при этом, как сильно мы ни лупасили, все равно было совсем не так больно. Тут Брайану пришла в голову отличная мысль – он вытащил верхний ящик и заставил этого психа Вилли в него насрать. Вилли отложил дымящуюся личинку, и Брайан вставил ящик обратно в стол. Какое-то время мы ржали, как ебанутые, и тут Брайан говорит:

– Утром мы придем и доведем эту соплежуйку Грэй. Она ползет за ремнем...

– О-о-о... охуеть! – заржал Пенман.

– Тогда давайте не будем ничего крушить... сделайте так, чтобы никто не догадался, что мы взломали класс. А я пока дойду до библиотеки, – сказал я.

В библиотеке я прихватил пару книг о птицах: «Городские птицы Британии» и «Энциклопедия

тропических птиц Шермана», том 1.

На следующий день мы довели-таки лесбу Грэй. Мы кричали: «Рис-рис-рис», пока не получилось: «Сри-сри-сри». Такие выходки заставили бы ее грудь вздыматься, если бы она у нее была; в итоге она завелась и полезла в ящик за ремнем. Грэй всегда била ремнем по столу, что означало, что все мы должны заткнуться и послушать, что она говорит. А говорила она всегда одно и то же: «С утра пораньше в понедельник, или в пятницу в конце дня, или середина недели – не самое лучшее время, чтобы испытывать мое терпение!»

Всегда один и тот же бред.

– Так! – заорала она, открывая ящик и засовывая туда руку. – Серое, дождливое утро не самое лучшее время, чтобы испытывать мое... Она нащупала ремень и застыла, другой рукой слегка приоткрыв ящик, она заглянула вовнутрь и чуть не задохнулась, пытаясь сдержать блевотину. Мы напрягли ягодицы, чтобы не заржать. Брайан стал красный как рак, глаза слезились. Мисс Грэй вытащила ящик, прикрыв говно и свою запачканную руку листом бумаги А4. Она понеслась к выходу, держа ящик в свободной руке. – Животные! Гребаные свиньи! – шипела она, в ответ мы только охали-ахали, пораженные ее сквернословием. Грэй завопила на Бриджет Хислоп, зазнайку, которую Брайан прозвал Фригидный Писиглот, чтобы та открыла дверь, и сиганула по коридору к учительским туалетам.

Круто было.

Хорошие были времена, но потом возникла проблема, требующая решения.

Но об этом я пока что не хочу говорить. Я хочу вернуться на охоту, в погоню за Марабу. То есть ГЛУБЖЕ, ведь нам с Сэнди удалось, видишь, вытянуть из Доусона еще немного припасов... нет, что-то не так,

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

После того как мы наглядно показали, как Марабу изгоняют фламинго, старый жирдяй Доусон снабдил нас дополнительно добрым количеством оснащения и съестных припасов.

– Поедете по этой дороге – держите ухо востро, там полно террористов, – прогудел Доусон нам вдогонку.

Мы снова отправлялись в дорогу на джипе и были весьма довольны собой.

– Весело, правда, Сэнди?

– Да, – улыбнулся Сэнди, – что бы там дальше ни случилось, знай, что с тобой я провел лучшие часы своей жизни.

Я аж зарделся от смущения и, чтобы сменить тему, заставил Сэнди рассказать еще одно из своих приключений со львами.

– Был такой случай: меня занесло в деревню, жители которой были до смерти запуганы ненасытным львом-каннибалом. Они буквально боялись выходить из своих хижин, запасы продовольствия подходили к концу, вокруг царил антисанитария – мусор выбрасывался прямо за порог. Селян не в чем было винить, ведь за месяц они потеряли троих человек. Короче, было около трех ночи, я и моя команда, размещенная на постой в одной из хижин, спали беспробудным сном, как вдруг кто-то вышиб дверь, и не успели мои парни опомниться, как огромный лев схватил одного, по имени Можемба, и, вцепившись в бедро, потащил его прочь из хижины. Меня это не на шутку взбесило: разбуженный поднявшийся суматохой, я быстро схватил винтовку и выстрелил зверюге в область сердца. Мне очень повезло, конечно же, в тот момент я стрелял наугад, времени целиться у меня не было.

– Ерунда, Сэнди, – сказал я, – ты же чертовски меткий стрелок.

– Очень мило с твоей стороны, Рой, но я никогда особо не славился как превосходный стрелок. Этот выстрел, однако, попал точно в цель: лев тут же отпустил Можембу и удрал в ближайšie заросли. На рассвете селяне нашли тело метрах в семидесяти от хижины. Это была всего лишь старая шелудивая львица, нападавшая на людей от полной безысходности. Но самое существенное в этом происшествии было то, что бедняга Можемба воспринял это нападение как признак собственной слабости, мол, он был недостаточно бдительным.

– Но так оно и было на самом деле, – заметил я.

– Да, но я не мог взять и бросить его там, чтоб он истек кровью. Он слабел, бредил, прощался со мной: прости за то, прости за это... короче, я приказал всем оставить нас вдвоем и сам занялся ранами несчастного.

Я промыл его бедро горячей водой и спринцевал рваные раны антисептиком, чтобы предотвратить заражение крови.

– Отлично сработано.

– К счастью, в этом случае меры предосторожности оказались бесполезны и через шесть недель парень уже встал на ноги. Охотиться после такой травмы ему было уже не по силам, так что я назначил его своим ординарцем... он отлично справлялся. – Сэнди высовывает длинный раздвоенный язык... да нет, не раздвоенный, нормальный язык.

Черт.

Черт.

Я поднимаюсь вверх

наверх

наверх

наверх

наверх

Не работает. Ладно-ладно. Какую проблему я должен был разрешить? Проблему. Каролин Карсон.

Каролин Карсон. Она вела себя так, будто «принцессы не какают», но меня она никогда не понимала. Я считал ее приличной девочкой. Примерно год спустя меня перевели в ее группу, по-моему по английскому. Вряд ли она забыла о том происшествии с Гамильтоном и Джилкрайстом, когда они терроризировали меня, а они с Кобылой стояли рядом. Она нравилась всем и каждому и, видимо, считала, что вместе с приятной внешностью она получила неприкосновенность и может делать, что хочет. Однажды в классе она преобильно щелкнула меня сзади по уху, но еще глубже, чем боль, я почувствовал унижение. Уши всегда были для меня больным вопросом.

По классу прокатился смешок. Опять они смеются, мать их.

Никто не смеется над Роем Стрэнгом.

Я знал, где она живет, и после школы я последовал за ней. Я срезал угол и, обогнув супермаркет, побежал дворами; я прибыл первым и подждал ее на лестничной клетке. Казалось, она болтала с подружкой целую вечность, но в итоге в подъезд она зашла одна. Я тут же набросился на нее и прижал к стене в темной нише возле мусоропровода, приставив к горлу швейцарский армейский нож (купленный опять же в лавке на Лейт Уок).

– Ты что? Что ты делаешь, Рой? – захныкала она, едва не наложив в штаны. Это был первый раз, когда она со мной заговорила, впервые эта сучка произнесла мое имя.

Мне нравилось выражение ее глаз, нравилось держать ее, приставив нож к горлу. Я наслаждался своей властью. Помню, я еще подумал: вот она, власть, ее просто нужно брать, а когда взял, надо удерживать, вот и все дела. Перец затвердел у меня в штанах, все было так прекрасно. Вокруг – ни звука. Мой рот, подбородок, губы, руки, ноги – все трепетало от возбуждения.

– Ты щелкнула меня по уху, мать твою. Что ты на это скажешь?

– Прости... – тихо проскулила она.

Я стал медленно говорить ей прямо в ухо, а она вжалась в стенку, не способная на большее, так как движения ее были скованы страхом.

– Меня зовут Рой Стрэнг, мать твою, и шутить со мной никто не смеет... подними юбку, – командовал я, посильнее прижав перо к ее тонкому, белому горлу.

Она подняла юбку.

– Выше.

Я засунул руку ей в трусики и сдернул их на бедра. В порножурналах я видел множество мохнаток, но это была первая, которую я увидел собственными глазами.

– Рыжая пихва, я так и думал, мать твою. Я хотел посмотреть, какого у тебя цвета там волосы, – ухмыльнулся я.

Обезумевшая сучка выдавила из себя жалкое подобие улыбки.

– Чё ты лыбишься? А? Думаешь, я шучу? – я сплюнул сквозь зубы, указывая на себя.

– Нет, – стала оправдываться она.

Я придвинулся ближе, налег и стал тереться об нее, пока не кончил, выдавая фразы из порножурналов. Мое горячее дыхание обжигало ее застывшее испуганное лицо:

– Шлюха... ебаная сука... грязная шлюха... тебе ж это нравится, сучка ты, мать твою... – Я чувствовал себя, как Уинстон II. Теплый клейстер залил мне штаны. Вот и все. Вот я и пофачился в

первый раз, хоть и всухую. «Фачиться всухую» – так старшие пацаны в районе говорили, когда не суешь в пихву, а просто трешься об нее.

Я сделал шаг назад и сказал:

– Хоть одно слово кому-нибудь скажешь, маленькая рыжая пизденка, считай, что ты мертва! Ясно?!

Она будто приросла к полу, стояла, закрыв глаза руками.

– Я никому ничего не скажу... – она чуть не задыхалась от страха и, когда я уходил, уже почти разревелась. Я обернулся посмотреть, как она подтягивает трусы; подумал, на это можно будет вздрочнуть.

Она была еще совсем малютка: едва наметившаяся грудь, узкие бедра. Скоро пофачусь по-настоящему, с реальной женщиной.

Эту проблему я решил.

Учиться мне было легко, и никто до меня не докапывался. Иногда, если старик уходил в дневную смену, я скипал с уроков, чтобы посмотреть Уимблдон или Кубок мира. Я очень любил бывать дома один. Помню, в то лето я реально прикололся смотреть Уимблдон: был там один здоровый поц, никем не признанный теннисист, с мощной подачей, не могу вспомнить, как его звали, так он вышибал корифеев одного за другим и дошел аж до полуфинала. Помню, этот старый сноб Дэн Мэскел назвал его «подводной миной». Таким был и я в школе и в районе – «подводной миной». Я не был настолько популярным, чтобы стать одним из крутков, но имел угрожающий вид, и связываться со мной было опасно. Крутки это знали, и я был в курсе.

Вместо того чтобы укреплять свои позиции и застолбить себе место бойцового пса одной из школьных или районных банд, я избегал их и собрал свою шайку. Я хотел быть главарем. Мои пацаны все были людьми неприспособленными: они были либо слишком спокойными, как Пит, либо слишком умными, как Брайан, либо слишком не от мира сего, как Пенман, или же слишком неряшливыми и тупоголовыми, как Дикси и Вилли, чтобы вписаться в другие банды.

Тем летом я прямо сгорал от желания трахнуть. Должно быть, я действительно дошел до ручки, если однажды прихватил в мужском туалете некого Алана, или Алека Монкера. Этот парень ходил в сером пальто из бобрика зимой, а летом носил школьный пиджак (это у нас-то!) и всегда был такой чистенький, аккуратненький, как будто мамочка все еще помогала ему одеваться.

Этот маменькин сынок был, однако, весьма общительным парнем. Он вроде как подружился с нами, видимо, в школе его так доконали, что он искал компанию, которая могла бы его защитить. Однажды он вписался подыграть мне, когда я изображал мага, будто я его гипнотизирую:

–...спать, спать.....спать...

...он пересрался, это было заметно; глаза открылись, как окна на экране компьютера. На дисплее все выглядело как надо, но внутри много еще было всякой всячины, что-то таилось там, за девичьими глазами. Я поднял ногу и с силой пнул придурка коленом в пах...

...яйца надо прикрывать...

...согнувшись вдвое от боли, он пронзительно крикнул, как раненое животное. Я подхватил, передразнивая его, с ледяным спокойствием смакуя его взгляд, полный страха и трепета.

Тони однажды сыграл со мной такую шутку. Дело было у нас дома. А в общем Тони был что надо: сильно никогда меня не бил. В основном он лупил Бернарда, я, бывало, любил посмотреть, как он пиздит этого пидора.

Интересно, что после таких вот выходов я всегда дерьмово себя чувствовал. Мне было грустно и уныло, вероятно, я просто сожалел о случившемся. Интереснее всего, что я сожалел вообще, не имея в виду конкретного человека, которого я обидел. Своих жертв я ненавидел еще больше. Но после я всегда пытался загладить вину, совершить что-то хорошее, например, уступить место в автобусе какому-нибудь старому пердуну или помыть маме посуду. Но только когда я поступал с кем-нибудь так, как с этим маменькиным сынком, я чувствовал энергию жизни, чувствовал себя на коне. И хотя потом мне действительно было не по себе, все же не настолько, чтоб это могло останавливать меня в каждый конкретный момент.

Однажды мы с Брайаном и Пенманом сидели в мужском сортире; парни курили, меня же куриво никогда не интересовало. Мы чисто зашли пробздеться, а тут вдруг заходит, кто бы вы думали? Тот самый маменькин сынок. Его обеспокоенное заячье выражение порадовало мой глаз, я почувствовал сухость во рту. Горло мое как будто сжалось, а губы слиплись, так что мне пришлось облизать их, чтобы открыть рот.

– Взять его! – заорал я и, приставив нож, впихнул его в ближайшую кабинку.

– Стрэнджи, что ты делаешь, придурок! – крикнул Брайан.

– Давай, давай... ори, мать твою! – задыхался я. Я заставил маменькиного сынка надрачивать мне хуй.

– Медленно... не то прирежу, мать твою... мягче, – командовал я, а он нежно оттягивал мой конец, округлив от страха глаза. Несмотря на то что парни ржали и поминутно стучали в дверь, я завелся и спустил прямо на черный пиджак этого слащавого мудака.

Я быстро заправился и открыл дверь.

Пенман и Брайан попадали со смеху, когда готовый расплакаться маменькин сынок наконец-то показался из кабинки, а за ним вышел я с гнусной улыбочкой на роже.

Хотя все мои дружки посмеялись над этой выходкой, но некоторое время после этого они напрягались, будто я, как и Бернард, стал пидором. Я винил во всем маменькиного сынка и вынашивал план жестокой мести. Если бы этот гад не был таким немощным и чистеньким, как девчонка, я бы никогда так не облажался. Я ненавидел шдорасов, меня тошнило от самой мысли, что эти большие уроды суют свои концы друг другу в сраку. Я б их всех кастрировал.

Вскоре после этого я увидел маменькиного сынка – он болтал с приятелями на игровой площадке; когда мой локоть с силой хрустнул ему по лицу, раздался настоящий вой. Я не стал утруждать себя и даже не обернулся посмотреть, как кровь хлещет из девичьего рта, но Дикси и Брайан уверили меня, что так оно и было.

Так или иначе реакция моих друзей делала еще более неотложной необходимость трахнуть кого-нибудь по-настоящему, переступить черту. К счастью, в скорости я получил такую возможность. По вечерам мы шатались вокруг школы, охували, щупали девчонок, которые таскались с нами. Была там одна, побойчее, звали ее Лесли Томпсон: смотреть не на что, обычная замарашка, зато солидные титьки и отличная жопа. Другие были еще совсем маленькие: ни груди, ни жопы нормальной. Я ее вытаскивал из кружка и вводил через поле в другой конец школьного двора. Я трахнул ее несколько раз всухую, после чего добился своего и развел ее на реальный фак.

У Тони я взял ключи от служебной комнаты. Ключи полагалось иметь только уборщицам да мусорщикам, но моему старику тоже выдали связку, так как он был вроде как ответственный за безопасность нашего дома, неофициально конечно. Такова была политика муниципалитета – поощрять инициативу ответственных съемщиков по поддержанию порядка во вверенных им домах. Короче, отцовские ключи были у Тони, и он водил в подвал телок. Тони был настоящий ебать-виртуоз. У него уже была своя квартира, но он все равно приезжал к нам и фачил в служебке всех местных шлюх, чтобы те не докучали ему дома.

Мы тогда хорошо ладили с Тони, я иногда ездил к нему на хату. Было круто: он давал мне пиво, с ним я стал раскумариваться. Дудки мне никогда особо не нравились, но я притворялся, будто меня прет, чтоб отблагодарить его за доверие.

– Только не говори маме и Джону, – смеялся он. Именно Тони поведал мне все о телках.

– Если это шлюшка – ты просто берешь ее в оборот. Если же попадетя приличная птичка – не торопись, разговори ее, а потом бери в оборот.

Основное пространство унылой и холодной служебки занимал огромный алюминиевый бак мусоропровода, кроме того, там находились центральные счетчики электричества со всего дома. В углу лежал старый засаленный матрас, несомненно траченный Тони. Я хотел трахнуть Лесли стоя, за время суходрочек так стало привычнее. Я приставил ее к стене и стал нащупывать щель. К моему удивлению, оказалось, что сама дырка расположена значительно ниже, чем я предполагал. Значит, фотки в порножурналах обманывают.

Мне никогда не нравились фотки, где слишком открыто демонстрировались гениталии: они были похожи на свежие открытые раны, что абсолютно не соответствовало улыбающимся, призывным лицам моделей. Могу поспорить: их там подкрашивают или смазывают каким-нибудь говном. Свой первый порножурнал я купил в книжной лавке Бобби, тогда же я купил последний комикс – «Серебряный Серфер». В порно был свой толк – я хотя бы не пытался трахнуть Лесли в жопу. Я вырос с убеждением, что так и должно быть, потому что всякий раз, когда мимо проходила телка, Тони говорил: «Оттарашил бы я эту крошку в орех». Потребовались порножурналы, чтобы направить меня на путь истинный, так что в них есть свой толк.

Чтобы засунуть, потребовалось какое-то время. Помню, я еще подивился, что движение идет по вертикали, а не по горизонтали. Дырка у нее была влажная, но узкая и пропускала с трудом, так что

мне пришлось согнуть колени. Сделав пару резких толчков, я выпустил в нее заряд, ноги мои подкосились, и я повалился на матрас. Это был мой первый настоящий фак, первый «мокрый» фак. Честно говоря, это было не намного лучше, чем всухую, но во всяком случае я это сделал. Я чувствовал, что теперь мы с Тони наравне: оба опытные мужики. На следующий день я пошел в школу настоящим гоголем, меня переполняло чувство собственного превосходства. Все эти козлы, называвшие меня Тупорылым Стрэнгом, сидели еще в своих спаленках и драчили на Сью Сторм, Невидимку из Фантастической четверки, а я – последний урод – добрался до своей дырки. Забавно, что мысль о том, что Сью Сторм фачит этот гондон Мистер Фантастик – Рид Ричарде, – приводила меня в бешенство. Она могла найти себе получше, чем этот скучный мудила, хотя, если я не ошибаюсь, он имел возможность изменять форму и размеры любой части своего тела; если он и с перцем мог так манипулировать, ей не на что было жаловаться. Не за просто же так его называли мистер Фантастик. А когда ее все это доставало, она могла просто исчезнуть.

Я рассказывал о своих похождениях Тони, преувеличивал количество совокуплений, врал о якобы поставленных экспериментах; наверное, Тони знал, что я придумываю, и я знал, что он знает, но он не перебивал меня и ничего не говорил, и оба были довольны, это забавляло нас и позволяло убить время.

Что касается Лесли Томпсон, то она начала вызывать у меня отвращение. По правде, так она никогда мне не нравилась. Она носила несвежие белые гольфы, поначалу они меня возбуждали, но потом достали. Я ненавидел ее, когда она недвижно стояла с отсутствующим, глупым видом, как тупая корова. В то лето я трахнул ее несколько раз и всякий раз давал себе клятву, что это последний, но потом снова поддавался искушению заправить ей и ненавидел за это и ее, и себя.

Однажды она попыталась взять меня за руку – типа я ее парень; дело было днем, мы шли из школы. Мне пришлось выбить дурь из ее блядской башки, но потом пришлось кое-как подмазаться, чтоб она дала, если что.

– Я, конечно, твой парень, но только по вечерам, – объяснял я этой тупице, – днем – каждый сам по себе.

Она, похоже, что-то поняла.

Так обстояли мои дела в районе, однако в школе я вкалывал по-настоящему. На следующий год я полностью поменял свой режим, чтобы подготовиться к экзаменам. Отец настаивал, чтобы меня никто не беспокоил, и Ким вменили в обязанность носить мне чай в комнату на подносе. Хотя у Тони уже была своя квартира и места было побольше, Бернарда заставили спать на диване в гостиной, чтобы у меня была своя комната. Я всегда удивлялся, почему Бернард не снимет себе квартиру, дома он бывал редко, большую часть времени проводя со своими друзьями-педрилами.

Джон твердо решил, что не остановится ни перед какой жертвой ради того, чтобы я спокойно занимался. Он гордился тем, что Стрэнг готовится сдать шесть высших уровней, они с мамой гундосили об этом всем и каждому, чем ужасно меня смущали.

Я сдал все шесть экзаменов. Меня хотели оставить, чтобы я поступал в вуз, но мне нужна была работа: я хотел подкопить денег и снять квартиру. Появился повод, чтобы устроить вечеринку; были в основном приятели старика и старушки, которые набухались в говно, так что уже не помнили, что они тут празднуют. Как всегда, орал песню: папа спел маме «Из России с любовью» и «Лунную реку», она ему спела «Никто не сравнится с тобой»:

В этом никто не сравнится с тобой,

Да и что мне за дело до тех,

Кому до тебя далеко,

Бэби, ты лучший из всех.

Папа стыдливо зарделся, и он слегка поднял брови над толстой роговой оправой, копируя бондовский жест. Меня подташнивало.

Я отказался от предложений и выбрал свой путь: сразу ушел из школы и поступил на курсы подготовки системных аналитиков в «Скоттиш Спинстерс» – компанию по страхованию жизни на Джордж-стрит. Я всегда врубался в компьютеры, еще со школы. Сперва мои родители ужасно обломались, что я не остался учиться, но, услышав, что я получил, что называется, хорошую работу с перспективой, чуть не полопались от гордости. Уверен, отец воспринял это как полную реабилитацию Стрэнговой породы.

– Я знал, что у тебя есть голова на плечах, – твердил он. – Компьютеры – за ними будущее, – со знанием дела говаривал он, будто выдавая секретную информацию, которая ускользнула от осталь-

ных представителей человеческой расы. Это выражение стало в моей семье практически обязательным по любому касающемуся меня поводу, заменив «шесть высших ступеней» и «будущий студент». Короче, так вот я устроился.

Помню свой первый день в «Скоттиш Спинстерс». Само здание поразило меня до ужаса. Внутри оно было абсолютно новым, но сохранило грандиозный фасад времен короля Георга, богато украшенный холл с мраморными колоннами, несколько комнат и коридоры, отделанные старинными дубовыми панелями. В этих комнатах находились зал совещания совета директоров и кабинеты шишек. Старинная часть здания соединялась с уродливым современным строением, где находились типовые офисы, выкрашенные в пастельные тона, освещенные вызывающими мигрень неоновыми лампами.

В моем офисе кроме меня было еще четыре человека. На двери висела табличка: СИСТЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, а под ней три имени: Джэйн Хэтэвэй, Дерек Холт и Дес Фрост. Я и еще один стажер в табличке не указывались; считалось, что мы еще не доросли, чтобы вешать на дверь наши имена. Такое вот было заведение. В офисе напротив сидел Коли Спроул – заведующий нашего отдела.

Если здание меня впечатлило, то публика, с которой я работал, мне нравилась куда меньше. Джэйн Хэтэвэй была вроде как супервайзер, ее должность называлась главный специалист по системному управлению. Она была откровенно толста, с шапкой длинных каштановых волос и очками, похожими на окуляры моего старика. Вокруг себя она создавала атмосферу высокомерия и недоброжелательности; ужасная сучка, похоже, она торчала от своей власти над сотрудниками. Она могла послать тебя сделать ксерокс (что не входило в мои обязанности), а потом сказать покровительственным, типа шутливым, тоном:

– Спасибо вам, молодой человек.

Однако хитрая тварь никогда не переступала грань, за которой ты мог встать лицом к лицу и послать ее подальше; в решающий момент она прятала голову в панцирь; от ее реплик в сторону во рту оставался неприятный привкус, и невозможно было с уверенностью сказать почему.

Я просек, что Хэтэвэй заглядывается на Мартину Фенвик, которая, как и я, была стажером, но в, в отличие от меня, училась в Универе, на английской литературе или что-то в этом роде: бесполезная трата времени. Фенвик была исключительно худящая девица, и титек у нее не было вообще. Бывало, когда она показывала что-нибудь на дисплее, я заглядывал ей под вырез блузки, пытаюсь обнаружить хотя бы следы сисек, но нет: лифчик ей служил эластичной жилеткой для прикрытия сосков. Мартина была нервозной девицей. С Хэтэвэй они говорили, как две школьницы-подружки, это был их типа тайный язык; Фенвик нервно хихикала и дергалась, содрогаясь в конвульсиях, и ей приходилось зажимать меж зубами костяшки пальцев, чтобы прервать свой идиотский смех. Она была застенчива (о факе не могло быть и речи), но обладала при этом холодно-мутной сексуальной привлекательностью, и я, неизвестно почему, частенько на нее дробил.

Больше всего Хэтэвэй докапывалась до Дерека Хольта. Дерек был обыкновенный парень, женат, двое детей, любил пропустить пивка в обед, хороший работник, никогда не выпячивал свои заслуги. Он любил футбол, и у него был сезонный билет на все матчи в Тайнкастле. Иногда мы болтали с ним о футболе, хотя я никогда спортом особо не увлекался, так просто, тема для разговора. Хэтэвэй он был, похоже, глубоко неприятен, она воспринимала его как какого-то троглодита. Она бросала на него испепеляющие взгляды и, обращаясь к нему, использовала самые неприятные, резкие интонации. Возможно, она относилась к нему так потому, что он не был тем, кем была она, – англичанкой, представительницей среднего класса и лесбой. Холт, похоже, не замечал ее вызывающего поведения, а если и замечал, ему было наплевать.

Дес Фрост был вполне дружелюбный, мягкий парень, но ценил себя слишком высоко; его скоро перевели в другой отдел. Было видно, что он прямо-таки сохнет по Мартине Фенвик.

Такая вот компания собралась у меня в офисе. Времени у меня на них особо не было, они меня тоже особо не беспокоили.

Я все еще собирался снять квартиру, но и дома у нас стало полегче. Я приносил в дом деньги, поэтому ко мне относились как к равному. Иногда я ходил в паб с папой, Тони, дядей Джеки и их приятелями. Мне это очень нравилось: сползалась куча старых хрычей и все висли на мне, приговаривая: «Какой парень вырос у Джона Стрэнга». Под столом, свернувшись, лежал Уинстон II, а мы пили пиво и играли в домино.

Сколько себя помню, я мечтал отомстить этому гребано-му псу за изуродованную им ногу. Животное научилось держаться от меня подальше, однако я принимал все меры предосторожности, что-

бы меня не застучали, когда я его пинаю. В нашей семье боготворили Уинстона П; Ким часто гуляла с ним, она и сочинила мантру, своей избитостью вызывавшую у меня тошноту, ее полагалось пропеть, когда собака брала что-то в рот:

Уиннерс, Уиннерс, Уиналот,
Уиннерс, Уиннерс, ты проглот.

Это идиотическое двустишие быстро получило в моей семье культовый статус, и все бесконечно повторяли его. Ким, очевидно, переняла дар к стихоплетству от Бернарда, которому особенно нравилось это уродское сочинение. Меня ужасно раздражало, как они боготворили эту гребаную псину.

Однажды вечером я оказался дома один на один с Уин-соном П. Старичок, дремавший возле электрокамина, стал постепенно просыпаться. Все это время я наблюдал за ним, ноздри его мерно расширялись, выпуская воздух, складка кожи поднималась, когда он вдыхал. Я представлял его продолговатую башку, стоящую на одиннадцатиметровой отметке на финальном матче Кубка УЕФА между «Хибз» и Миланом. Состязание было захватывающим, но счет оставался нулевым; парням в изумрудно-зеленых майках присудили пенальти, и вот новое приобретение клуба, Рой Стрэнг, уверенно подходит, чтобы пробить мяч.

Челюсть Уинстона хрустнула: ХРЯСЬ – это я прописал зверюге по первое число.

– Стрэнг... один – ноль! – объявил я, пародируя гнусавый прононс английских комментаторов. – И Кубок чемпионов, вне всякого сомнения, отправляется на Эистур-роуд! – Тварь обиженно взвизгнула и, съездившись под сервантом, жалобно заскулила. – Уиннерс... Уиннерс... – ворковал я, затаив дыхание. В итоге мне удалось выманить его из убежища. – Ты скоро сдохнешь, Уиннерс, – говорил я успокаивающим тоном, – как только я найду способ выжить тебя отсюда. Ты. Сразу. Сдохнешь. – Я погладил старичка. Он обрадовался и подобострастно запыхтел.

Новая работа мне даже нравилась. Я немного робел перед всякими снобами и шишками, но были и нормальные ребята, да и работа была несложная. Больше всего мне нравилась зарплата. Тупорылый Стрэнг заколачивает больше, чем все эти наглые скобари из района, которые когда-то пытались его извести. В личной жизни все складывалось не так гладко: не так-то просто оказалось найти чувиху, чтобы присунуть. Я хотел классную птичку, а не какую-нибудь дворовую поблядушку с трясущимися коленками, чтобы водить ее в подсобку. На работе таких хватало, но это были снобские телки, для меня они были слишком крутые, мне было неловко, и я стеснялся с ними заговорить. В итоге вообще ничего не происходило. Наркотики меня никогда особо не привлекали, разве что только дунуть с Тони, в то время как Пит, Пенман и Брайан торчали на чем попало, не успевая приходить в себя. Время от времени я потягивал пивко с Тони или со стариком, но алкашка меня не вставляла, да и напиваться мне не хотелось. Спиртное я воспринимал как наркотик для плебеев, которых я презирал. Таким образом, я пришел к выводу, что наилучшая для меня возможность покайфовать с толком – это затусоваться с кэжуалсами. Еще в детстве я ходил на несколько матчей «Хибз» с Тони и папашей, но мне это быстро надоело, футбол казался мне скучной игрой. Кроме того, я отождествлял его с собственной неполноценностью – недостатком координации вследствие хромоты – подарка Уинстона П. Короче, Дикси и Уилли уже вписались в бэйби крью, и я стал с интересом прислушиваться к их рассказам.

Но все это чепуха.

Надо УГЛУБЛЯТЬСЯ.

9. Молящийся богомол

Сэнди с жадностью, мощно вдыхая, тянул свой косячок. Мы ехали на старом, потрепанном джипе Доусона в сторону Изумрудного леса. Я был за рулем, наблюдая, как с приближением зеленых холмов, покрытых буйной растительностью, заканчивается темный урбанистический пейзаж сырого, грязного поселка Джамбола парка. В нашем поле зрения оказались две молодые женщины, они стояли на обочине и голосовали: одна – блондинка, чьи медового оттенка волосы целыми прядями выпцвели на солнце, была чуть полновата, но очень симпатичная. У другой были темные волнистые волосы, красивые миндалевидные глаза и изящные пухлые губки. Она была великолепна.

– Стой! – крикнул Сэнди, кивая на девушек. Я прибавил газу.

– Это же шлюхи! Гребаные шлюхи! Не хватало нам еще тащить за собой всяких мандовох, чтобы все испортить, – огрызнулся я, подивившись словам, которые выскакивали у меня изо рта.

Что это за хуйня?

– А могли бы легко... – простонал Сэнди.

– Потрахаться еще будет масса возможностей... То есть у нас еще будет возможность наслаждаться обществом привлекательных девушек после того, как мы покончим с нашими делами, – сказал я. Непонятно почему, эти женщины вызывали у меня отвращение, у меня аж мурашки пошли по коже от этих шлюх. Стоят, блин, голосуют, надо бы их...

Нет.

Здесь я не делаю того, что делал там; я пытаюсь стать лучше, стараюсь поступать правильно, я хочу во всем разобраться.

Сэнди совсем не рад, он разозлился как следует, что я не остановился. Он начинает что-то лепетать в сторону, и его сетования внезапно приобретают более абстрактный, отвлеченный характер.

– Справедливость, – вежливо заметил он, – не относится к тем благам, которыми мы пользуемся постоянно. Да, мы боремся за справедливость, но, похоже, таков жалкий жребий нашего презренного рода – она упорно от нас ускользает.

Я не стал отвечать: совсем недавно мы уже говорили об этом. Добравшись до городка, мы зашли в бар, где по телевизору показывали ужасные кадры – снимали детей, умирающих от голода. Это была какая-то засуха, или война, или еще что-то. Насколько я понял, Сэнди задело это зрелище, потому что он выступил с точно такой же фразой по поводу справедливости.

– Да, Сэнди, – согласился я, – несчастные изголодавшиеся дети – зрелище невыносимое, как ни крути.

– Я на самом деле думал об одном печально известном эпизоде игры рукой на матче между Эйрдрии и Данферм-лайн, в полуфинале Кубка Лиги, в Тайнкастле, в 1991 году, когда судья принял весьма спорное решение...

Вот что он сказал тогда. Теперь он говорит то же самое, вешает мне на уши все ту же лапшу. Я тряхнул головой. Зачем он заговорил об этом? Я начинаю терять самообладание, меня уже клинит нехуево.

– Кажется, я уже слышал эту историю, Сэнди...

Я не собирался терпеть подобное от мудилы, который даже не настоящий, а так, мною же созданный персонаж, в котором слегка задействована схема типичного футболиста. Все вокруг не настоящие, но все это существует. Чтобы определить границы реальности, у меня есть только собственное восприятие, которое здесь, при моем бессознательном состоянии, восприятие настолько живое, что заменяет мне все органы чувств.

Сэнди надулся; мы остановились в отдаленной деревушке, чтобы поссать и выпить приготовленного на костре чаю, после чего за руль сел Сэнди. По другую сторону Зеленого холма раскинулся парк Изумрудный лес. Я стал листать МОЛОДЕЖЬ В АЗИИ – книжку, подаренную Доусоном. Беглого взгляда было достаточно, чтобы распознать в этом издании глубоко философский труд, в котором автор пытается найти пути самоизбавления.

Хоть это далеко не легкое чтение, как раз такая книга мне и нужна; рекомендую всем, кто сталкивался с практическими вопросами выработки собственной линии поведения, на которые неизбежно наткнешься после того, как побалуешь себя философскими размышлениями.

На каком этапе мы переводим нашу энергию с анализа на конкретные действия в стремлении что-то изменить? Это необходимо нам, чтобы поднять

поднимаюсь

поднимаюсь

поднимаюсь

поднимаюсь

поднимаюсь

Здорово, сынок.

Что это...

Сэнди...

– Ты стал лучше выглядеть, смотряка, Вет, а?

– Нуда, точно.

Пришел отец. Джон Стрэнг. Мама тоже вроде бы здесь. Верити Стрэнг, урожденная Портоус. Я начинаю вспоминать.

Игра.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Я чувствую, как солнце светит мне в лицо и вижу, что Сэнди улыбается мне. У меня к нему возникает удивительное, близкое к эйфории, теплое чувство, будто мы оба съели по таблетке экстази и весь мир остановился и кончился на позитивной силе любви, которую мы чувствуем внутри и вокруг наших тел. Мы обнялись.

После долгого молчания я говорю:

– Прости меня, Сэнди. Я просто немного растерялся.

– Джип довольно... э... дерьмовый, вот что, – говорит он, меняя тему, чтобы рассеять мое смущение. Мы разнимаем свои объятия.

Я делаю шаг назад, и на мои органы восприятия обрушивается целый калейдоскоп образов, среди которых я вижу собственный кулак, бьющий по искаженному, гуттаперчивому лицу какого-то пидораса... это Бернард... нет... это Гордон, его сладкое, тошнотворное дыхание щекочет мне ухо, и хребет у меня трясется... что за на хуй.

Соберись: возьми себя в руки, мать твою.

Лучше.

Уже лучше.

Я замечаю, что мы уже не в джипе, а лежим в одном исподнем на берегу озера. Я с завистью глянул на мускулистые, натренированные ноги футболиста Джеймисона. Все это время охоты на Марабу я обходился с ним не лучшим образом; да и первоначальный импульс уже сошел на нет.

Сэнди смотрит на солнце и произносит:

– Не было там никакого пенальти, – я наконец-то понял, о чем он говорит. Вместо того чтобы довериться себе, поверить в свою способность реагировать на происходящее с достоинством и состраданием, я все пытался срежиссировать события в своем мирке, хотел полностью контролировать ситуацию. А что если оба моих мира сближаются? Может быть, таким образом я подберусь поближе к Марабу. Я не стал обрубить Сэнди, а наоборот, решил ему подыграть.

– Я склонен согласиться с тобой, Сэнди, – говорю я. Он тычет себя в голую грудь.

– Все ведь зафиксировано на пленку. Каждый Божий день я проклиная это решение, Рой. Этот удар разрушил мои планы на медаль, вычеркнул меня из списка рекордсменов, лишил меня места в пантеоне бессмертных футболистов. Не было у них права так поступить со мной. – Он задыхался от гнева. – Кто дал ему право? Ни у кого нет такого права... – По загорелым щекам Сэнди катились слезы.

Ни у кого нет такого права.

Где я это видел?

Где я это видел? Я забеспокоился и пустился в нервные разглагольствования:

– Да ладно тебе, Сэнди, такого рода проколы – неотъемлемая часть игры. Да что говорить, взгляни на Шотландский футбол, на его безрадостное положение забытого сектанта: масонство, фанатизм, второстепенность, отсталость – вот его основные черты. Мы же говорим о Шотландии, ради Бога...

ШОТЛАНДИЯ. НЕТ. МЫ ЖЕ ВРОДЕ В АФРИКЕ, ИЛИ НЕТ, ИЛИ МЫ У МЕНЯ В ГОЛОВЕ, А ЭТО УЖЕ НЕ СТРАНА, НИЧЕГО ПОХОЖЕГО...

С минуту, открыв рот, я смотрю на Джеймисона, к счастью, он слишком погружен в себя, чтобы заметить мою оплошность.

– Сэнди, подумай, ведь его можно простить, человеку свойственно ошибаться. Может быть, он просто оступился.

Сэнди задумался, после чего повернулся ко мне, как будто в состоянии шока.

– ...Оступился? – повторил он.

– Да, Сэнди, человеку свойственно ошибаться. Сэнди взглянул на меня, глаза просветлели, лицо озарила улыбка.

– Ну да! Конечно же, просто дурацкое недоразумение! Это же всего лишь игра – футбол: двадцать два придурка-переростка гоняют по полю мяч. Ничего страшного.

страшного

поднимаюсь

Единственного удара Дарена Джексона оказалось достаточно, чтобы «Нет Хибз» очередной раз прошли в финал Кубка Лиги, где они встретятся с «Рэйнджерс»...

– Вот что я поставлю нашему мальчику, про футбол ему сейчас неинтересно. Это мама.
– Да откуда тебе-то знать, Вет. Я тебя спрашиваю! Откуда ты знаешь, что ему интересно?
Как насчет пошалить-лечь-лечь,
Порезвиться, резвиться-виться?
Я могу показать тебе класс...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

теперь мы с Сэнди пьем коктейли в баре, находящемся в городе, возможно, это Найроби или какой-то другой африканский город, недостаточно красивый, чтобы быть Кейптауном; все плохо – эти две шлюхи, которых мы встретили, сидят тут же, а Сэнди заискивает перед ними и говорит:

– Могу ли я купить дамам выпить? Шлюхи сверкают на нас хищными улыбками. Я вмешиваюсь в разговор:

– Нет уж, шлюхи идут на хуй. Мы вдвоем отдыхаем, понятно? И не хотим, чтобы вы испортили нам приключения, помешали выполнению задания, отравили все веселье! Без баб! Только пацаны, пацаны, пацаны!

Я воплю на них, как разъяренная баба. Боюсь, что опозорился на весь бар, однако это выбило дамочек из колеи; сбросив личину, они оказались гигантскими богомолами в париках, одна в светлом, другая в темно-рыжем; по смертоносным, похожим на клещи челюстям насекомых размазана помада.

– Смотри, Сэнди, ты только взгляни на них, – улыбаюсь я, оправданный триумфатор. – Смотри, кто они есть на самом деле, эти шлюхи гребаные!

Сэнди отвернулся и улыбается белому, седому как лунь бармену.

– Эти так называемые «дамы», их компания нам ни к чему. – Он кивнул ему, подмигнул, после чего бармен вытащил из-под стойки бейсбольную биту.

– Вон! Проваливайте отсюда! – заорал он на насекомых. Послышалось какое-то механическое жужжание, и они неуклюже попятились к выходу. Дверь осталась открытой нараспашку. Нам видно, как по тротуару идут прохожие.

Я просто восхищен Джеймисоном, тем, как он повел себя в очевидно трудных обстоятельствах. Какое-то время я раздумываю, не сообщить ли ему об этом, и в итоге решаю: черт с ним, конечно, я скажу ему, и в этот момент вижу, как мимо паба, вперевалку и прихрамывая, семенит нечто неуклюжее.

Сэнди тоже это заметил. Он отставляет стакан. – Живо, Рой! Это же наш гребанный Марабу! Мы вылетаем из бара и бросаемся в погоню за тварью, которая, пробежав по улице, сворачивает в аллею

но вот я поднимаюсь

сейчас –

сейчас –

наверх

наверх

наверх

– Вот, Вет, это пленка для Роя...

И вот он поет свою любимую:

Из России с любовью

Лечу я к тебе,

Я многое понял

В разлуке с тобою...

КТО-НИБУДЬ, ВЫКЛЮЧИТЕ ЭТО ГОВНО

Поездив по свету,

К тебе возвращаюсь

Из России с любовью.

Помню, как Мэт Монро играл в «Птичьей клетке» в театре на Ферри Роуд. Звезда Мэта к тому времени уже закатилась, но маме с папой очень понравился тот вечер. С тех пор как Мэт сыграл Бонда и отец услышал эту песню, он стал отцовским кумиром, и старик весьма сносно ему подражал.

*улыбался порой ненароком.
но, Боже мой,
Ты повсюду была со мной.
Про себя твоё имя твержу,
Но из гордости я не скажу
О любви, опасаясь в ответ
Услышать твоё краткое «нет».*

– А здорово, правда, Вет?

– Ну да.

– Нам вообще-то пора двигать, а то ведь чай ждёт, да по телику сегодня новая серия Дэвида Аттенброу. Новый Аттенброу, знаешь-понимаешь. Там и про птиц будет. Тайная жизнь сипухи, часть первая. Видишь, что ты пропускаешь, Рой! Есть еще новости для нашего мальчика, а, Вет? Новости есть, говорю?

– Да нет, вроде все в порядке.

– Вот еще какие новости: в этот раз я не стал голосовать за тори на местных выборах, в знак протеста против этого гребаного подушного налога. Притом что протестовать следовало против гребаных лейбористов, которые сидят в горсовете, ведь это они дерут с нас бабки. Я проголосовал за НППШ (Национальная партия Шотландии), и не потому, что я верю в независимость Шотландии. Шотландцы создали империю, а эти придурки англичане не могут ею управлять. Вот такая моя позиция, правильно, Вет?

– Ну да, покуда, Рой.

– Бывай, сынок.

Они выключают магнитофон и уходят, их сменяют сестры, которые переворачивают меня, чтобы поставить клизму. Это делает Патриция Дивайн.

Для кого-то это могло бы стать сексуальной фантазией.

10. Посещения Бернарда

Ко мне в больницу пришел Бернард. Он приходит каждые несколько дней, или недель, или месяцев, я так думаю: в моем положении время не имеет значения. Бернард приходит читать мне свои стихи. Грустный пидор, наконец-то он нашел слушателя, который никуда не сбежит.

В посещениях Бернарда есть только один интересный момент: похоже, он единственный, кто на самом деле верит, что я его слышу. Голоса других звучат напряженно, они говорят через силу, они полны всепоглощающей жалости, они исповедуются и оправдываются. И только Бернард, похоже, чувствует себя свободно. Мы никогда так свободно с ним не общались. Почему он так добр ко мне?

– Помнишь Южную Африку, Рой? Йобанесбург, – он сплевывает. – Как мне там остоебенило! А ты, я помню, подавал надежды. Я тогда еще не раскрылся по-настоящему; тамошние мальчишки – сборище отбросов всех рас и национальностей... но ты, конечно, преуспел там больше моего, – хихикает он. – Тискался по чуланам, как жадный до денег мальчик по вызову.

Э, ЧЁ ТЫ ТАМ ПИЗДИШЬ, ПИДОР ГРЁБАНЫЙ...

– Да-да, я все знал про тебя и Гордона. Бедный старый дядя Гордон! Фашиствующий урод.

Какого хуя...

– Он и со мной пробовал потешиться. Сначала со мной. Ты разочарован, дорогой? Да, я пидор по всем правилам, но уж всяко поразборчивей тебя. То есть вы с бабулей оба вроде гетеросексуалы, так ведь? Я, возможно наивно, полагаю, принимая во внимание твой послужной список, что ты не стал бы лизать ее старую заскорузлую пихву. – Интонация у него, скорее, дразнящая, насмешливая, нежели злая.

ПОШЕЛ ТЫ НА ХУЙ, ГНУСНЫЙ УРОД...

– Вот и я вряд ли стал бы отсасывать у дяди Гордона. А ты сосал, ведь было? Паршивая жизнь, до чего она тебя довела, Рой.

МЫ ЕБАЛИСЬ?.. ДА НЕТ ЖЕ... ОН ДРОЧИЛ, ТОЛЬКО И ВСЕГО...

– Прости, Рой. Я вышел за рамки правил. Так ты помнишь Африку? Я думаю о ней до сих пор. Эти воспоминания вдохновили меня на несколько стихотворений. Помнишь, как Гордон взял нас в Сан Сити на уик-энд?

Да, помню. Короткий перелет из Золотого города до Африканского Вегаса, расположенного на территории формально независимой Бопутацваны. В ЮАР азартные игры, понятное дело, были запрещены.

Увеселительная поездка была подготовлена Гордоном, он взял с собой Джона и Вет с единственной целью: показать свое благосостояние и многочисленные деловые связи, чтобы они прочувствовали свою неполноценность.

Я все отлично помню. Было здорово. Мы остановились в отеле «Каскад» – самом дорогом, самом шикарном в Сан Сити. Как и предполагает название гостиницы, основной темой в ее оформлении была вода. Ее свободное использование позволило создать живописные мини-тропики с богатой растительностью. Мы с Ким постоянно бродили по тропинкам рукотворных джунглей, открывая для себя ручьи, мосты, водопады. Кроме нас, детей там больше не было, и рай этот принадлежал нам одним. Возле озера мы обнаружили полянку. Мы любили посидеть там, воображая, будто все это наше и нам не придется возвращаться домой. Бывало, я вел себя как подонок и доводил Ким до слез, утверждая, что мы вернемся в Муирхаус. Уж лучше бы я так не шутил. Она, как и я, любила Африку. Но эти сады были просто как земля обетованная. На самом деле территория отеля представляла собой Сан Сити в миниатюре. Чтобы создать этот оазис посреди пустыни, потребовались огромные объемы воды. Цветы, поляны, экзотические деревья и бурные ручьи были расположены здесь с большим вкусом и создавали удивительный пейзаж.

Мы чудесно провели время.

– мы с Тони были уже достаточно взрослыми и могли ходить по казино да кабакам с мамой, папой и Гордоном

это был рай

– тошнотворная жадность и жажда наживы, парадный фасад апартеида, развлекательный комплекс, где поселенцы наслаждаются украденными богатствами

ЗАТКНИСЬ ТЫ, ПИДОР, ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК, ТАМ БЫЛО ЧУДЕСНО

– еще ужаснее казино были эти ебанные кабаре. Вам с Ким повезло, вас оставляли в гостинице. А мне приходилось сидеть тише воды на шоу Дорин Стар. Безвкусица и сплошной расизм. Я написал об этом стихи.

О БОЖЕ, ВОТ ОН, СЮРПРИЗ, ВАЛЯЙ.

Он переходит на декламационный шепот:

– Оно называется «Дорин Стар больна раком».

*Ты по телику не видел
Передачку про нее –
Шеле-еле-пустобрехи
И газетное вранье?
Что там только ни покажут,
В основном все сраный треп
И фигня про силу воли –
Бьют мне в темя или в лоб.
То ль певичка, то ль актриска,
Ну, из уличных она:
Мне и дела никакого,
Что, мол, рак у ней, больна...
Из Британии приперлась
И комедию за грош
Для расистов там ломала,
Прям в ЮАРе – ну хорош!
А теперь она вся в раке,
Надо же, какой кошмар!
Но слышал я все те враки,
Что она несла в ЮАР.
Мол, "они спустились с древа,
Форма черепа не та,
Дескать, недочеловеки" –
Вот такая хренота.*

*От неонацистских бредней
Я едва не охуел,
Я расисты эту жвачку
Каждый лопал, как хотел.
Шолько если что посеешь,
Говорят, то и пожнешь:
Если ты стояла раком,
То от рака и помрешь.
Не поможет терапия
Вместе с химией крутой,
Ну а мне какое дело:
Сдохнешь ты – и хуй с тобой.*

– Ну и как тебе стих, Рой?

Он спрашивает, как будто ждет ответа. Он знает, что я его слышу. Бернард в курсе. Бернард.

– В клубе он произвел ебанический бум.

Бернард.

Думаю, это одна из твоих самых удачных попыток.

Часть третья По следу Марабу

11. Кэжуалсы

С Лексо мы познакомились в поезде Глазго-Мотервел. Мы с Дикси и Вилли сидели через проход от основного стола, за которым собрались топ-бои. Это был мой первый выезд с кэжуалсами, и я определенно должен был произвести впечатление.

Дикси и Вилли, поднявшись из baby crew, участвовали уже в нескольких вылазках. Сначала их рассказы нагоняли на меня скуку: они казались неправдоподобными, и я не мог всерьез воспринимать их версии и, тем более, их роль в описываемых событиях, как они ее преподносили. Но все равно – интерес они заронили, и я решил сам посмотреть буйство на домашних матчах, в котором участвуют специально для этого собирающиеся кэжуалсы, лучше всего для этого подходили матчи против Абердина. Так я подсел на адреналин.

И вписался я впервые, когда фирма Абердина приехала к нам на матч огромной толпой. Эти бараны только что выписали Чарли Николаса из «Арсенала», того моталу; атмосфера была напряжена. Они переоценили свои шансы. Я поорал и потолкался немного на Реджент-роуд, но вокруг было слишком много «мусоров», так что попинаться реально возможности не было.

Была среда, унылый вечер. В поезде нас убедили, что на этот раз все будет иначе. Дикси, Вилли и я вели себя как горячие новички-лейтенанты: мы смеялись как психопаты над любой шуткой топ-боев, которые работали на ближних трибунах, и были строги, непричастны и безразличны, когда слово брал кто-нибудь из психов.

Лексо ходил по вагонам и подбадривал банду:

– Смотрите, чтоб никто не обосрался. Помните, кто отступает – тот умирает. Мы самая крутая банда в Европе. Мы никогда не съебываем. Имейте это в виду. Никогда.

Встречи с мотервеловскими кэжуалсами долго ждать не пришлось. Они встретили нас прямо на вокзале, и тут я чуть не обосрался от страха. Не знаю почему, ведь всю жизнь меня окружало скрытое и явное насилие. Однако данная ситуация была для меня новой. Только теперь я понимаю, что любое поведение определяется ситуацией и соответствующим опытом; и больше зависит не от того, кто ты есть, а от того, как ты действуешь, хотя часто мы так до конца и не понимаем ситуацию и не отслеживаем опыт, определивший наше поведение. Помню, я подумал: проглоти страх, почувствуй напор. Так говорил Лексо. Потом я увидел, как худой белобрысый парень, почти альбинос, просто вклинился в толпу мотервелцев, и они сразу пошли на попятный. Я рванул и стал бить, крушить, кусаться. Тот, кого я бил, отвечал мне ударом на удар, но я будто не чувствовал боли; я знал, что противнику больно, потому что глаза его были наполнены страхом, и от этого я получал неземное удо-

вольствие. И вот он уже на земле. Потом, помню, кто-то из наших парней оттащил меня от этого гада и увел с вокзала, когда воздух наполнили полицейские сирены. Я рычал как зверь и все хотел вернуться и вогнать гниду в землю, отправить его к праотцам.

На матче внутри у меня все дрожало от возбуждения. Как и у всех. Любая банальная шутка по поводу махача вызывала приступ истерического, разряжавшего атмосферу смеха. Из игры я ничего не помню. Помню только, как Микки Веир бегал взад-вперед по флангу, тщетно пытаясь показать футбол, а вокруг него носились великаны в красно-желтой форме и подслеповатый судья. Мы продули 1:0. В поезде на обратном пути полиция сопровождала нас до Глазго, а потом и до Эдинбурга. О матче не было сказано ни слова, мы говорили только о махаче.

К нам в купе зашел Лексо. Дикси как покорная овечка поднялся, чтобы уступить ему место рядом со мной, и встал рядом, опершись на стол. Лексо прогнал его, выпалив:

– Куда нос суешь, скотина!

Дикси ушел как побитая собака. В тот раз он неважно показал себя в драке.

– Драчун гребаный, – улыбнулся Лексо и крикнул на весь поезд: – Гоусти! Поди сюда, ебать-колотить!

К нам подошел парень-альбинос, его звали Гоусти. Глядя на него, ни за что не подумаешь, что он – самый крутой боец, но любой сосунок знает его как безумного громилу. В Мотервеле он показал себя. Он начал битву, он вселил в меня уверенность. Никогда я не видел такой быстрой, безжалостной, мощной атаки.

– Как тебя звать, приятель? – спросил он.

– Рой. Рой Стрэнг.

– Стрэнг. Брат у тебя есть?

– Да, Тони Стрэнг.

Он кивнул, как будто припоминая.

– Откуда ты?

– Муирхаус.

– А, дитя окраин? – смеется он.

Я почувствовал, как во мне вскипает злость. Что он о себе думает, этот боец? Я постарался сдержаться. Я знал, кто он такой. Гоусти. Призрак. Я видел его в деле, совсем недолго, так как сам был занят, но достаточно, чтобы понять, – к этому парню я заводиться не стану.

– Мы тут все из Нидри, – он улыбнулся. – Перебирайся в город, вот что. Хватит с тебя этих окраин гребаных. Спутниковые антенны знаешь?

– Ну.

– А как называется децильная коробочка позади антенны?

– Фиг знает.

– Центр, – смеется он. Мне было приятно войти в эту компанию.

Так началась моя деятельность в составе кэжуалсов. Сезон только стартовал, а я уже был знаком с топ-боями.

Взяли меня на Паркхэд – я сломал челюсть одному ссыкуну; кастет я, к счастью, успел скинуть. На играх в Глазго мы придерживались такой стратегии: смешиваемся с толпой, бросаемся на первого встречного, нагоняем страху на всех. Организованность и кураж – вот все, что для этого нужно. Организовать – значит правильно выбрать время и скоординировать действия. Я намазывал шею одному ебанько, который додумался нацепить на свой шарф кучу значков с изображением Папы и символикой ИРА, но тут рядом со мной нарисовались два мусора. Я побежал, продираясь сквозь толпу, но какой-то пиздюк хитрожопый подставил ногу, я потерял равновесие, рухнул, и меня прижали.

Матушка и батя пиздец как боялись, что дело дойдет до суда.

– Я не хочу, чтоб у тебя были проблемы, Рой. Ты же можешь потерять работу, сынок. Ты вроде как самый здравомыслящий в нашей семье, – мозговал отец. Его позиция была неоднозначна: озабоченность, с одной стороны, и радость, что уроки бокса не прошли даром, – с другой. – Нам, конечно, не следовало сюда возвращаться. Надо было остаться в ЮАР.

– Да ладно, па...

– Ничего не ладно. В ЮАР надо было остаться, знаешь-понимаешь, – он все бубнил. – Я ж те говорю, ты мог работы лишиться. Работа ща на улице не валяется, а тут еще компьютер – машина бುದушего.

– Ну да.

– Да и чего ради? Зачем? Я тебя спрашиваю. Ради банды гребаных кэжуалсов. Да этих пиздюков футбол-то не интересуется. Видел я вас на Восточной дороге – все в дорожных шмотках, на лэйбаках, знаешь-понимаешь.

– Дерьмо все это.

– Конечно, дерьмо, я-то все знаю, читал в «Вечерних новостях». У всех мобилы, и все такое. Вы хотите показать нам, что все это мусор? Я тебя спрашиваю!

– Да дерьмо все это. Чисто дерьмо.

Старик уже не наводил на меня такого страха, как раньше. Он стал грустнее, слабее, смерть брата и конец южно-африканской мечты подкосили его. Он работал охранником в магазине Джона Мензи.

Я продвигался вперед, к самостоятельной жизни. По выходным мы ходили по клубам или на футбол; я уже отфачил нескольких птичек. Причастность к кэжуалсам резко повысила мои шансы на этом фронте, и, хотя я никогда не был доволен своей внешностью, теперь я имел доступ к любой понравившейся мне чувихе. Иногда это были просто уличные девки, но фак есть фак, а после махача – милое дело; к тому же лучше трахаться с такими, чем не трахаться вообще. Это повышает самооценку, что верно, то верно. На работе тоже было все в порядке; днем меня отпускали на занятия в компьютерный колледж Напьер. Мне нравилось устанавливать программы для страховых полисов, для этого требовались мозги, да и платили неплохо. Я был верен своему решению снять квартиру в центре и переехать подальше от семейки. Все дело в том, что я спускал много бабок, в основном на шмотки. Почти все, до последнего гроша, уходило на новый прикид.

На работе стали ходить слухи о моей причастности к кэжуалсам. Тогда у нас было много дел, о нас писали все газеты. Футбольные хулиганы в Шотландии всегда пользовались шумной известностью, но раньше это были отбросы, которые никогда не ходили в церковь, как все остальные, а хуячили друг друга, чтобы установить, чья ветвь христианства предпочтительней. Мы стали сенсацией потому, что от предшественников нас отличали стильность, насилие как самоцель, приличный интеллектуальный уровень.

Мне нравилась моя дурная слава. Приятно было видеть, как все джапеги с работы смотрят на меня с уважением и трепетом. Я сохранял спокойствие. Даже когда супервайзер Джэйн Хэтвэй, эта пронырливая лесбийская корова, пыталась поймать меня на крючок и вслух прочитала колонку происшествия в утренней газете, я сохранял невозмутимое спокойствие. Ни у кого не хватило куража просто подойти ко мне и спросить, правда ли, что я тусуюсь с кэжуалсами. Завеса таинственности доставляла мне еще больше удовольствия, чем дурная слава.

Тусуясь с кэжуалсами, было легко делать бабки, но меня на самом деле интересовал исключительно махач. К тому же меньше риска. Я быстро смекнул, что, пока ты не трогаешь толстосумов или торговцев, преступления против личности копов особенно не волнуют. Как только ты начинаешь вымогать бабки у владельцев пабов, клубов или магазинов, тут-то они начинают шустрить. А уж зону топтать я никак не собирался.

В Пилтон-Хилтон, в отеле «Коммодор», собралась большая вечеринка. Тони женился на телке по имени Ханна. Однажды вечером он привел ее домой и сообщил нам о своем намерении. Она отлично выглядела, несмотря на то, что была заметно брюхата. Они собирались жить у Тони. Ее визит стал для меня сюрпризом – я был уверен, что откуда-то знаю ее.

– Настала и вам пора остепениться, – говорил Джон, поднимая стакан виски. Он налил всем, заявив, что каждый должен сказать тост. – Как ни крути, а все когда-нибудь женятся. Я вот женат и не жалею! – Он подмигнул маме, и она ответила ему приторной улыбочкой.

Бернард стал жеманничать, а Ким разразилась рыданиями. Я сказал просто:

– Хороший выбор, Тони, – хлопнул урода по спине, проглотил мерзкий виски и залил лимонадом.

На свадьбе меня чуть удар не хватил, когда я увидел одну из подружек невесты. Она была в шикарном длинном платье, которое отлично сочеталось с нарядом другой подружки и платьицами малышек, что держат фату. Это была Кобыла, гамильтоновская подстилка. Оказалось, что она сестра Ханны, а значит, моя невестка, типа того.

Я засек ее еще в церкви и за ужином не мог отвести от нее глаз. Я прямо-таки пялился на нее. Нас представили как родственников новобрачных. Их семейство однажды уже навещало нас, но меня не было дома, так что я был не в курсе.

– Ты, значит, Рой.

Сучка, она меня даже не узнала.

Я пялился на нее весь вечер, прямо глаз не отводил. В итоге она ко мне подошла.

– Что-то не так? – спросила она, сев рядом.

– Ты меня так и не вспомнила? – улыбнулся я. Она посмотрела на меня с недоумением и стала гадать,

называя имена. Большинство из них мало о чем мне говорили. Так просто, пацаны из района или из школы, которых я смутно припоминал.

– Ты гуляла со Стюартом Гамильтоном, – напомнил я. Она слегка зарделась, промямлила:

– Да ну, когда это было...

– А он тебя отымел? – спросил я, оглядывая ее сверху донизу. Хорошие у нее титьки.

В ответ она скривила морду и, нахмурившись, из хорошенькой пташки вдруг обернулась уродиной. К тому же она была весьма крепко сбита, значительно крупнее Ханны. Через пару лет она станет жирной свиноматкой. Есть такие телки – все распухают да распухают, прямо никакой меры не знают, тупые коровы.

– Что? – прошептала она.

– Я-то тебя помню. Ты, да Гамильтон, да еще этот Джилкрайст гребаный, вы обчистили меня возле лавки в Муирхаусе.

По ее лицу было видно, что она что-то смутно припоминает.

– Аа... послушай... это ж когда было...

– Это точно. Хуеву тучу лет. Посмотрел бы я на вас, если бы сейчас вы вздумали натворить что-нибудь такое. А где сейчас этот гондон Гамильтон? Я что-то потерял его след.

– Не знаю, я с ним тусовалась по молодости... давным-давно...

– Ты замужем?

– Была.

– Вот оно что, – говорю и продолжаю бархатным голосочком: – Он что, понял, что ты шлюха? Или, может быть, вы с ним на этом поприще и познакомились? Тони тебя уже трахнул? Еще бы, конечно, трахнул.

Ее лицо, казалось повинясь центробежной силе, стягивалось к носу.

– Да ты ебанулся, сынок! – прошипела она. – Иди ты на хуй! – Она встала и пошла прочь. Я лишь улыбнулся. Потом она вернулась, чтобы сказать: – Хоть мы теперь и родственники, я не желаю с тобой разговаривать. Держись от меня подальше. Ебнутый!

– Пшла в пизду, жирная блядь! – фыркнул я вдогонку, упиваясь ее яростью!

Я тормозил ее весь вечер. Мне это очень нравилось. Всякий раз, проходя мимо, я шептал ей на ухо:

– Шлюха.

Однажды она не выдержала и повернулась ко мне лицом.

– Ты хочешь испортить моей сестре праздник, убудок? – прошипела она. – Если ты не отъебешься, я все расскажу Тони!

– Отлично, – улыбнулся я. – Давай. Это избавит меня от необходимости рассказать ему, что его невестка – грёбаная подстилка... Бенни! – крикнул я проходившему мимо дяде Бенни, брату моей матери. Кобыла отвалила.

– Надеюсь, я не лишил тебя шанса, а? – спросил Бенни, поднимая бровь. – Солидный вариант.

– Да нет, что ты. Хорошо, что ты подошел. Она ж ложится под каждого встречного-поперечного – ведро со свистом пролетит, – я засмеялся. Бенни подхватил.

Чуть позже я заметил, что глаза у тупой коровы уже на мокром месте – разревелась. Сразу после этого она ушла еще с одной сикой. Я подошел к молодоженам и доставил себе удовольствие, потанцевав с прекрасной невестой. Затем я подвел ее обратно к блестящему жениху и чмокнул в щеку.

– Везунчик ты, Тони.

– Знаю, – улыбнулся он.

– Да, Ханна, шикарный вечер, – добавил я. – Для нас большая честь породниться с вашим семейством.

– Да, только вот жалко, Сильвия...

– Твоя сестра, что с ней? – спросил я, изображая озабоченность.

– Она ушла. Неважно себя чувствует.

– Какая жалость!

Свадьба мне понравилась. Папа нарылся и вломил одному придурку, который, как оказалось, пытался проповедовать ему социализм. Это был единственный неприятный инцидент. Кроме того, я застучал Ким – она обнималась с каким-то мудилой в коридоре.

– Только не говори никому, ладно, Рой? – попросила она, на самом деле надеясь, что я растрюблю всему свету, что у нее объявился парень. Бернард слился пораньше, наверняка чтобы побаловать себя жопным разгулом. Я в итоге нарылся с дядей Бенни и обоими Джеки.

Неплохая ночка. Кобылу я больше никогда не видел, хоть и справлялся о ней регулярно.

Даже когда Тони съехал, дома все равно было тесно. У Ким была своя комната, а я жил с Бернардом. Жить с гомиком – доля незавидная. Иногда он уезжал на время, но всегда возвращался. Почему? Фиг знает. Я так и не понял, как он так долго продержался, почему не уходил. Почему я там жил, я сам до сих пор не понял.

Бернард постоянно меня обламывал. Я-то считал себя крутым пацаном, а брат у меня, пиздец, – мимо кассы. Меня блевать тянуло, когда он, бормоча и пришепетывая, декламировал свои стихи. Он всегда читал маме, ее это ужасно смущало, но в школе Бернарда как-то называли одаренным, и вот она мужественно держалась и всегда поддерживала его. Это было давным-давно, еще в начальных классах, с тех пор он ни хера не делал, только и знал, что задницу подставлять. Он работал в баре для «голубых» в центре города, продавал с лотка бижутерию на Инглистон-маркет.

Встав в позу, он читал свои гребаные вирши мокропискам, которые, похоже, не прочь были бы его трахнуть:

То, что зовется жизнью, нераздельно,
Хоть состоит из множества частей:
Кирпич за кирпичом, ложась в постройку,
Рождают вместе совершенство дома,
Но ни один из них в отдельности – не дом.

И осуждать меня за сексуальность
Не менее нелепо, чем слагать
Из хаоса посланий на кассете,
Когда забарахлит автоответчик
Сомнительно отчетливую речь.
Avanti! – голос итальянской крови
Слышнее всех других во мне звучит.

Такой вот бред, порцию которого мы, бывало, получали после воскресного обеда, когда старик уходил в пивную. Мама готовила что-нибудь типа риса кари и на край тарелки всегда клала чипсы, траву да пару овощей.

Однажды, когда Тони с Ханной пришли к нам в воскресенье, я, как будто невзначай, спросил о ее сестре, Сильвии, то есть Кобыле. Тут отец поразил меня, заявив:

– Похоже, Рой положил глаз на твою сестренку, Ханна. Ты уже не первый раз о ней спрашиваешь, да-да, знаешь-понимаешь, ты ею уже интересовался.

– Вряд ли, – отрезал я. Не то чтобы я стеснялся, нет, я действительно не мог вспомнить, чтоб я говорил о ней в их присутствии.

– Да уж спрашивал, не отпирайся, знаешь-понимаешь, – поддразнивал папа, и челюсть его оттягивалась книзу, как у Мистера Фантастик. Он улыбался все шире и шире, зубы его оголялись, отчего он стал похож на Чужого из одноименного фильма.

А ведь в Муирхаусе твоего крика никто не услышит... услышать-то услышат, да только всем по хуй.

Это безумное выражение сохранялось на его лице, и я почувствовал, как краснею, чем вызвал взрыв еще более бурного веселья.

– Ну и смех, – осклабился Тони.

– Не говори, – огрызнулся я.

Комната заполнилась хохотом, визгливый голос Ким с усилием перекрывал остальные.

В голове у меня застучало, пульс участился. Сильный запах пищи ударил в нос. Да я же Рой Стрэнг, мать вашу. Я, бля... Глубоко вздохнув, я привел себя в порядок.

– Он покраснел как свекла. Как свекла, знаешь-понимаешь, – смеялся старик, тыкая вилкой в пространство.

– Ты женишься следом за Тони, Рой – сказала Ким в своей пошлой, гнусавой манере, – я-то еще

замуж не собираюсь, это точно...

Ее тошнотворный комментарий привел к желаемому результату – разговор зашел о ее личной жизни. Наверное, мне стоило поблагодарить Ким. Я решил не вспоминать больше о Кобыле. Я проявил слабость и серьезно нарушил, хоть и не преднамеренно, одно из основных правил: ничего никому ни о чем не болтать.

Когда у них родился малыш, Тони стал проводить у нас еще больше времени, чем раньше. На воскресный ужин он почему-то стал приходить один. Наверное, Ханна с ребенком отправлялась к своим родителям. Не думаю, чтобы Тони нравилась ее семья, но у меня так и не хватило куража спросить, что он думает о Кобыле. Об этом не могло быть и речи. Он ее трахнул, в этом я не сомневался, или уж во всяком случае попытался. Зная Тони, я не мог представить, чтобы он не предпринял попытки ее трахнуть, равно как сложно предположить, что Кобыла ему не дала.

Тони сидел в кресле, изредка отрывая взгляд от телевизора, Бернард шепелявил свои поэмы. Он посмотрел и сказал насмешливо, открывая банку пива:

– Поэзия-шмоэзия. – Тони просматривал репортаж о матче «Данди Юнайтед» – «Джонстоун» по каналу «Скотспорт». Комментатор утверждал, что в игре было мало интересных моментов.

– Что ты понимаешь, сынок, – зажеманничал Бернард.

– Я понимаю, чего твоим стихам не хватает... – улыбнулся Тони.

– Так ты теперь мировой спец по поэзии, верно, Тони? Скажи, пожалуйста, откуда у тебя такие познания? Ты разбираешься во всем на свете. Перед нами – просвещенная личность, человек эпохи Возрождения. Он равно хорошо играет как в дартс, так и в пул au fait, – не без иронии шипел Бернард, и тут я услышал, как в замке повернулся ключ. Джон вернулся из пивнухи раньше обычного.

– Я разбираюсь, что дерьмо, а что нет. Твои стихи дерьмом не назовешь – это правда. Их можно было бы назвать дерьмовыми, если б они были в два раза лучше.

Вошел Джон, сел и стал хлопать себя по ляжкам.

– Тут-то он тебя и поймал, знаешь-понимаешь. Ха-ха-ха. На словах нашего Тони не объегоришь, так-то вот.

– Я не хочу быть втянутым в словесную, перепалку с недоумками, – надменно произнес Бернард, обалдев от чувства собственного превосходства. Я подумал, что ему нравится это представление, и почувствовал приступ восхищения, однако быстро подавил его, напомнив себе, что есть Бернард, а именно – большое животное.

– Здрасьте! – заорал Джон. – Ты кого это недоумками называешь? Я тебя спрашиваю! ЛУЧШЕ НАЙДИ СЕБЕ НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ КОРЯБАТЬ ЭТУ ПИДОРСКУЮ ГАЛИМАТЬЮ, КОТОРАЯ НА ХУЙ НИКОМУ НЕ НУЖНА!

Громко хлопнула входная дверь.

– Джон! Тони! – застонала Вет. – Что вы на него все время набрасываетесь? Отвяжитесь вы от него. Во всяком случае своими стихами он никому не приносит вреда.

Не то что некоторые, не буду называть кто, – и она посмотрела на меня, недовольно надув губы.

– И как это прикажите понимать? – спросил я.

– Сам знаешь. Проклятые кэжуалсы! Они доведут тебя до тюрьмы. А ведь у тебя есть работа – компьютеры – машины будущего.

– Ты права, Вет! Это точно! – затыкал Джон. – Грёбанные кэжуалсы! Получил такое место, а водишься с гребаными уродами. Правильно мать говорит, компьютеры – дело будущего. Тебе надо собраться с мыслями, сынок, да-да, собраться с мыслями, знаешь-понимаешь.

Я бросил на него холодный взгляд.

– Знаешь, чем я занимался на работе последние полгода? Я установил программу, которая автоматически вызывает файлы, когда служащий достигает пенсионного возраста: мужчины в шестьдесят пять, женщины в шестьдесят лет. Работы на неделю. Последние шесть месяцев я пытаюсь научить пустоголовых мудил работать с этой простейшей программой. Это примерно как сходить в туалет, поспать, не забыв при этом сначала снять штаны, а потом подтереть задницу.

Благоговение, которое испытывают люди к компьютерам, ни хера в них не понимая, вызывает во мне отвращение. Так или иначе, работа стала для меня убежищем, там я мог на время забыть о семье и о кэжуалсах, которые уже стали моей второй семьей, и все такое. Я мог установить что угодно. Это было круто, у меня все легко получалось. Я устанавливал программу, а какой-нибудь холёный кекс, получавший в три раза больше, присваивал себе все заслуги; но меня это не задевало. А вот

обучать пустоголовых дебилов работать в системе – не для меня, я прямо из штанов выпрыгивал.

– Но все ж-таки это работа! И за нее хорошо платят! И не говори, что ты не откладываешь в кубышку, на черный день.

– Что ты, Джон. Так нечестно. Парень сам зарабатывает, сам распоряжается деньгами.

В этом вопросе он нетвердо стоял на ногах – старый пень постоянно выманивал у меня бабки на сигареты, на выпивку.

– Ну да, и то верно. А этот ублюдок Бернард – о чем тут говорить, пидор гребаный.

– Да просто стыд-позор, – сказал Тони.

– Это же неестественно, знаешь-понимаешь, ни хера неестественно! Вы же не станете говорить, что для мужчины естественно заниматься сексом с другим мужчиной? – Джон оглядел нас всех, и остановился на Вет.

– Естественно – неестественно, – возразил я, пожимая плечами, скорее чтобы поддержать маму, нежели защитить Бернарда, ради которого я бы и пальцем не пошевелил.

– Конечно, в нем нет моей крови, – сказал Джон.

Ах, ты, хитрая жопа! Элджин до сих пор в ИНТЕРНАТЕ ДЖОРДЖИ ВЕНТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ, я путаюсь с кэжуалсами, Ким уже несколько лет не может перейти в следующий класс и сейчас работает в булочной; прибавьте к этому нашу внешность посетителей комнаты кривых зеркал, и при этом у него еще хватает наглости считать себя едва ли не родоначальником высшей расы.

– От тебя такой же мог получиться.

– Это что еще такое? А? Я тебя спрашиваю? Что ты имеешь в виду?

– Папашу твоего сраного, вот кого я имею в виду! Это было его больное место. Его старика задвинули за связь с малолетними пацанятами. Никто не осмеливался говорить об этом.

– А что с моим папашей...

– Он тоже туда метил.

– МОЙ ОТЕЦ НИКУДА НЕ МЕТИЛ! МОЙ ОТЕЦ БЫЛ НЕ В СЕБЕ! – Он замахнулся на мать, а мы с Тони пытались удержать его. Я уж и позабыл, на что способен Джон, и он вырубил меня локтем в нос. Боль была непереносимой, слезы залили глаза. В одно мгновение он уложил Тони на пол и держал его за волосы, угрожая запинать его ногами.

– Не надо, папа! – закричал я, пытаюсь остановить кровь, слезы, сопли, заливавшие мне лицо.

Он отпустил Тони и погнался за мамой на кухню. Она схватила кухонный нож и заорала:

– АГА! ПОДХОДИ МУДИЛА ГРЕБАНЫЙ, Я УБЬЮ ТЕБЯ НА ХУИ!

Я побежал наверх, в их комнату, и вытащил из-под кровати дробовик. Я думал спуститься вниз и встать супротив отца с оружием в руках, но у него хватило бы дури попытаться разоружить меня, и тогда одному из нас настал бы пиздец. Я заперся с ружьем в туалете и не выходил, пока все не затихло.

Я услышал, как хлопнула входная дверь. Положив дробовик на место, я спустился и застал Тони одного.

– Мама с Джоном пошли в пивнуху. Сладкая парочка – как ни в чем не бывало. Ты пойдешь? – спросил Тони, вырубая телик.

Пойду ли я? Нет, я погружался. В глубокую жопу.

Я погружался в кошмары с аистом Марабу.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

мы с Джеймисоном идем по узкой аллее, идем на гнусную вонь, исходящую от разлагающегося трупа отвратительной птицы. На темной аллее странно-холодно. В тени, меж зловонных мусорных куч, слышно какое-то движение. Само зло притаилось там.

– Выходи, зловредная тварь, гнусное чудовище! – кричит Сэнди в темноту. – Думаешь, у тебя получится нас обыграть?

– Ни хера у тебя не выйдет, Джонни Марабу! – зашипел я. – Мы с Сэнди знаем о твоих гнусных планах. Мы знаем, что ты хочешь уничтожить цвет, звук, веселье и радость, сопутствующие...

Слова застревают у меня в горле, когда крупная хищная птица выходит из тени.

Сэнди подался вперед, а я стою как вкопанный. На щеке я чувствую что-то мокрое и холодное. Пахнет духами, фу ты

а

а

а

что за на хуй

– Я знаю ты почувствовал это, Рой.

Мой маленький спящий принц...

корова бешеная, опять приперлась...

– Уверена, ты почувствовал, ты ощутил мой поцелуй.

Патриция. Блядь. Нашла себе игрушку, мандавоха.

– Знаешь, что я об этом думаю, Рой Стрэнг? Я думаю, тебе необходимо почувствовать, что ты кому-то нужен, что тебя любят. Впусти меня, Рой. Впусти всех нас. Ты окружен любовью, Рой. Твоя семья, твои друзья. Впусти нас.

ПОШЛА ТЫ НА ХУЙ, МАНДАВОХА!

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

но не слишком глубоко.

Чтоб не оказаться опять на грёбаной аллее лицом к лицу с Марабу. Рано еще. А пока... в тот вечер я не пошел с Тони в паб вслед за папой и мамой. Я спокойно сидел, наслаждаясь редким ощущением, что дом предоставлен мне одному. У меня было время подумать.

На работе у меня возникли небольшие проблемы. Эта корова Хэтэвэй стала выступать по поводу моих связей с кэжуалсами. Меня повязали и оштрафовали за участие в небольшом, на мой взгляд, махаче, который газеты окрестили «уличными беспорядками». Хэтэвэй вызвала меня в кабинет Колина Спроула.

Спроул был нервным парнем с измученным видом. Когда я пришел устраиваться на работу, именно он проводил со мной интервью. Он всегда проявлял себя как справедливый чел. То, что Хэтэвэй заставила его устроить этот цирк уродов, было яснее ясного.

– Мм... здравствуй, Рой. Мы тут с Джэйн хотели переговорить с тобой.

Хэтэвэй фальшиво улыбнулась, оскалившись, как перед фотокамерой. Я кивнул.

– Ты отличный работник, – начал Спроул, – первоклассный специалист, – он просиял едва не благоговейной улыбкой и недоверчиво покачал головой: – Я до сих пор не пойму, как тебе удалось внедрить это оповещение с перекрестной географической ссылкой в систему SS 3001. Это было гениально.

Я залился краской, ощутив прилив благодарности и одновременно возмущения, и уже собирался что-то сказать, как вдруг увидел лицо Хэтэвэй. Она была в ярости и едва себя сдерживала.

– Да, неплохая работа, – живо сказала она, – но я уверена, что Рой помнит о той неоценимой поддержке и помощи, которую ему оказал весь коллектив.

Вранье. Программу я разрабатывал один. Но я промолчал.

– Ну да, конечно, – кивнул Спроул. Лицо Хэтэвэй приняло лукавое выражение.

– Видите ли, мы хотим, чтобы наши служащие преуспевали в «Скотиш Спинстерс», развивались вместе с нами. Вы ведь понимаете, не так ли, Рой?

– Ну да, – отвечаю. Спроул добродушно улыбнулся:

– Нашей организации уже много лет, и мы придерживаемся старых принципов, в чем-то мы консервативны... может быть, даже слишком... – он посмотрел на Хэтэвэй, ища поддержки, но она лишь бросила гневный, осуждающий взгляд, –...но между тем... – он нервно закашлялся, –...между тем ты превосходно выполняешь свои обязанности. Чем ты занимаешься вне этого здания, в нерабочее время, – это твое личное дело... однако...

Хэтэвэй зловеще улыбнулась:

– До нашего сведения дошло, что ты являешься членом банды футбольных хулиганов.

– Да ну? – удивился я. Банда футбольных хулиганов. Ах ты, жирная лесба, дура, мать твою.

– Мы не хотим тебя ни в чем обвинять, Рой. Просто вокруг тебя распространяются всякие слухи, слухи, которые могут пагубно повлиять на твою будущую карьеру, – сказал Спроул.

– Ну да, я иногда хожу на футбол. Но я никогда ни во что не ввязываюсь.

– Рой, – угрожающе заговорила Хэтэвэй, – о вас пишут в газетах: вы сломали человеку челюсть. Я бросил на нее усталый взгляд и понимающе качал головой:

– Меня уже достали эти сплетни. Да, мы с друзьями поехали в Глазго на футбол. Болельщики,

бывает, грубо себя ведут; какие-то пьяные стали плевать в нас, услышав наш эдинбургский говор. Мы просто отошли, но один из них пошел за нами и стал бить меня. Защищаясь, я резко ударил его. К сожалению, полицейский стал свидетелем только этой части происшествия. Ничего удивительного в том, что стрэтклайдская полиция предпочла версию местного жителя показаниям эдинбуржца. Однако я считал, что мои сослуживцы будут более расположены интерпретировать это сомнительное происшествие в мою пользу.

У Спроула загорелись глаза, а губы растянулись в довольной ухмылке. Хэтэвэй выглядела подавленно. Она хотела, чтобы старый, прожженный гопник Рой Стрэнг сам вышиб из-под себя табуретку, ан нет, – я не собирался доставлять ей такое удовольствие.

На следующей неделе меня повязали в Мидлсбурге на матче английской второй лиги. Мы приехали туда немного пошалить. На матче «Хибс» – «Сэйнт Джонстоун» ничего интересного не произошло. Наша банда легко бы справилась с этими ананюгами из фирмы «Фэир-сити». Мы поехали на Юг просто поразмяться, разворотили какой-то паб, я покоцал одного мудака.

Помню, Лексо говорит бармену:

– Восемь Беке, приятель. – И тут он заметил, что к пабу подкатил целый автобус скарферов. – Нет, пусть будет Гролш, – сказал он и подмигнул мне. – Бутылки потяжелее будут.

Потяжелее – спору нет.

Слава Богу, это не попало в шотландские газеты. Что ж, похоже, все улажено. Все прошло как надо, думал я, наслаждаясь одиночеством, пиная Уинстона II.

– Я не какой-то там мальчиш-плохиш, правда, Уинстон? Нет! Рой хороший мальчик, паинька, он компьютеры починяет. – За окном громыхнул фейерверк. Уинстон II заскулил и забился под сервант. Был канун Дня Гая Фокса. Уинстон не переносил фейерверков. Над этим стоит поразмыслить. Меня не оставляло желание порешить этого сучьего пса, я хотел расправиться с ним как можно скорее.

Вечером мама, папа и Тони приперлись на рогах. Ким пришла позже: вниз по шее багровые следы засосов, выражение лица еще более бессмысленное, чем обычно.

– Надо было принести ему чипсов, он, видать, проголодался, – пошутил Тони.

Она смущенно прикрыла шею и улыбнулась:

– Ах, это? Вы заметили? Неужели так видно?

Отец был сердит, но ничего не сказал. Он сжал подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев. Когда Ким пошла спать, он сказал Вет:

– Ты должна поговорить с этой девицей. Она ведет себя как шлюха, знаешь-понимаешь, поблядушка...

– Да не будь ты дураком, Джон, Господи, она ж просто молодая.

Потом мама пошла спать, оставив нас с Джоном и Тони в гостиной. Джон растроганно посмотрел на нас, казалось, он готов заплакать.

– Вот это женщина, ебать-колотить. Ваша мать, – он показал пальцем на меня, потом на Тони, – ваша мать. Великая женщина, лучше на земле не сыщешь. – Он заговорил громче: – Помните об этом! Чем бы вы ни занимались, вы всегда должны относиться к ней с уважением, вот именно, с уважением. Ведь лучшей женщины вы не встретите за всю свою гребаную жизнь, ебать-колотить! Вот какая у вас мать!

– Да, пап, мама у нас что надо, – хмуро подтвердил я, а Тони поддакнул:

– Так и есть, Джон, лучше мамы не найти.

Отец встал и подошел к окну. Голос стал надрывным, интонации издевательскими, когда, высунувшись наружу чуть не по пояс, он заорал:

– Я знаю, за кого нас тут держат! Суки! Знаю я этих мудил. А сами-то кто? Я вам скажу, ебать-колотить, кто вы такие! Мусор! Чмо голимые! Говна вы не стоите! – понесло папу.

Его всегда клинило на соседей, он дошел до того, что стал собирать досье на жителей нашего дома и дома напротив. Он даже купил себе компьютер у одного приятеля из «Командора» и заставил меня научить его создавать и хранить файлы на соседей. У меня не было желания поощрять его параноидальные затеи, но отказ в сотрудничестве повлек бы за собой большой скандал. Отец следил за соседями, как они приходят-уходят, и записывал их *modus operandii* в свои файлы. Некоторые из них со временем стали весьма подробными.

Иногда я любил приколоться их посмотреть:

15/5 Брауны

Отец: Артур

Мать: Францес

Дети: Морин (10 годков) и Стефан (6 годков)

Артур работает на почтамте. Вроде неплохой мужик. Францес вроде как милая женщина, чистая. Их детки всегда опрятно одеты. Артур иногда играет в дартс в баре «Дукат».

Вердикт: приличные люди; реальной угрозы безопасности не представляют.

15/6 Семья Пирсон

Отец: Алан (больше здесь не живет)

Мать: «Жирная корова» Мэгги

Дети: Дебби (16), Джилиан (14), Донна (11)

Эта жирная, тупая корова хочет заграбастать себе всю сушилку. Грязная сучка, она выкидывает мусор без мешка, прямо в мусоропровод, на чем была дважды поймана с поличным. Невежа с нечистым ртом. Чуть что – сразу звонит в полицию. Алан Пирсон – вор. Продал Джеки компакт-диски, а они не фурычат. Ему еще повезло, что успел унести ноги. Дебби – бесстыдная девка, с таким же ртом, как у матери. Настоящая шлюха, из тех, что кончат жизнь в придорожной канаве. Ким сказано держаться от нее подальше. Средняя идет по ее стопам. Малютка симпатичная, но за ней нужен присмотр, иначе из нее выйдет то же самое.

Вердикт: отбросы общества. Максимальная угроза безопасности, повторяю, максимальная угроза безопасности.

Хотя поведение отца очевидно было нездоровым, когда у него появился компьютер, он вроде бы немного успокоился; свою деструктивную энергию он тратил на сбор сведений и поддержание записей в порядке. Однако в эту ночь он был пьян и на взводе. Я сидел и вспоминал, как мама пела песенку из фильмов про Бонда «Никто не сравнится с тобой»:

Теперь, словно синее небо,

Следопыт мой, в этой ночи

Храня мои тайны, молчи.

Тони поднял бровь и посмотрел на меня – отец стал ходить взад-вперед по комнате как тигр в клетке, бормоча сквозь одышку проклятия. Когда, казалось, что он уже вот-вот успокоится, Джон подскочил к окну, открыл его настежь, и заорал в темноту:

– ДЖОН СТРЭНГ – МОЕ ИМЯ! ЕБАЛ Я ВАС ВСЕХ В РОТ! ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ИЗ ВАС, УБЛЮДКИ, ХОЧЕТ ЧТО-ТО ПРЕДЪЯВИТЬ МНЕ ИЛИ МОЕЙ СЕМЬЕ, МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ МНЕ ЭТО ПРЯМО В ЛИЦО!

– Успокойся, пап, а то еще копы заявятся, – урезонивал я.

Он захлопнул окно и сказал нам с Тони:

– В квартале о нашей семье всякое брешут. Я просто хочу послушать, что эти брехуны теперь скажут.

– Собака лает – ветер носит, – задумчиво произнес Тони.

Я еле сдерживал смех, а Джон бросил на него холодный, непонимающий взгляд.

– Что?

– Брешут собаки, Джон, – сказал Тони и стал широко открывать рот, изображая лай.

В течение нескольких секунд стояла напряженная тишина, потом на лице Джона вспыхнула улыбка, он засмеялся, и мы подхватили с облегчением, почувствовав, что напряжение рассеивается.

– Ха-ха-ха, неплохо, Тони, неплохо, э. Один мудрый человек сказал: тому, кто не понимает хорошей шутки, серьезной проблемы не решить и подавно.

Ну да.

Тогда папаша погладил подобострастного Уинстона П.

– Ну что, мальчик мой, покажем этим говнюкам? Мы, Стрэнги, – он понизил голос, – всем дадим просрать. Через тернии к звездам. Вот наш путь.

На следующий день я купил разных фейерверков и спрятал на работе, в ящике стола.

Шум от папаши меня доставал, с другой стороны, иногда из его файлов можно было почерпнуть полезные сведения (я решил отфачить подружку Ким – Деби Пирсон; Тони там уже побывал), в остальном же меня мало заботили маниакальные затеи отца. Большую часть времени я проводил с

кэжуалсами. Я был в восторге от насилия; дома все было по-другому, а здесь – возбуждение, накал, ощущение, будто твое тело заряжено и готово выстрелить, короче – кайф. С кэжуалсами можно было и к схватке подготовиться: попсиховать немного, довести себя до кондиции, – но жить в таком же режиме у себя дома – врагу не пожелаешь. Человеку нужно место, где он мог бы захлопнуть дверь и забыть обо всем на свете.

Клубиться мне тоже нравилось, но махач я предпочитал всему. Я не любил наркотики, к кислоте у меня случился бэд маза фака трип. Как-то в мы пошли в этот клуб, на Ве-нюю. Дело было в четверг. Многим пацанам нравилось это местечко: на втором этаже – техно, внизу – гараж, и хип-хоп. Меня от этой музыки воротило, я больше любил инди, но я пошел, потому что парням нравилось кроме того, там крутится множество свободных дырок, в общем есть куда присунуть. Я скушал табл, и меня как будто переклинило. Сначала все шло как надо, но потом меня стало переть все сильнее и сильнее, и я не мог отделаться от дурных мыслей. Я вспоминал об этом гнусном пидоре Гордоне, я был уверен, что сейчас ворвется стая собак, и они разорвут нас на части. Мне все время виделась оторванная голова фламинго, зажата в пасти аиста Марабу, которая зовет нас и просит о помощи тихо и печально.

В итоге пришел Али Демпси, парень из кэжуалсов, и привел меня в чувство:

– Пойми, Стрэнджи, это всего лишь искажение света и звука, вот и вся кислота, как бы круто тебя ни забрало. Просто-напросто искажение, а твое воображение разыгралось и спешит заполнить пробелы.

– Моя голова полна дерьма, Демпс, – задыхался я, – у меня, наверное, сердцебиение... старик, я здесь подохну...

– Не подохнешь. Здесь нормально. И с тобой все в порядке. Успокойся.

Так он меня и вытянул, привел в чувство. Потом он взял меня к себе на хату и сидел там, пас меня. Мощный сукин сын этот Демпс. Так или иначе, а с наркотой я завязал.

Пацаны пытались развести меня на эксперимент с экс-тазином, но я твердо держался пива «Беке». Кроме того, в клубы я ходил, только чтобы обсудить махачи, да, может, прихватить какую-нибудь телку. Я обожал махаться. Там все просто: как только ты завалишь одного-другого, как только научишься переступать через страх и боль, ты можешь идти напролом, сокрушая все, что попадет на твоем пути, а раны считать уже после. Серьезных травм у меня так никогда и не было: несколько ушибленных ребер, да однажды в Питодри мне глубоко рассекли бровь.

Среди кэжуалсов были пацаны покруче меня и бойцы были посуровой, они это знали, мне это тоже было известно. Однако я обладал качеством, которое отличало большинство топ-боев, – это даже не смелость, а скорее полный, всеобъемлющий похуизм.

Как я уже говорил, одним из самых приятных преимуществ моего положения как кэжуалса была возможность пофачиться. Большинство парней были симпатичными либо же обладали обычной внешностью. Я был уродлив и знал об этом, но, когда мой бойцовский статус повысился, застенчивость моя улетучилась, и я стал фачиться больше других. Будучи подростком, после того, как я отыгнул в подсобке эту сучку, я проводил кучу времени перед зеркалом, пытаюсь понять, почему у меня такая непропорционально большая голова и почему мое тело слишком велико для маленьких коротких ножек. Ответ каждое утро за завтраком глядел прямо на меня поверх «Дэйли Рекорд» – я был копия отца. Таким образом, я потерял много времени и теперь наверстывал упущенное. Я имел доступ к половине приличных телок в городе.

В тот день я ушел с работы пораньше и отправился домой, прихватив для Уинстона II сочную косточку в мясной лавке на Лейт Уок. Дома еще никого не было, увидев меня, зверюга съежилась. Странно было представить, что меня покалечило это жалкое существо.

– Уиннерс... – я свистнул, и собака поняла это как намек, что можно расслабиться и повилать хвостом. Я потрепал его по голове, а он встал на задние лапы, положив передние на кухонный стол. Учувя запах косточки с сочным куском мяса, он завилал хвостом и высунул язык. – Да, это тебе, мальчик, тебе, родимый. Это для Уинстона... вот тебе подарочек, – говорил я, забивая в кость шестидюймовые гвозди. Потом я положил ее в свою «Адидасовскую» сумку и застегнул молнию. Пес уже обнюхивал сумку. – Чуть позже, малыш, – сказал я, но он не отходил. Тогда я сунул ему ботинком по ребрам, он взвизгнул и поспешно ретировался.

Тут как раз пришла с работы мама – она готовила на дому у каких-то стариков. Вскоре подошла и Ким, принесла из булочной пирожков. Она собиралась вывести Уинстона погулять перед вечерним чаем.

– Уиннерсу надо размять лапки на пустыре. Он пойдет гулять, гулять, – сюсюкала Ким. Пес пыхтел от радости, а она наклонилась, чтобы поиграть с ним.

– Я пройду с вами, Ким, я должен занести Брайану кое-какие записи, – сказал я и взял свою сумку.

По дороге на пустыре я заметил несколько бродячих собак. Один грязный пес бурой масти непрерывно завывал, прямо как волк.

– Послушай, – сказал я, чтобы отвлечь сестру.

– Ужасно обидно за бродячих собак, что у них нет такого дома, как у Уинстона, да, Рой, правда, жаль? Иногда мне хочется забрать их всех к нам, ну, усыновить, что ли, а, Рой?

Так она болтала, глядя на псов, а я тем временем незаметно открыл сумку и выбросил кость. Уинстон направился напрямик к ней.

– Что он там нашел? – спросила Ким.

– Не знаю, кость, похоже, – ответил я.

– Оставь, Уинстон, так нечестно, тебя достаточно кормят дома, а тут полно голодных собак... Ты счастливчик, Уиналот, – мычала Ким, а пес бесновался вокруг кости. – Уиннерс, Уиннерс, Уиналот, Уиннерс, Уиннерс, ты про...

Уинстон взвыл – лицо Ким отобразило ужас – его верхнюю челюсть насквозь пропорол гвоздь. Пес рванул через пустырь, испуская чудовищный визг и мотая головой; в тот же миг за ним пустились бродяги.

– УИНСТОН! УИИИИНННСТООООН! – завопила Ким, но пес бежал, обезумев от боли, выплюнуть кость он уже не мог. Свара бродяг с громким лаем преследовала его по пятам. Они набросились на Уинстона и, будучи не в состоянии отличить его кровоточащие челюсти от нежного мяса на косточке, стали грызть его морду.

Ким, истошно крича, ринулась на псов, и мне пришлось вписаться ей помогать, иначе тупую корову саму бы разорвали на кусочки. В итоге нам удалось вытащить Уинстона П. Больше всех упорствовал этот бурый ублюдок, но я наградил его хорошим пинком и прижал к земле каблуком своего тяжелого ботинка, после чего он, поскуливая, уковылял прочь.

Ветеринар сшил уинстоновскую морду из кусочков, но собака потеряла один глаз, часть носа и большой участок кожи с правой стороны.

– Бедный Уиннерс, – печально произнесла Ким. Искалеченное, беспомощное животное жалобно заскулило, отходя от анестезии. – Для нас ты все равно красавец! Красивей всех!

Все были потрясены тем, что произошло с горячо любимым семейным питомцем.

– Сотворить такое с беззащитным животным! – досадовала мать. – Что за извращенец мог до такого додуматься?

– Может, япощка, – невольно ухмыльнулся я, уткнувшись в газету. Хорошо еще, что никто не обратил внимания. Джон, узнав о происшествии, взбесился не на шутку. По тому, как он, храня полное молчание, слушал наш с Ким отчет о случившемся, поглаживая изуродованного пса по лапе, я понял – дело плохо.

Он попил чаю, а потом вышел на пустырь и голыми руками убил четырех бродячих псов. Я спустился следом, посмотреть на шоу. Несколько детишек в ужасе наблюдали за происходящим, одна девчужка даже разревелась. Джон показывал угощение, приманивал собачек одну за другой и либо душил, либо переламывал им шеи. Ему помогали дядя Джеки и их приятель по имени Колин Кассади, известный псих: они держали собак, а Джон одним движением выбивал из них дух. Единственный, кто не клюнул, был этот злобный бурый пес; он, наоборот, держался подальше. Я был рад, что хотя бы он уцелел, но в то же время ощущал вину за эту кровавую бойню, ведь я любил животных. Особенно птиц – символ свободы, «свободны как птицы», и все такое. Другие виды мне тоже нравились, хотя о домашних животных я знал меньше, чем о диких зверях. Увидев мертвые тела четырех бродяг, разбросанные по пустырю, я едва не задохнулся.

– Если власти не могут справиться с вредителями, я сам за них возьмусь, – сказал мне отец. – Великий человек сказал: на войне не нужно быть добрым, на войне ты должен быть прав.

Кассади закивал с глубокомысленной миной, а дядя Джэки попытался вытащить меня на кружечку пива в их компании, но я направился домой. Я обернулся на их удаляющиеся фигуры: они шли по направлению к Ганнеру, на отце была его толстая бурая куртка.

Когда я теряю способность управлять ситуацией, ко мне возвращаются воспоминания, и мне в моей скорлупке становится нелегко. Нечего сказать – жалкое зрелище. Я пытаюсь спрятаться в маленькой уютной нише темного колодца, оставаясь выше Сэнди и кошмарных аистов, но и не поднимаясь в отвратительную реальность этого безумного мира по ту сторону люка. Однако мое убежище становится все менее надежным. Это уже не ниша, а выступ на стенке колодца, и каждый раз, когда я сижу на нем, он становится все уже и все более шатким. Однажды он обвалится, и мне придется делать решающий выбор: карабкаться в реальный мир либо упасть в страну грез.

До недавних пор я безоговорочно выбрал бы последнее, только вот теперь это мир уже не моих грез, теперь от меня в нем зависит так же мало, как и в реальном мире...

– Приветтики, Ро-ой...

Монотонные интонации и носовые звуки говорят о том, что ко мне пришла моя сестренка Ким. Чего от нее ожидать – монолог о каком-нибудь парне, приправленный безграничным, далеким от реальности оптимизмом, либо же печальное повествование о постигшем ее разочаровании, так или иначе, это будет рассказано все тем же нездоровым, напоминающим бляение, голосом.

– У меня сейчас новый парень, он меня постарше, ну и, как бы это сказать, женат, и у них двое детишек, но он вроде как собирается от нее уходить, говорит, что, типа, больше ее не любит, ну, в общем он теперь любит меня, ну и мы собираемся снять квартиру...

Да да конечно

–... но у него еще не выплачен долг за дом, двое детишек, ответственный пост на госслужбе, и все такое, так он говорит

Когда ты поумнеешь, дура гребаная

–...но я, типа, все еще встречаюсь с Кевином, ну, не то чтобы встречаюсь, просто я тут увидела его в «Краю», ну, я была немного поддтая, в общем, я пошла к нему, на самом деле только чтобы посмотреть его новую кожаную куртку, ну а потом, слово за слово, в общем, я осталась у него на ночь, ну, у Кевина то есть... просто я вроде как жалею его, но я сказала, чтоб он не думал, что мы снова будем встречаться, потому что у меня теперь новый друг... но дело в том, Рой, понимаешь, я вроде как опять залетела, и я не знаю, что мне на самом деле нужно, иногда мне даже кажется, что я веду себя как шлюха, понимаешь, Рой? Потому что у меня вот Кевин, и этот новый друг, и еще недавно я познакомилась с одним парнем в Бастере, ну и мы пошли к нему на вечеринку, в общем я даже не знаю... может быть, я действительно... кто-то даже может подумать, что я...

Да, вот именно, и думать тут нечего, корова ты безмозглая. Ты что, опять понесла ублюдка от Тони, а, Ким? Ах ты мандавоха! Могу поспорить, опять в служебке на обоссанном матрасе... везде вонь... мухи...

–...ас малышкой все хорошо, Рой. Он сейчас у мамы Кевина, она взяла его на выходные, а маме я так и сказала, она может видется с ребенком, у нее есть на это право...

Кевин. Кевин Скотт. Бедный Кевин, сучий кот. Породиться со Стрэнгами. Первостепенный гребаный пиздец.

Чики-пуки, чики-пук...

Кто-то идет, Ким. Я чувствую. Да-да, я слышу, как их форменные сестринские ботинки постукивают по линолеуму.

– Здравствуйте... простите, нам придется вас потревожить, нам нужно осмотреть Роя.

– Да конечно, я просто рассказывала ему кое-что...

Сестра Пэсти Деклайн пришла осмотреть меня и прервала словесный поток Ким, действующий на меня все равно что китайская пытка водой. Наплевать: сейчас я слишком устал и слишком напуган, чтобы даже пытаться продолжить охоту на Марабу. Все это становится слишком изматывающим. Слишком много всякого дерьма, слишком много, но я должен все перевероршить. Я посижу здесь, на своем выступе, наберусь сил, куража – и обратно в бой.

13. Охота на аиста Марабу

Три тысячи чертей, разнести на хуй всю эту дребедень...

Что-то застряло у меня в горле. Я пытаюсь крикнуть, стоя в узком переулке в прогнувшем, насквозь помоечном городке, но слова застревают у меня в горле. Мое горло вышло из строя!

Марабу загнан в угол, он держит в клюве узелок; без битвы он не сдастся. Он начинает что-то

бормотать, оживая, и вдруг бросается в бегство, в панике проносясь мимо нас. Сэнди сбивает его с ног мощным маваси. Тонкие ноги зверюги подгибаются, вокруг летают пух и перья. Сэнди вскакивает на ноги, поворачивается туда-сюда с распростертыми руками и выражением невинного удивления на лице. Аист поднимается у него за спиной.

– Играй до свистка, Сэнди! Фола не было! – крикнул я. – Играем по правилам Шотландской ассоциации, наши в синих футболках.

Джеймисон обернулся, в это время Марабу – громила, ростом более шести футов – вонзил свой массивный клюв прямо ему в плечо. Сэнди вскрикнул от боли и упал навзничь. Вытащив мачете, я направился к ним, но тварь повернулась и убежала прочь, взмахивая огромными, во весь переулочек, крыльями. Разбежавшись, аист взлетел, медленно набирая высоту, вырвался из тупика на главную улицу, где, едва не задев автобус, затерялся между крышами домов.

Нам крупно повезло: тварь выронила свой груз. Я осторожно приблизился, взял узелок и, аккуратно развернув его, обнаружил внутри плод величиной с мою ладонь, весь в крови, свернувшийся, как креветка.

– Мы должны предать мечу это дитя сатаны, Сэнди, – сказал я. Я взял мачете и подумал о том, кто мог породить такое существо. У него была большая голова, сплюснутая ниже лба, с выступающим большим, плоским подбородком. Он смотрел с мольбой, тихо повизгивая.

Зарубить его мачете у меня не хватило духа. Вместо этого я положил его на землю и завел джип. Проехав чуть вперед по переулочку, я включил заднюю передачу и проехался по свертку не раз и не два, а три раза. Раздался шмяк, я вышел из машины посмотреть на раздавленный кулек, пропитавшийся темной жидкостью.

– Делай что хочешь, Сэнди, только не смотри. Это был не ребенок, это был ебанутый ублюдок, он поднимался-наверх

наверх

– Бедный Демпси, Рой. Ты ведь помнишь Демпси?

Пусть говорят, что он грубоват...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Глубже, в кишасший акулами океан. Какого хера мы здесь торчим? Сэнди, похоже, не жаждет обрядиться в акваланг; мы плывем на лодке вдоль побережья, наша цель – проникнуть в парк Изумрудный лес с другой стороны. Все наши усилия по обнаружению гнезда на берегу озера Торто оказались безуспешными – тварь отслеживала наши передвижения и соответственно перемещала гнездо.

К Гоусти должны были прийти из «Вечерних новостей», чтобы задать несколько вопросов о его жизнедеятельности как кэжуалса. Он послал пацанов из бэйби крью в книжный магазин «Thins and Waterstones» подрезать книжек по военной стратегии и о партизанских движениях. Они вернулись с огромной стопкой: Че Гевара, Лиддл Харт, Мошизма и тому подобное.

– Нужно произвести на них правильное впечатление, – улыбнулся он, – Доведем чертей до белого каления, мать их растак.

Убедившись, что мобилы лежат на видном месте, он окончательно успокоился. Мы стали использовать мобильную связь, чтобы отслеживать передвижения команд противника, но на самом деле эти толстожопые уроды были настолько предсказуемы, что вся тема свелась к понтам да бабловству. Если овцеебы достойны хоть какого-то уважения, вонючки тупые на всю голову. Эти беспринципные уроды дошли до того, что призвали английских мудаков, чтобы те попробовали их как-то организовать. Окажись они на маленьком необитаемом острове, не смогут организовать поход на пляж, идиоты.

Насрать.

Черт... где это я?

Море. Пляж. Организационные способности Аиста Марабу.

БЛИЖЕ К ДЕЛУ, РОЙ. РАССКАЗЫВАЙ ПО ТЕМЕ, ПРИДУРОК, МАТЬ ТВОЮ.

– Эти воды заражены акулами, – сказал Сэнди, все еще не желая надеть акваланг и нырнуть. Я зацепил якорь за край рифа, до берега оставалось проплыть совсем немного, но от Сэнди шла осязаемая волна страха.

– Ты, наверное, хотел сказать, кишат акулами, Сэнди? – поправил я и тут же стал гадать: – Хотя, может быть, словосочетание «заражены акулами» тоже вполне уместно.

– Имей в виду, что, будучи спортсменом, я не употребляю наркотики. Я никогда не колюсь чужими шприцами и всегда практикую безопасный секс. Я не инфицирован ВИЧ. Я говорю это, чтобы мы оба больше узнали друг о друге, понимаешь?

– Как тебе угодно, Сэнди.

– Я никогда не охотился на львов, Рой, это все брехня, – и он глумливо ухмыльнулся.

Похоже, я крупно попал, не меньше чем на той стороне. Следующее мгновение оборвалось, и я снова оказался в переулке, а рядом со мной богомол в белом парике и с помадой, наведенной на паучьи челюсти, его лапка сжимает красную карточку. Сэнди срывает с себя майку и чуть не в слезах поворачивает прочь с переулка; Дидди утешает его, а Доусон качает головой с гримасой отвращения на лице. Богомол записывает его имя в черный блокнот, на котором проставлено: «Молодежь в Азии». И тут я почувствовал брызги на лице, и мы снова в океане.

С трудом натянув акваланги, мы готовимся нырнуть в чистые светло-голубые воды вокруг рифа. Мы доберемся до берега, а значит, зайдем в Изумрудный лес с другой стороны. Это был рискованный план, так как из провианта и оружия с собой мы сможем взять только то, что унесем на себе.

Я неважно себя здесь чувствую: в ушах звенит, а в носу какой-то странный стерильный запах. Пахнет больни... на хуй, на хуй. Все под контролем. Под контролем. Сэнди опять в порядке, он мой напарник, мой проводник. Мы с Сэнди охотники, мы знаем, что делаем.

И тут Сэнди сказал такое, от чего у меня резко участился пульс, свело живот и мышцы ануса. Когда мы уже были готовы нырнуть с правого борта, он посмотрел на меня и улыбнулся:

– Мы входим через выход.

14. Победители и побежденные

Если бы мой старик узнал, кто покоцал Уинстона II, он прикончил бы меня на месте. Он еще больше оберегал покалеченного пса и старался не выпускать его из виду. На Уинстона нацепили что-то вроде намордника, чтобы этот псих не расцарапал себе все раны. В природе животное бы не выжило; я был обеими руками за природу.

Уинстон II страдал, конечно, но мне этого было мало. Я хотел, чтобы Уинстон отошел в мир иной. Изуродовать-покалечить, как он меня, – было недостаточно. Мое первоначальное раскаяние довольно быстро улетучилось. Я должен был разделаться с ним раз и навсегда. К этому решению меня привела девица, которую я тогда трахал.

Ее звали Джули Синклер. Она жила в Драйлоу с матерью и сестрой. Трахалась она, как я помню, совсем не дурно. Мы фачились в ее комнате, а потом выходили посмотреть телик вместе с мамашей. Иногда я подумывал, не то что бы всерьез, а так, скуки ради, не присунуть ли заодно и мамаше с сестренкой. На самом деле мне нравилось бывать у нее дома – там хотя бы можно было ящик спокойно пободать.

Никаких серьезных чувств к Джули я не испытывал, но уважать – уважал. Она просто хотела трахаться и трахалась, сколько влезет, но никогда не терялась и душу никому не раскрывала. Мы подходили друг другу: я не пытался в ней разобраться, а она не липла ко мне, как некоторые шлюхи. Короче, однажды, после очередного фака, она спросила меня про шрамы на ноге. Это заставило меня снова задуматься об Уинстоне II и вспомнить, как ненавидел я этого монстра и сраную семейку, которая его пестовала. Петарды я еще не выбросил.

Трахаясь с Джули, я часто думал об острове Крамонд, где я залез на нее в первый раз. Это небольшой островок, меньше мили от берега, в устье реки Форт. Туда можно добраться пешком, пока прилив не отрежет его от материка. Смотреть там не хрена: несколько дотов времен Второй мировой, полные пивных банок и использованных гондонов.

Местные парни приводили сюда девиц и дожидались прилива – приходилось ночевать на острове. Это была проверенная тактика. Мне об этом нашептал Тони. В то время я уже был топ-бой и редко встречался с Брайаном и всей тусой, но как-то раз мы с ним, Джули и ее подругой забрались на этот остров и «сели на мель». Кончилось это тем, что мы их трахнули.

Вот туда я и решил направиться, прихватив Уинстона II.

К счастью, на работе я мог взять отгул – у меня уже накопилось много часов переработки. Я показывал придуркам в офисе, как пользоваться новыми операционными системами, которые я установил на головной комп. От того, что я постоянно пялился на дисплей, у меня стали болеть глаза. Проверка зрения показала, что мне нужно носить очки, но я не собирался становиться очкариком: во-пер-

вых, это еще больше развило бы мою стеснительность, во-вторых, я бы стал копией моего отца.

В пизду гребаные очки.

Я заказал себе контактные линзы.

Я взял отгул, чтобы подобрать линзы, и в тот же день отправился домой за Уинстоном. Никто не знал, что у меня выходной: я подгадал так, чтобы никого, кроме Уинстона, дома не было.

Мы прогулялись по району, пересекли поле для гольфа, мимо отеля «Коммодор» и по набережной дошли до берега. С собой у меня была большая лопата, штык завернут в бумажный пакет. Я взглянул на пса в пластмассовом наморднике, и мне стало жаль его. Это не жизнь для животного. Уинстон II представился мне щенком, а потом чуть ли не преданным другом. Я мог бы повернуть, если бы пронизывающий восточный ветер не задул с устья и не обжег мою искалеченную ногу.

Вот тебе лопатка, вот ведро – иди, резвись на берегу.

Было еще достаточно рано – тихое осеннее утро, на всем побережье ни души. Начинался отлив.

Я повел Уинстона II к острову. Его лапы оставляли четкие следы на мокром песке. Плевать – мои подошвы и собачьи следы скоро смоеет вода.

Мы дошли до острова, и я привязал пса на ржавый крюк, как будто специально вбитый в бетонную стену дота.

Вокруг свистел холодный ветер. Я снял намордник и пристроил на заштопанную морду Уинстона целый набор петард и фейерверков. Крепко-накрепко обтянув все упаковочным скотчем, я снова надел на зверюгу намордник и застегнул ошейник. Уинстон жалостливо попискивал, как делают собаки, когда пересрутся.

Уинстон II стал вырываться; тут я заметил, как на крышу дота села маленькая птичка. Это была малиновка – ранний символ христианства...

...Секунду или две я поразмышлял о значении символов, христианском всепрощении типа: «Подставь другую щеку» и прочей чепухе. Но в этот бред уже никто не верит. Ты один против всего мира – вот как обстоят дела, даже правительство это признает. Налетел ветер и снова обжег мои старые раны. Нет, Уинстон должен умереть. В понятиях христианства это можно назвать справедливой войной.

...Какое-то время я просто смотрел на пса. Выглядел он странно: одинокий глаз поблескивал сквозь упаковочную ленту, трубки цветного картона и натянутый поперх всего пластмассовый намордник. Его трогательные, но тщетные поскребывания передними лапами прекратились; вот прикол – теперь он просто лежал на боку и тихо пыхтел.

Казалось, он почти доволен.

Я с размаху пнул ботинком по отороченным мехом ребрам гордости двора...

НА, ПОЛУЧАЙ

ГРЕБАНЫЙ ДЕТОУБИЙЦА

СДЕЛАЛ МЕНЯ КАЛЕКОЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

НЕ ПРЕДАВАЙ УИНСТОНА НЕ ГОВОРИ, ЧТО ЭТО ОН

ПОШЕЛ ТЫ НА ХУЙ, ПАПАША

МУДАК

СОБАКУ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УСЫПИТЬ

ВОТ ЗНАЧИТ, ЧЕГО Я

СТОИЛ, – БЕСЦЕННОЕ ДИТЯ!

УНИЧТОЖИТЬ

УНИЧТОЖИТЬ

Уинстон... Уинстон... мальчик мой

Что с тобой, мальчик мой?

Что такое?

Мой верный друг, Уинстон...

Синие бумажные запалы фейерверков торчали из прорезей намордника. Я зажег пару и, следуя инструкции, отошел подальше. Уинстон II, к сожалению, инструкцию проигнорировал.

КАКОЙ НЕУКЛЮЖИЙ МАЛЬЧИК

Небольшой взрыв – и алая кровь окрасила пластмассовый ошейник. Пес беззвучно вырывался. Я подошел, чтобы рассмотреть получше. Тут из головы Уинстона со свистом вылетела ракета, оставив оранжевый искрящийся след...

...так это же Крипто, собака Супербоя... этот пес умел стрелять из глаз тепловыми лучами...

лучше бы он дал мне надеть на него плащ...

...Уинстон слепо рвался с привязи...

...Потом был более мощный взрыв. Из-под намордника полетели обуглившиеся куски мяса, плеснула кровь, и собака повалилась навзничь. Ветер донес невыносимый запах, меня аж передернуло; он был все же слабее и чем-то отличался от аромата Гордона. Мне послышался шум, я обернулся – берег пуст. По ту сторону острова виднелась рыбацья лодка, но она была слишком далеко.

Теперь у Уинстона как будто и не было головы; только тлеющие угли вперемешку с расплавленным пластиком.

Кто это с тобой сделал, Уинстон? Покажи мне Покажи кто

Уинстон Уинстон

Кто это сделал?

Кто поднял руку на Уинстона?

Скажи нам, кто это был?

Скажи

Уинстон Уинстон Уиналот Всем известно, ты – проглот.

Уинстон Уинстон Уинстон Получай.

Кто это сделал?

Нечего

Тебе сказать,

Так заткнись,

Ебена мать.

Насвистывая «Четвероногого друга» Роя Роджерса, я тащил смердящий, обугленный труп собаки в другой конец острова, откуда не видно Эдинбургского побережья. Я бросил тело на мокрый песок, взял лопату и начал копать. Пришлось снять круглую металлическую табличку с надписью УИНСТОН и адресом на обратной стороне. Вот что старик говорил о тезке этого пса: на войне не нужно быть добрым, надо быть правым.

Вот яма, которую я выкопал; я покосился на труп и оглядел побережье. Скоро начнется прилив. Я услышал какое-то шебуршание и чуть не обосрался, увидев, что пса дико затрясло. Недолго думая, я спихнул его в яму и стал забрасывать песком. Песок все время скатывался, но движения становились все менее резкими, борьба затихала.

Я забрался на пункт наблюдения и смотрел, как наступает прилив, как остров окружает вода, заливая могилу Уинстона. Я слез и побежал на берег. Мне нужно было торопиться, пока море не отрезало меня от большой земли, – вода уже начала покрывать неровное песчаное дно.

Лопату я зашвырнул поглубже в лес, около реки Алмонд. Там, где она впадает в устье Форты, стоит деревушка Крамонд. Я зашел в деревенское кафе. Заглянула старушенция с тямкой – типа перья на проволочном каркасе. Собачка на меня фыркнула, я снисходительно похлопал ее по холке:

– Обожаю собак, – сообщил я старушке.

Я немного посидел, посушил на батарее подмокшие края штанов. Потом я вышел, выбросил табличку Уинстона в реку и направился обратно в район, заглянув по дороге в «Коммодор» на кружечку пива. Затем я дошел до Сильвернуоз и опрокинул пивка в гольф-клубе. После чего я сел на автобус, доехал до центра и прошелся по магазинам. В «Иксайле» я нарыл ничего себе футболку и около пяти отправился домой.

Когда я пришел, все уже были дома. Я постарался проникнуться царившей вокруг мрачной атмосферой, хотя это было и непросто. Старик все время повторял:

– Но не мог же он просто взять и испариться... собака не может просто так исчезнуть с лица земли...

Может, папа.

Может.

Уинстон совершил ошибку. Он доебался до Роя Стрэнга. А до Роя Стрэнга доебываться нельзя.

Отец начал расследование: он угрожал соседям, подвергал их перекрестному допросу, изводил местных копов, расклеивал в безумных количествах ксерокопии с фоткой Уинстона (грязное, смазанное изображение ужасно походило на Уинстона в его предсмертном состоянии) на фонарных столбах и в магазинах и бесился, когда дети их срывали. И все безрезультатно.

Уинстон II исчез.

Отец поклялся, что больше никогда не заведет собаку, но, когда мы с Ким под Рождество при-

тащили ему щенка немецкой овчарки, он растаял. В отличие от своих предшественников, это была сучка.

Он назвал ее Мэгги. Мэгги была хорошая собака. Никогда мне ничего

выше

выше

выше

– Рой, ты шевельнулся еще раз! Доктор Госс будет тобой очень доволен.

– говорит Патриция –

– За это я поставлю тебе кассету твоей мамочки. У нее такой приятный голос.

Патриция, пожалуйста, не надо. Лучше поговори со мной. Расскажи мне, с кем ты трахалась, или что показывали по телику, да что угодно, только не эту...

Пусть говорят, что он немного грубоват...

– Был бы у меня такой голос...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

обратно в прострацию. Вода, мы идем по воде, но промок я только до лодыжек. Бред.

Мы с Сэнди карабкаемся по крутому склону Зеленого холма. Идти долго, но с вершины открывается превосходный вид на озеро Торто. Мы вынимаем бинокли. Вся панорама залита розовым; фламинго на воде – это потрясающее зрелище. От стаи доносятся крики, напоминающие звук трубы, или горны футбольных фэнов, или клаксоны машинок в Луна-парке...

Немного спустя Сэнди, не отрываясь от бинокля, говорит:

– Смотри, Рой, левее.

Группа аистов Марабу, примерно около дюжины, вперевалку двигалась по берегу озера, прямо к колонии фламинго.

15. Избиение фламинго

Аист Марабу представляет наибольшую опасность для Большого и Малого фламинго. Прогуливаясь по берегу, Марабу наводит панический страх на стаю; фламинго жмутся друг к другу, Марабу же, совершив короткий перелет, вонзает клюв в спину жертвы. Пораженного фламинго сначала топчат, а потом раздирают на куски и сжирают один или несколько Марабу за три-четыре минуты.

Нападения Марабу привели к серьезным последствиям, а именно, к массовому перемещению колоний фламинго (известен пример, когда семнадцать Марабу обратили в бегство 4500 пар). Фламинго способны выдержать или даже отразить нападение Марабу, если их не больше пяти, но когда их шесть или больше, фламинго снимаются с насиженных мест. Вот она – причудливая арифметика природы.

Когда дело доходит до драки, мы всегда делимся на две группы по 6-10 человек. Мы наткнулись на этих скотов в подземке на станции Иброкс. Скарферы были такие яркие, от их красно-синих нарядов аж в глазах рябило. Все эти значки и флаги; Ольстер – это ведь мозгоебство, жалкая отговорка, всего лишь предлог, чтобы собрать силу. А для нас эта сила – и цель, и средство, она всегда при нас. Все это вчерашний день. Они нервно оглядывались, когда мы группами проходили в глубь толпы. У нас не было флагов: мы пришли по делу. Мы деремся не за футбол, не из слепого фанатизма, не из позерства, не для помпы. Нам на это насрать. Мы пришли по делу.

Воздух наполнился пронзительными паническими криками, возвещающими смерть. Мы с Сэнди наблюдали в бинокли за резней, развернувшейся на северном берегу. События развивались очень быстро, я даже потерял нить происходящего. Более того, я терял самоконтроль. Другие воспоминания все время тревожили меня, мне виделось совсем другое...

Мы рассеяли толпу и погнали группу уродов, разукрашенных, как рождественские елки, похоже, они приехали из Фэтхела, Ланкшир. Эти жирные, пивные уроды, Ссыкуны, съездившись от страха, забежали в паб, но скрыться от нас у них не было шансов. Они не такие, как мы. Притом что я всегда считал себя порядочным страшилой, уродливость этих монстров выходила за рамки возможного. Мы разворотили пивнуху в пух и прах. Гоусти завалил одного Ссыкуна на бильярдный стол и пытался отрезать ему башку осколком пивной кружки.

– Я тебе расковыряю рожу твою сраную! – кричал он.

Демпси запихивал в рот какому-то бздуну кусок мыла.

– Я тебя отмою, Ссыкун вонючий, ты у меня не отвертишься, я тебя и без мыла выебу... вы хоть подмываетесь... ублюдки помоечные!

Лексо вытолкал двух придурков на улицу. Рожа одного из них буквально взорвалась под ударом его крепкого кулака, как спелый помидор, в который выстрелили из духового ружья.

– Где же вы теперь, крутые парни из Глазго? Пидоры гребаные!

Я продырявил еблище одному доходяге своим отточенным карманным ножом. Потом завалил его под музыкальный автомат и отпинал так, что кишки полезли через жопу. Я вспомнил выступления Черчилля времен войны, которые слушал мой старикан; он говорил, что, если мы не поставим немцев на колени, они поставят нам ногу на горло. С этими шакалами то же самое. Повернись к ним спиной, и они налетят на тебя всей стаей, выступи первый, и они закричат: мама, папа, полиция... Я не очень любил сверкать пером, не из-за каких-либо ограничений, нет, я отнюдь не против применения пластической хирургии для исправления ублюд-ских рож, но это значило уподобляться этим ссыкунам, а в нашей банде мы придерживались принципа зуб за зуб. Автомат играл «Ромео и Джульетту» Dire Straits – тупая, мертвая музыка для озверевших мутантов... я повернулся к полупустому пабу, Нори и Джэкси стояли на дверях, поэтому никто не решался уйти. Я крикнул: МЕНЯ ЗОВУТ РОЙ СТЭНГ! ЗАПОМНИТЕ ЭТО ИМЯ, ЖОПОГОЛОВЫЕ, МАТЬ ВАШУ! РОЙ СТЭНГ! «ХИБС»-НАША КОМАНДА, ЕБАТЬ ВАС ВСЕХ В РОТ! НОМЕР «ОДИН» В ЕВРОПЕ! А ВЫ – КОЗЛЫ ВОНЮЧИЕ!

Что за черт... Я вижу Марабу, но другого, не нашего; он вонзает клюв в молодого фламинго, затем затягивает его под воду и проглатывает целиком.

Лексо повернулся к бару; мужик в возрасте, пухлая женушка и молодой парень, стоявшие за стойкой, уже наложили в штаны.

– Шесть пива «Беке», вашу мать! С собой, – заказал он.

Ему подали пиво, и этот жирный хрен даже расплатился, иначе мы бы опустились до уровня этих жопоголовых. Мы ведь были, кроме всего прочего, эдинбургские снобы... но я уже не получал того заряда адреналина, как бывало раньше. Все это мне уже приелось. Я схватил кий и запрыгнул на барную стойку. Я крушил бутылки, наслаждаясь звуком разбивающегося стекла, – что-то в нем все-таки есть...

Я начинал терять свою нить и готов был уже закричать: ХВАТИТ! С МЕНЯ ДОВОЛЬНО! И тут я увидел нашего Марабу, а он заметил нас. Чудище нагнуло шею и побежало, хлопая крыльями, чтобы взлететь. Его движения были неуклюжи, но он продолжал свой трудный подъем, пока не добрался до воздушных течений, которые унесли его так быстро и высоко, что мы почти потеряли его из виду.

– Будь ты проклят, Джони Марабу! – вырвалось у Сэнди.

Несмотря на то что добыча от нас улетела, я был в приподнятом настроении. Эта местность – его зона влияния; значит, этот гондон скоро вернется.

– НУ ЧТО, СЪЯБЫВАЕМ ОТСЮДА! – проорал Лексо. Вены на его инее вспухли, а лицо было похоже на черную дыру. Мы вышли из паба, оставив посетителейлизывать раны, и он роздал нам пиво. Мы спокойно пошли по улице, Гоусти обернулся и показал свой секундомер: – Совсем не плохо, меньше чем за четыре минуты.

...Я снова четко вижу... мы заметили, как совсем недалеко от нас несколько крупных Марабу потихоньку протиснулись в галдящую стаю стервятников, пожирающих неразличимый труп какого-то животного. Это было похоже на тело женщины.

нет, только не женщины

нет

нет... это должно было быть что-то другое. Крупный орел выхватил у одного из Марабу большой шматок мяса.

Другой Марабу стоял на отшибе и часто подбегал, чтобы стащить кусочек. Те, что посмелее, толклись вместе со стервятниками, сдирая мясо прямо с костей. Один из Марабу попытался даже поставить этих трупоедов на место, и не без успеха. Агрессивность стервятников в данном случае выглядела как позерство. Ведь они боялись аистов Марабу.

– Стервятники проявляют агрессивность, они развили сложную систему оборонительных жестов – воинственный танец для отражения врагов, – заметил Сэнди, будто проникнув в мои мысли. – Обрати внимание, как они прикрывают ульну, опасаясь, что ее сломают в драке... ульна, как извест-

но, одна из двух основных костей, поддерживающих крылья, расположена с внутренней стороны.

Позади нас разбилась брошенная бутылка. Толпа уродов высыпала на улицу и кричала нам вслед. Обернувшись, мы сделали один рывок, и они тут же съебали.

– Да, Сэнди, – согласился я и стал протирать линзы бинокля, так как уже не мог доверять своему зрению. Хотя ульна является самой крупной костью крыла, она подвергается переломам чаще, нежели радиальная кость, так как она менее эластична. Действительно, если я ничего не путаю, одно исследование показало, что в стае белоголовых стервятников около 20 % птиц перенесли перелом ульны.

Я все еще держал в руках этот сраный кий; отступая, эти крысоебы оставили своего захудалого бойца. Он попытался заблокировать рукой мой удар, и я услышал, как хрустнула кость, и его пронзительный вопль заполнил морозный воздух...

– Да, – улыбнулся Сэнди, – удивительно, как они еще выживают.

– К счастью, несмотря на то что стервятник – одна из самых крупных летающих птиц, его удельный костный вес очень невелик и составляет около 7 % от общего веса...

...что позволяет ему использовать резервные возможности организма, пока кость не заживет...

– Сэнди, смотри! Там, на дальнем берегу! Несколько аистов кружили над стружкой дыма, которая тянулась с противоположного склона Зеленого холма.

– Похоже, они летают над поселением... – заметил Сэнди.

– Да, но единственное в тех краях поселение – это охотничий домик Жирдяя Доусона в Джамбола. Давай-ка проверим!

Часть четвертая Пути самоизбавления

16. Уважение

Все возвращается ко мне, снова и снова, против моей воли.

Я так полагаю, наше дело еще не закрыто. Она сама виновата: она просто напросилась. Да еще Лексо виноват: она – потому что дразнилась и не давала, а он – просто потому, что извращенец несчастный, который и в борделе не мог пофачиться без того, чтобы в жопу ему не запихали игрушечный паровоз. Если бы я не связался с ними, ничего бы не было, во всяком случае я бы не вписался. Только вот кто-нибудь обязательно сотворил бы с ней нечто подобное, так уж она себя вела. Уж это и к бабке не ходи.

Когда я впервые ее заметил, я сразу раскусил, что это за фрукт. Тип Каролин Карсон, той, что училась со мной в школе. Таких шлюшек проучить не вредно, иначе они станут срать вам на голову. Она много о себе думала, типа классная девочка, дразнит, а не дает. Она тусовалась с парнями, но до жопы ее так никто и не добрался. Однажды мы с Лексо разговорились о ней за парой пива, ну, сами знаете, как это бывает. Это было, кажется в «Черном быке».

– Эта пиздося – настоящая секс-машина, – сказал Лексо.

– Ты ее уже оттолкнул? – поинтересовался я.

– Хуй. Насколько мне известно, на нее еще никто не забирался, она всех обламывает. Вот что я тебе скажу: если на следующей неделе она появится у Бустера, а потом придет на вечеринку к Дэмпси, мы оттарабасим ее в сраку. Даже если она целка, после пары толчков она расхлябит мязи, – засмеялся он.

Я тоже заржал.

Я вспомнил, как однажды у Бустера решил пригласить ее на медленный танец. Музыка играла так, что уши закладывало, но я подошел и крикнул: – Потанцуем?

Она встала и вышла на танцпол. Пройдя его, она скрылась в женском сортире, я как придурок остался стоять на танцполе, а все хихикали в кулак. Это я-то, Рой Стрэнг, топ-бой, мать вашу, не кто-нибудь. Мне запомнился тот вечер, ведь тогда же я порезал этого уродца Джилкрайста.

Отлично помню, как я сел перетереть с Лексо. – У каждого есть право попробовать, – сказал я. Она напомнила мне о школьных временах: все эти фартовые сучки изворотливые, все они одинаковые. Но меня на кривой кобыле не объедешь. В итоге я уже представлял, как жестко фачу ее, и вижу, как ей больно, как она истекает кровью, как просит о пощаде.

Проси пощады, шлюха гребаная, проси Роя Стрэнга, меня так зовут; всем встать! Проси, сука шлюха прошмандовка

проси, мать твою

Эта сучка, видать, решила, что я не замечаю, как они с Полиной, птичкой Гоусти, посматривают на меня, думала, я не вижу, как она смеется над моей кривой рожой, моими ушами, что смахивают на открытые двери такси. Конечно, все за моей спиной. С тех пор как мы вернулись из ЮАР и я покоцал жирдя Мэтьюса и проучил шлюшку Карсон, все это проходило за моей спиной, украдкой, но все равно они не переставали измываться надо мной. Я этого не видел и не слышал, но знал, что ничего не изменилось, я чувствовал это интуитивно. Придется всех научить, кто я такой есть, всех. Как того уroda, что считал себя в школе крутым, этого Джилкрайста из Пилтона. Один из тех, что прихватили меня тогда у забегаловки с Фергюсоном, и Карсон, и Кобылой, этой пухлой поблядушкой. Мы тогда только вернулись с пацанами из поездки в Милуал. Круто повеселились, в Лондоне пошизовали на всю катушку. На Нью-кросс был шикарный махач, не считая овцеёбов, эти были наши самые достойные противники. Мы возбужденно обсуждали подробности, и тут я наткнулся на Джилкрайста: он трепался со своими дружками.

Слабаком он не был, нет, он был далеко не худшим. Но он попался мне на пути, тут же в пабе я заставил его как следует попотеть, а потом сломал ему нос, ударив лбом, и вскрыл ебальник своим «Стэнли». (Приобретенным там же, где я всегда покупаю себе оружие.) Таким вот способом я сказал ему: меня зовут Рой Стрэнг, вспомни ту ночь возле забегаловки.

Все, чего я требую, – это немного уважения. Это мое право, мать вашу.

Да, я, бля, видел, как она посматривает украдкой, когда мы все пошли в «Ред Хот Пепперклуб», это чтобы я не забывал про свои короткие ноги, огромную голову, уши торчком, каждый прыщик на роже. Я чувствовал себя как полное ебанько.

– Слышь, Лексо, если вы соберетесь оттарашить эту крошку всей тусой, дай мне знать, я впишусь в тему, – улыбнулся я.

– Этой сучке придется объяснить, что если уж тусуешься с топ-боями, то дело свое знай и носа не вороти. Это будет хороший урок для всех, – осклабился он, и в его квадратной голове разверзлась полукруглая щель рта.

Так вот и было. Вот и весь наш план – полупьяный бред за кружкой пива. Я-то не знал, что он это серьезно, не знал я и того, что он уже переговорил об этом с Кэлли и Демпсом.

Мне вообще было не до этого. У меня проблем с телками хватало: я немного облажался на этом фронте у себя на работе. Дело было под Рождество, как-то странно все это произошло. В «Скотиш Спринстерс» работала такая Шина Харувер. Она бывала у Бустера и водила кой-какие знакомства. На работе я ни с кем ничего не обсуждал, но, встретив Шину в столовой, я заговорил с ней, и она сказала, что собирается туда пойти. Я был не прочь ее оттарашить и в этом был не одинок, моим соперником был Демпс и еще, кажется, некий Альто; они поговаривали, что, мол, неплохо бы ей присунуть, и все такое. Вот почему я решил приударить за ней прямо на работе, «очистить поле», так сказать, оставив конкурентов позади. Это была слишком реальная маза, чтобы ее провафлить.

Она так и не пришла. Позже я выяснил, что этот урод Демпс прошлой ночью перехватил ее в пабе, лишив меня первенства. Таким образом, на рождественской вечеринке в «Скотиш Спринстерс» я был сам по себе. Зрелище было безумное: все эти правильные джапеги нажрались в три корыта – большинство, конечно, пить-то не умели, ну и нарылись как свиньи.

А я так, придавил пару банок пива со скуки. Пиво было дерьмовое – шотландское и ньюкаслское, обычно я пью «Беке», но другого не было. Был еще пунш, да к тому же весьма недурственный, так что долго ли, коротко ли, в итоге я немного поднабрался. На самом-то деле, судя по тому, что я стал обжиматься с Мартиной Фенвик, я уже был под приличным градусом. Я и не помню, с чего все началось. Полный бред, ведь мы никогда с ней не ладили, она на несколько лет старше меня; набухались – этим все сказано.

Дрын горел, будьте нате, уж так мне хотелось присунуть старушке Фенвик, а потом смотаться с этой унылой пьянки. Я подумывал, не затащить ли ее в офис. Там, в кладовке, где мы хранили коробки от компьютеров, стоял стол, на котором я мог бы ее разложить. Вся загвоздка была в том, что она позволяла прилюдно облизывать ее с ног до головы, но, сообразив, что я пытаюсь ее затащить, решительно оттолкнула меня. Голова моя к тому времени уже гудела, яйца звенели, резкий запах мочи преследовал

меня по пятам. Я грубо выругал Фенвик и ломанулся к бару.

После пары рюмок я прикарманил дешевую пластмассовую зажигалку, оставленную кем-то на столе, после чего решил немного побродить по пустынным кабинетам. Порывшись как следует в одной из кладовок, я обнаружил легковоспламеняющуюся жидкость для чистки электрооборудования. Лучше не придумашь.

Чуть позже я присоединился к вечеринке однако длилась она недолго – пока не сработала пожарная сигнализация, – тогда толпа пьяных уродов выкатилась на улицу. Приехало две пожарных команды, которые затушили пламя, успевшее к тому времени поглотить уже несколько офисов. Одного мудака увезли на «скорой»: нажравшись, он заснул и надышался угарным газом, и поделом ему, разьебаю, я так понимаю. Пожар нанес значительный ущерб и повлек за собой директиву начальника отдела кадров, запрещающую устраивать рождественские увеселения в помещениях компании. Я был только за: в этих дурацких вечеринках мне не было никакого проку.

Вскоре после этого меня продвинули по службе. Джэйн Хэтэвэй нашла себе работу получше и, как у нас говорили, «взяла» Фенвик с собой. Дес Фрост стал новым супервайзером, а я занял его место, став таким образом полноценным системным аналитиком. За ту же, в сущности, работу башлять мне стали больше, продемонстрировав тем самым, как они на мне ездили все три года, что я был стажером. К нам поступило еще два стажера, оба молодые парни, один даже из бэйби крью, в офисе у нас стало куда веселей.

Это случилось пару месяцев спустя.

Веселились мы опять же у Бустера. Даже когда на танцполе Лексо, кивнув в ее сторону, сказал: – Эта сучка сегодня будет нашей, – я все еще думал, что он выдает желаемое за действительное.

Она вытанцовывала, вся такая гордая, невозмутимая, длинные волосы спадали на плечи, надутые губки, казалось, были готовы сплюнуть от презрения ко всему миру, гибкое тело изгибалось в такт музыки. На ней была маечка в облипон и короткая юбочка – секс-забияка, мать ее – она это за-служила-наверх

верх

верх

верх

верх

– Сделать погромче?

ИДИТЕ НА ХУЙ

Повидал я народы и страны, улыбался порой ненароком, но, Боже мой, Ты повсюду была со мной. Про себя твое имя твержу, Но из гордости я не скажу О любви, опасаясь в ответ Услыхать твое краткое «нет».

НЕТ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

До той глубины, где я могу охотиться на Марабу, мне не добраться-только до нее-все мы убрались как следует...

Н-да.

Когда мы приехали к Демпси, все уже были вхлам. Лексо выкатил ей табл, и ее конкретно распирало. Короче, психдом. В холле стояла дека, изрыгающая технокал, типа равэ, а в одной из комнат ставили музон, который слушал я: Стоун Роузез, Хэппи Мандэйс, вся инди-грядка. Лексо кивнул мне, а потом Оззи, тот пошел прямо к ней. Когда Оззи привел ее в спальню, она, похоже, все еще не понимала, что происходит, а там ее уже поджидали мы с Лексо и Демпсом, который закрыл дверь на ключ. Она все хихикала, пока Лексо не толкнул ее на кровать; Демпс и Оззи прижали ее за руки, а Лексо приставил к горлу нож.

Внезапное осознание серьезно ее подкосило.

– Пожалуйста, не убивайте меня, – тихо сказала она.

– Открой рот, прирежу на хуй, – ответил Лексо, задирая юбку. Она едва пыталась вырваться и все повторяла:

– Не надо, пожалуйста, пожалуйста, не надо.

– Харе, Лексо, она и так уже на говно изошла от страха, – сказал я.

Он повернулся и бросил на меня взгляд, какого я раньше не видел, я и не подозревал, что люди могут так зыркать.

– На говно изошла, говоришь, так сойдет на кое-что другое, – ослабилась он. Я испугался: я бо-

ялся его, Лексо. Обломись я сейчас, и я труп, во всяком случае, я так думал. А Демпс и Оззи все ржали.

– Считай, что это твое посвящение, – сказал Оззи.

– Да, ты ж еще ни разу не вписывался, – улыбнулся Демпс, – Распишем ее в четыре смычка.

– Девиз топ-боев, – улыбнулся Демпс, – лучше не придумаешь.

Лексо ударил ее по лицу и надавил острием на горло. Она перестала сопротивляться, голова ее упала набок. Он стал поднимать ее маечку очень медленно и аккуратно, почти нежно. Оззи и Демпс подняли ей руки, и Лексо резко сорвал ее через голову.

– Следы борьбы нам ни к чему, – смеялся он. Он стянул вниз лифчик и тут же загреб своими лапами обе ее сиськи. Все это время ее лицо оставалось каменным, глаза тусклыми и безразличными, и только по щекам беспрерывным потоком струились слезы. Тут она испустила крик, но музыка так орала, что никто бы все равно не услышал. Лексо отвесил ей пощечину и своей огромной ручищей сжал ей горло.

– Если еще хоть звук от тебя услышу, язык отрежу, мать твою, – прошептал он. Все мы знали, что это не понты, он не блефует, Лексо уже переключило, его понесло.

Да, с ним не поспоришь.

– Пощупайте, какие сиськи, пацаны, совсем неплохо, – оценил Лексо, умесив целую грудь в своей ладони.

– Шикарное тело, – улыбнулся Оззи, жестоко теребя ее соски между большим и указательным пальцами.

– Топ-боям достаются только отборные кусочки, – подхватил Демпси.

Лексо снял с нее юбку и указал мне на ее туфли, чтоб я снял их, что я и сделал, а он, в свою очередь, стянул с нее хлопковые трусики.

– Тебе когда-нибудь лизали? – спросил он. Она была вне себя от страха, но, когда он грубо зачихнул руку в промежность, она сдвинула ножки. Лексо налег на нее всей тушей. – Тебе когда-нибудь лизали? – повторил он прямо в лицо.

Она попыталась что-то сказать, но подавилась слезами, тушь текла у нее с ресниц. Выглядела она отвратительно, совсем не так, как в клубе: страх исказил ее лицо, ее всю перекосило. Это было уже совсем не то...

Лексо стянул джинсы и спортивный труснюк, обнажив большую прыщавую задницу. Оззи и Демпс отпустили ее руки и схватились за ляжки, раздвигая ноги. Она металась между отчаянной мольбой и вялыми угрозами.

– ...не надо... Лексо, пожалуйста... Алекс... не надо... прошу тебя... я заявлю в полицию... я все расскажу... пожалуйста... не делай мне больно... не убивай меня...

Лексо большими пальцами раздвинул ее половые губы и принялся. Подняв голову, он сморщил нос и с видом дегустатора произнес:

– Сдается мне, поебемся мы на славу.

Жадно причмокивая, он присосался к ее пихве, после чего, постепенно погружая палец, очень аккуратно, будто и без намека на принуждение, засунул его во влагалище и стал мягко его разрабатывать. Оззи и Демпс все еще держали ее за ляжки.

Он шибко вставил ей, она закричала, при этом он действовал спокойно и размеренно. Лексо знал, что делает. На ее лице появилось выражение... Помню, я как-то видел документальный фильм, там показывали животное, которое хищник пожирает сзади и на морде которого отобразились страх, неверие, ненависть – муки бессилия. Такое вот у нее было выражение, как у дикого животного...

Оззи и Демпси внимательно рассматривали ее лицо, Лексо толкал, а Оззи, откинув с ее лица прядь длинных каштановых волос, оскалился и сказал:

– Похоже, она еще не возбудилась, Лексо.

– Мне может понадобится подмога, пацаны, – захрюкал Лексо, – мне пришло в голову, что из имеющихся трех дырок мы используем лишь одну.

Оззи расстегнул на джинсах ширинку и вытащил конец. Он притянул ее за голову и, приставив к горлу ножик Лексо, заставил открыть рот.

Я, пошатываясь, стоял в углу и недоумевал, какого хера я здесь торчу. Тем временем ее уже отымел Оззи, очередь дошла до Демпси; она уже практически вырубилась. Когда на нее забрался Демпс, кто-то настойчиво постучал в дверь. Оззи, щелкнув замком, приоткрыл дверь и высунул голову.

– Все на хуй, у нас тут прайват пати! – рявкнул он.

– Мы собрались к Мюрэю. У него там наркота, – это был парень по имени Неззо.

– Мы подтянемся, – сказал Оззи, закрывая дверь. Демпси наконец-то кончил.

– Фу ты, еб твою, – фыркнул он, прежде чем вытащить.

– Отлично смазано, специально для тебя, Стрэнжи, – улыбнулся Оззи.

– Да что я, ёбнулся, чтобы еще после вас... – меня аж передернуло, я старался сдержаться. Я не видел, чтобы кто-нибудь использовал гондоны.

– Вписался – кури! – зарычал Лексо. Я расстегнул ширинку.

Оззи глянул на ее влагалище и, поморщившись, сказал:

– У нее там как будто намыленная губка, старик, я те говорю.

Я взгромоздился на девушку. Хорошего стояка у меня все равно не было, но я забрался на нее и, ритмично пропихивая, изобразил фак.

– Ну видишь, небо-то на землю не упало, Стрэнжи, – засмеялся Демпси, когда я, издав тихий стон, переступая на руках, слезал с нее.

– Полубуйтесь – последний горячий любовник, – сказал Лексо с издевкой.

Я-то думал – мы закончили, но суровые испытания для нее только начинались. Лексо хотел использовать все преимущества нашего положения, ведь в квартире мы остались одни. – Следите за ней, – скомандовал он и исчез. Он вернулся, таща за собой конец веревки; сделав петлю, он закрепил ее на двух параллельных балках в гостиной. Комната была усеяна пустыми банками из-под пива, бутылками, переполненными пепельницами, пустыми конвертами для пластинок и коробками из-под кассет. Вернувшись в спальню, Лексо крепко связал ей руки за спиной и погнал ее через пустую квартиру в гостиную. Он накинул ей петлю на шею и заставил встать на табуретку, почти на носочки, засунув в рот большой кусок ваты и заклеив намертво липкой лентой.

– А если она упадет и повесится, нам пиздец! Это моя квартира! – занервничал Демпси.

– Да хуй с ним, – ответил Лексо. – Если она упадет и задохнется, мы снесем тушу на берег и бросим там, – он довольно потер руки, – Ну что, ломанемся к нашему ночному аптекарю, зацепим таблов. У меня прям чешется – оттопырить ее теперь в орех. Пиздосю мы уж ей обработали как следует. Но сначала по паре пива в баре, ох, и тяжелая это работа – аж горло пересохло!

Он подошел к ней, встал на носки и поцеловал в подбородок.

– Все, ты теперь наша, – и добавил с киношным американским акцентом: – Никуда не уходи, детка, мальчики скоро вернутся!

И мы оставили ее там. Оззи довез нас до Вест Энда, и Лексо раздобыл таблов, после чего мы поехали обратно в наш клуб в Паудерхолле. Когда-то это был типа пул-бар, он уже давно закрылся, но у нас были ключи. Пока Демпси открывал пиво, Оззи поставил танцевалочку.

– Ваше здоровье, пацаны!

Она осталась там связана, задыхаясь от рыданий, изо всех сил стараясь выровнять дыхание. Она боится даже попробовать пошевелиться, она не знает, когда мы вернемся и вернемся ли вообще. Я хотел, чтобы мы выпили все поскорее. Я хотел спасти ее.

– За шлюх, которых рано или поздно приходится учить! – предложил тост Оззи.

– За шлюх! – хором повторили мы и чокнулись бутылками.

Ей не пошевелиться, по голым ногам течет наша молофья. Что она чувствует с петлей на шее?

Я ужасно стремался, что с ней что-то случится, впрочем, как и Демпси: это была его квартира. Лексо и Оззи, похоже, было по хуй. Лексо почувал мою тревогу.

– Ну чё ты как пидор, Стрэнжи? Для нее это будет хороший урок. Будь ты мужиком.

– Ты же не знаешь... может, ей пиздец... может, она уже никогда не сможет с парнями встречаться. – Он бросил на меня испепеляющий, полный презрения взгляд.

– Если она и не сможет заниматься этим, то только потому, что лучшего секса у нее никогда не было и не будет, – остальные не дотягивают.

Лексо хотел еще выпить, но мы уговорили его ехать обратно. Он завел машину и поехал через весь город к Демпси на хазу. Мы еще не доехали, когда Лексо притормозил.

– Ну... – слабо застонал я. Что он задумал?

Она умерла. Упала и задохнулась. Мы ее убили. Я уже знал это. Она просто сдалась и повесилась. Бороться – чего ради?

Я знал, что она уже мертва.

– Ну что, Лексо, в чем дело? – простонал Демпси.

Лексо указал на компашку пьянчуг, сидящих на скамейке посреди безлюдной аллеи. Они пили крепкое пиво из больших банок.

– Надо поприветствовать.

– Что? На хуя! – выдохнул я.

– Надо быть вежливым, – ответил Лексо, выходя из машины. Оззи тоже стал выбираться.

Настроения у нас особого не было, во всяком случае у меня и у Демпси, но мы тоже вылезли из машины, решив, что так легче будет заманить этих уродов обратно. Мы подошли к синякам, те смотрели на нас с опаской.

Их было трое – два мужика и женщина. Один был грузный, здоровый, с седыми кудрями, но удивительно мягкими, хитроватыми глазами. Другой, как я понял, был намного моложе, чем я думал. Его лицо, бледное от выпивки и холода, было украшено шрамами и какими-то струпами. Волосы у него были темные и густые. Лицо выражало легкое недоумение, обычное для алкашей, которые еще недостаточно приняли, чтобы их унесло.

Я хотел вернуться к ней. Вдруг она освободилась, может, ее кто-то услышал. Полиция...

– Итак, джентльмены, – начал Лексо и, повернувшись к женщине, улыбнулся, – и леди, конечно.

Женщина тоже оказалась не старая, тощая и бледная, ей было едва за тридцать. Короткая стрижка, волосы сальные, но одежда на ней была приличная, и вроде даже чистая.

Они еле слышно, как-то уклончиво поздоровались.

Оззи взглянул на женщину.

– Как тебя зовут; крошка?

– Ивона, – ответила она.

– Недурна, это верно, – улыбнулся мужик постарше и поднял свою банку.

– Не сомневаюсь, ты отлично трахаешься, Ивона, – Оззи подмигнул ей.

Мужик постарше сузил глаза, поморщил губы, втягивая воздух.

– Грубовато, – горько усмехнулся он, глядя на меня. Мне понравился этот старикан, мне даже захотелось защитить его от парней.

– Может, возьмем Ивону с собой, на нашу вечеринку, а, Лексо? Замутим лесбийскую тематику. Ты когда-нибудь с телками трахалась, а, Ивона? – спросил Оззи.

Ивона не ответила, просто осталась сидеть на скамейке, между двумя мужиками. Тот, что постарше, смотрел в сторону.

– Отстань ты от нее, – сказал Демпс.

– Что если бы тебе пришлось трахнуться с девочкой, Ивона, ну представь; то есть я не спрашиваю, стала бы ты с ней трахаться или нет, просто предположим, что тебе надо ее трахнуть, чем бы ты это делала, пальцами или языком? – докапывался Оззи и стал пихать свой палец в кулак и быстрыми змеиными движениями высовывать язык. Девица пожалала плечами и уставилась в землю.

– Отъебись ты уже, Оззи! Давай, пошли! – закричал Демпс.

Я должен был ее увидеть. Мне было это необходимо. Нам нужно было вернуться.

– Может, поцелуешь меня, а, Ивона? – не унимался Оззи. Он наклонился к ней, она отвернулась, но он все лез; в итоге она застыла и позволила поцеловать себя в губы. Лексо громко улюлюкал и пил «Карлсберг особое» – молодой отдал ему свою банку.

– Не так уж и страшно, правда? – сказал Оззи. – Как в Новый год. На Новый год все целуются с незнакомыми на улице, везде. Как славно быть милым... а сиськой не мелькнешь, а, Ивона? Ну, ради пацанов!

– Да отъебись ты, Оззи! – сказал я.

– Заткнись, Стрэнжи, – рассмеялся он, – я просто предлагаю Ивоне выбрать: мелькнуть сиськой или поехать с нами на вечеринку. Ну так, что, Ивона?

Дрожащими руками женщина расстегнула несколько пуговиц на своей блузке – на нее было жалко смотреть – и, быстро вытащив грудь, прикрыла ее. Оззи заржал, Лексо с отвращением отвернулся.

Вдруг Ивона вскочила на ноги, и только тогда я понял, что произошло, – Лексо дал молодому по роже.

Когда его кулак дошел до цели, голова парня затрещала. Он стоял с улыбкой и, не разжимая кулаков, резко рассекал воздух, останавливая удар в сантиметре от лица этого придурка. Молодой прикрывал лицо рукой, продолжая сидеть, он трясся от боли и страха. Я хотел, чтобы этот урод поднялся

и побежал, или дал Лексо сдачи, предпринял хоть что-нибудь, а не сидел как баран. Мужик постарше отвернулся и закрыл глаза.

– А такое видел, а, приятель? – рассмеялся Лексо. – Слишком много пьешь, от того и тормозишь. Уверен в свое время, ты был суровым соперником, а?

Прикрывая лицо руками, этот придурок выдавливает из себя жалкую улыбку. Лексо играючи бьет коротким правым по руке, прикрывающей лицо.

– А вот так... вот так... – говорит он и шлепает парня по лицу левой, – а теперь вот этой... – смеется он, помахивая рукой. – И опять, и снова. – Он опять с отвратительным хрустом бьет левой по лицу молодого, а потом еще раз правой.

Глядя на все это, я уже готов был запинать урода напрочь: ну что он сидит на скамейке, как полный мудака, и со спокойствием овцы выносит незаслуженное наказание; уж лучше вырубить его по-быстрому, чтобы избавить от такого унижения. Мне нужно идти, я должен ее увидеть. Молодой обеими руками обхватил голову, но Лексо потерял интерес, он наблюдает за Оззи, который обжимает Ивону. Я смотрю на старика и пожимаю плечами – он, похоже, напуган. Я пытаюсь послать ему импульс, мол, все в порядке, тебя никто не тронет.

К нему подходит Лексо, вынимает бумажник и сует в руку пятерку:

– Твоему приятелю, на опохмелку. Болеутоляющее, – улыбается он.

– Я чеканил монеты в Розисе, – говорит старик, принимая деньги.

– Руки у тебя сильные, – улыбается Лексо.

– Министерство обороны. Это была альтернативная служба, – говорит он.

– А ты не знал такого Бенни Портеуса?

– Да... конечно, знаю! – глаза старика загорелись.

– Он мой дядя. Он тоже чеканил монеты в Розисе.

– Мы с Бенни работали вместе много лет! А я Алек. Эк Лоусон, передавай привет своему дяде.

А чем он занимается? Где работает?

– Ничего не делает. Дурью мается.

– Это на него похоже. Так не забудь – Эк Лоусон!

– Не забуду, Эк, – сказал я, мне нужно было идти.

– Смотрите мне тут! – рявкнул Лексо, и мы вернулись в машину. – Что ты там вытворял с этой старой сукой, грязный ублюдок? – потешался он над Оззи.

– Могли бы прихватить ее с собой, посмотреть, как бы нашей шлюшке понравилось, если бы эта синюха стала ее облизывать, – осклабился Оззи.

Я прямо видел, как в голове у Лексо прокручиваются варианты.

– Итак, – сказал он, – нам нужна дисциплина, мать вашу. А то все как-то сложновато, опять же копы.

– Это же полный бред! Они еще могут позвать полицию. Этот синечина легко может заявить... на хуй тебе это нужно? – сердито заворчал Демпс.

Мы сели в машину. Мы возвращались к ней. Пожалуйста, пусть она будет жива.

– Никаких копов они звать не станут, придурок ты худосочный, – с издевкой отпарировал Лексо.

Лексо повернулся к нам, сверкнув широкой улыбкой.

– Это всего лишь небольшая прелюдия, для повышения тонуса, чтобы как следует оттарщить нашу шлюшку!

Мы с Демпсом сидели на заднем сиденье, я взглянул на его лицо: рот искривлен, а зубы скрипели так, что было слышно; глаз не видно из-за длинной челки. Мы вернулись к нему на квартиру примерно через час после того, как отчалили.

Пока мы шли по лестнице, меня мучили кошмары, я дико боялся, что она повесилась, пытаюсь высвободиться.

Меня аж трясло. Я взглянул на Демпса, он отвел глаза. Оззи открыл дверь на кухню. Она была там. Какую-то секунду она была настолько неподвижна, что, казалось, будто она висит. От невыносимой волны ужаса, прошедшей сквозь меня, я едва не закричал, но тут она повернула голову и посмотрела на нас глазами, полными страха и мольбы. Она все еще была жива.

Мы сняли ее со стула, но обратно в спальню не повели. Вместо этого Лексо притащил оттуда матрасы и разложил их на полу.

– Здесь лучше, – улыбнулся он, – в перерывах между уроками сможем смотреть мультики.

Я ничего не употреблял, а вот Лексо и Оззи схавали по таблу экстазина, и все трое снюхали по паре дорог спида каждый, так что мы просто решили оставить ее при себе и иметь, сколько влезет. Я вымучил еще один разок, а вот все остальные фачили ее ночь напролет. Демпси и Лексо вставили ей одновременно в обе дырки.

– Я чувствую твой перец, Лексо, – ловя воздух, сказал Демпс.

– Я твой тоже, – подтвердил Лексо.

Демпси поставил на видеке «Лучшие голы Хибз», и мы смотрели, как Джордж Мак-Класкт разделал Данферм-лайн на их же поле.

– Выебывается много... – прокряхтел Лексо, едва ли не в сотый раз за эту ночь выпуская заряд ей в прямую кишку. Когда нам надоедало ее по-всякому фачить, мы смотрели видеак или ставили музыку. Так мы посмотрели «Кошмар на улице Вязов-2», у Демпса была кассета.

Утром мы заставили ее принять душ, а потом полежать в ванне, проследив, чтобы она тщательно подмылась. Она стала такой покорной сломанной и несчастной, что я пожалел, что мы ее не прикончили. Она скрестила ноги и прикрывала грудь руками, как делали узницы в фильмах про концлагеря. Тело ее, всегда такое красивое, гибкое, соблазнительное, когда она танцевала в обтягивающей легкой одежде, теперь казалось разбитым, испорченным, костлявым.

И тогда я понял, что мы наделали, что мы на себя взяли. Красота ее была не во внешности и не в физической привлекательности, а в том, как она двигалась, как преподносила себя. Ее уверенность, гордая осанка, живость характера, бесстрашие, нечто даже более основательное и менее поверхностное, чем все эти качества, делали ее красивой. Это была ее суть, ее мироощущение.

Как мы посмели? Мы не понимали... я не думал... Всё, хватит. Отвлекись на минуту. Иди

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

настолько глубоко, что я вижу Сэнди Джеймисона, который сидит возле нашей палатки на лесистом склоне, террасами поднимающемся от озера.

– Сэнди, старичок, а ты думал, чем заняться после того, как все это кончится?

– В итоге, думаю, займусь чем-нибудь подобным. Мне хотелось бы до какой-то степени оставаться в игре...

Видишь ли, не могу представить, как я сижу, потягиваю пиво в пабе. Мне не хватало бы всей этой camaraderie, это не просто ванна, в которой кроме тебя еще несколько голых мужчин... что-то не так, Рой?

– Пойду пройду, Сэнди, или поищу хвороста для костра, – сказал я. Я нервничал, мне было не по себе, я хотел избавиться от всего этого.

– Супер-дырка! – крикнул Сэнди и подмигнул мне, когда, раздраженный, я стал удаляться. О чем это он?

В полусознательном состоянии я все шел, пока не обнаружил, что удаляюсь все дальше в лесную чащу. Тогда я присел на корточки на полянке и попытался собраться с мыслями. Однако мысли уносили меня обратно, к моему прошлому, уносили к воспоминаниям о другом мире-назад – наверх, в другой мир.

что это за мир?

Город. По пустынным улицам города едет машина.

Неприятно резкий дневной свет.

Мы довели ее до центра, и она пошла домой. Чтобы сообщить в полицию, ей понадобилось несколько дней. Мы отрететировали нашу версию – «честно-откровенно». Мы выпивали, употребляли наркотики, в общем, у нас была вечеринка. Она была непрочь повеселиться, и двое из нас имели особый успех. Только утром, когда мы стали в шутку называть ее грязной шлюшкой, она обозлилась, ее всю перекосило, и у нее начался этот бред с изнасилованием. Мы избавились от всех видеокассет, которые смотрели, и записей, которые слушали той ночью, чтобы она обломалась, если расскажет копам.

Нас вызывали на допросы, но все мы были тертые калачи, ветераны отказа. У них не было шансов вытянуть из нас хоть что-либо, тем более в присутствии нашего адвоката. В защитники мы наняли Конрада Дональдсона. К. А. Дональдсон – лучший в городе адвокат по уголовным делам – уверил нас, что состава у них нет. Нам оставалось только сдерживать свои нервы. Хотя формально нам было предъявлено обвинение, нас это особенно не беспокоило. Копы зря теряли время, они работали без

души. Больше всего меня осуждали мои домашние.

– Ну вот, дожили, мой мальчик – извращенец, – говорил отец, – Большой человек, обыкновенный преступник, знаешь-понимаешь.

– Да она же сама, пап... ну и Лексо немного переборщил, но она все это начала... она сама хотела... – оправдывался я.

Помню, как Бернард поднял бровь и скорчил недовольную гримасу на своей пидорской харе. Уж гомиков это касается в последнюю очередь. Я хотел уничтожить этого сладенького, вычеркнуть его из жизни. Однако мама поспешила на мою защиту:

– Наш Рой не из таких, Джон! Не такой он человек!

– Да заткнись ты Вет, знаешь-понимаешь, замолчи! – рывкнул отец, глаза его побагровели. Он повернулся, и я почувствовал, как ко мне возвращается детский страх перед этими безумными фонарями, которые будто просвечивали меня насквозь, зондировали мою душу... – Я задам тебе один вопрос, и больше ничего спрашивать не буду. Ты трогал эту девочку? Ты обидел ее?

– Папа... да все не так было... я ее не трогал... я просто был там, когда она на всех тыкала пальцем. Эта девица, она безумная, накачалась наркотиками и хотела трахнуть со всеми сразу. А потом, утром, кто-то назвал ее шлюхой, я, конечно, понимаю, так нехорошо, но она обозлилась и стала вымещать на всех и каждом. Я-то ее пальцем не тронул...

– Вот как это было! – заорала мама на Джона. – Это же шлюха! И эта шлюха хочет разбить моему мальчику всю жизнь! А ты будешь стоять и слушать, как эта шлюха поносит твоего сына, твою плоть и кровь!

Джон сам насаждал дома эти идеи, он всегда говорил, что Стрэнги должны держаться друг за друга, и Вет усвоила основы этой высокой морали.

– Я этого не говорил, знаешь-понимаешь, я – ничего такого... не имел в виду, знаешь-понимаешь, я совсем другое имел в виду...

– Он хороший парень, Джон! Работает... с компьютерами... машина будущего. Мы учили его только хорошему! Во всем виноваты эти уроды, с которыми он связался, эти футбольные придурки...

Глаза отца вспыхнули, как огни рампы, а кадык заходил, как буй в бушующем море.

– Надо с ними переговорить, мать их растак... пойду возьму свой дробовик...

К счастью, рядом оказался Тони, он приехал с сыном, малышкой Серджио.

– Нет, Джон, не стоит. Любое вмешательство только усложнит ситуацию. Дело в суде, это может только навредить.

Пока отец медленно постигал смысл сказанного, лицо его подергивалось. Потом он задышал учащенно, и я решил, что сейчас он ударит кого-нибудь из нас, но тут он, похоже, успокоился.

– Навредить делу... и то верно, Тони... н-да. Хорошо, сидим тихо. Стрэнги будут биться в суде, там и посмотрим, кто кого, да-да, в суде, знаешь-понимаешь.

Он сжал мне руку, в пылу едва не поломав мне кости.

– Я просто должен был спросить. Я должен знать наверняка. Хотя я в тебе и не сомневался, ни на минуту. Я просто должен был спросить, чтобы услышать это из твоих уст, да-да, из твоих уст, знаешь-понимаешь. Ты ведь меня понимаешь, сынок?

Я кивнул. На самом деле едва ли я понимал вообще что-либо. Я не понимал, от чего мне так плохо. Я возненавидел эту шлюху, я возненавидел всех, кто до меня доебывался. Я был против всех. Я, Рой Стрэнг.

Я не понимал, почему, когда бы я о ней ни подумал, мне хочется сдохнуть.

Я же ничего такого не делал.

– Мы очистим твое честное имя! Мы будем держаться все вместе, мы – Стрэнги! Мы победим! Рой, Вет, Тони, мы победим!

Помню, как он потрясал в воздухе кулаком.

17. Терпимость «ноль»

Много воды утекло, пока дело не попало в суд, и конца-края видно не было. Работать я не мог, поэтому взял отпуск за весь год и месяц просидел дома. Ким составила мне компанию: ее застучали, когда она залезла в кассу, и уволили из булочной. Мы сидели дома и курили сигарету за сигаретой. До этого я никогда не курил, хотя бы потому, что дома у меня курили все. Мне не нравились курильщики, сигареты я называл «пидореты», и мне казалось, что их курят только пидоры и грязный, про-

горклый, смолистый дым окутывает их.

И вот, пожалуйста, я сам закурил.

Никогда еще я не чувствовал себя таким опущенным, таким опустошенным. Сидеть, смотреть телик – вот и все, на что меня хватало. Ким беспрерывно говорила, повествуя исключительно о своих парнях. В итоге я перестал понимать, что она говорит, не мог разобрать слов, и единственное, что я слышал, было беспрерывное ээууууээээуууу-уээээууу – монотонный носовой звук на заднем плане. Такой вот непрекращающийся, набивший оскомину саунд-трек к моей депрессии.

Куда бы я ни пошел здесь, в районе, даже выйдя в магазин, я чувствовал, как все смотрят на меня, и я знал, что они шепчут себе под нос:

– Тупорылый Стрэнг – животное, мутант, психопат пизданутый, насильник, падаль...

Выходил я как можно реже.

Но не мог же я всю жизнь просидеть взаперти. Меня это ужасно угнетало. Я пытался поддерживать контакты с пацанами по телефону, но Лексо и Оззи было не застать, они постоянно тусовались, устраивали махачи, ходили на вечеринки, как будто им по хую, что там произошло. Демпс, как и я, засухарился. Услышав мой голос по телефону, он вешал трубку. Потом он перестал подходить, а вскоре и вовсе отключил линию.

Я чувствовал себя узником этого грёбаного психдома. Днем меня доставала Ким, но депрессия примирила меня с ее нытьем, к тому же это еще была хуйня по сравнению с тем цирком уродов, представления которого начинались, когда мама приходила от стариков, у которых она работала, а отец возвращался из магазина Джона Мензиса. Он обычно приходил попозже, так как при первой же возможности брал сверхурочные. К счастью, Бернард наконец-то снял квартиру, зато Тони захаживал к нам частенько.

Однажды папа вернулся с работы в особенно приподнятом настроении.

– Поймал тут одного малолетнего ублюдка, хотел спереть комиксы. Он сразу в слезы, разревелся, знаешь-понимаешь. С этого все и начинается, Вет, вот они – уголовные элементы, знаешь-понимаешь.

– Несчастный малыш...

– Я ему говорю, ты, говорю, еще не вырос, а уже обманываешь, воруешь. А сам еще от горшка два вершка, знаешь – понимаешь!

– Какая до-са-а-да... – застонала Ким, – совсем еще ребенок...

– Да ну, не в этом дело, Ким. Я сделал это для его же блага. Психология, Ким, тут понимать надо, психология: отпустишь в первый раз – он так ничему и не научится. Доброта в строгости, знаешь-понимаешь, в строгости доброта. А что, надо было попросту отпустить его? А что если бы кто-нибудь увидел? Я бы потерял работу. Так надо было отпустить? Я тебя спрашиваю? Я должен был отпустить его?

– Нет... но... – запротестовала Ким.

– Никаких «но»! Если бы я лишился работы – что бы тогда с нами стало? Слава Богу, есть здесь хоть один человек, который может как следует справиться со своей работой! Знаешь-понимаешь!

Такой вот бред происходил беспрерывно.

Но хуже всего было то, что старик смотрел грёбанный телик всю ночь напролет, создавалось впечатление, будто он вообще не спит. Страдая бессонницей, вызванной депрессией, я спускался в гостиную и находил его там бодающим ящик. Малейший шум с улицы, и он бросался к окну посмотреть, что там происходит. Он постоянно пополнял свои файлы и даже завел новую папку для жителей дома напротив.

Я решил еще раз ознакомиться с плодами его трудов.

23/8 МЭНСОН

Донна (17 лет): мать-одиночка

Соня (меньше полугода): дочь

Мне всегда жаль этих молоденьких девиц, хотя большинство из них идут на это ради квартиры, которую им выдают грёбанные коммунисты из горсовета. Девица вполне приличная, ребенок всегда чистенький. В таких ситуациях обычно возникает опасность наркотиков, слишком много подонков увивается за девицами с квартирой.

Вердикт: возможная угроза наркотиков. Продолжать наблюдение.

Папа стал членом общества под названием «Муирхаус против наркотиков», председателем которого был Джеф – отец Брайана, а секретарем – Колин Кэссиди. Джеф, видимо, и не подозревал, во что он вписывается, когда принимал этих придурков.

– Я собираю информацию, да-да, у меня есть подробные файлы на многих жителей нашего района. Я готов предоставить их в распоряжение нашего общества в любой момент, – выпалил однажды мой папаша.

Общество против наркотиков стало для отца постоянным предметом для обсуждения.

– Я считаю, Джеф, что дела в Муирхаусе дошли до того предела, когда уже пора снять розовые очки и принимать серьезные меры. Выживать из района всякую шваль – это не решение, горсовет все равно засунет их обратно. Все, что нам нужно, – это пятеро молодцов с дробовиками, как у меня. Нужно просто пройтись по району и разнести их всех в клочья, знаешь-понимаешь, на корм собакам. Вот это я понимаю, так бы и поступили в нормальном мире.

– Э... да, Джон, – нервно отвечал Джеф, – но мыто живем в ненормальном мире...

– Кому ты это говоришь! Вот, пожалуйста, мой сын: работает, спец по компьютерам, а в районе на него смотрят как на прокаженного, и все из-за какой-то шлюхи. А вокруг ошиваются всякие джанки; копы их охраняют, а гребаный горсовет платит им пособие и носится как курица с яйцом! Дробовик – вот единственно правильное решение, дробовик, знаешь-понимаешь! И вот что я тебе еще скажу, Джеф: я бы прикончил всю эту шваль наркоманскую, а потом пошел бы напрямик в горсовет и расправился бы со всеми этими мудаками! Вот так, будь уверен! Наркоманы, матери-одиночки – всё это только симптомы болезни, да-да, всего лишь симптомы, знаешь-понимаешь. Источник же заразы заседает в городском муниципалитете. Ох, ублюдки, дождутся они у меня!

Идти мне было некуда, но, когда начинался этот бред, дома я тоже не мог находиться.

В итоге я рискнул и, выйдя из дома, сел на автобус до центра. Я прогуливался по Принцесс-стрит, когда мое внимание привлекли несколько огромных черных плакатов с большой белой Z посередине. Они были расклеены на щитах вдоль улицы со стороны сада.

На первом было написано:

ТЕРПИМОСТЬ «НОЛЬ»

Z.

У МУЖЧИНЫ НЕТ ТАКОГО ПРАВА.

Мне показалось, будто кто-то сильно ударил меня в живот: мне было не вздохнуть, казалось, кровь перестала поступать в голову. Я стоял на Принцесс-стрит, меня трясло.

– ЧТО ОНИ ПОНИМАЮТ! ОНИ ЖЕ НЕ ЗНАЮТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ! ОНИ НЕ ЗНАЮТ, КАК ВСЕ БЫЛО! – неожиданно для себя заорал я, привлекая недоуменные взгляды украдкой посматривающих на меня торговцев и туристов, которые расступались, чтобы обойти меня. Группа японцев остановилась на несколько секунд, и один даже щелкнул меня на фотик, будто я уличный артист, разыгрываю перед ними представление.

– ИДИТЕ НА ХУЙ, УБЛЮДКИ УЗКОГЛАЗЫЕ! ПАЛАЧИ, МАТЬ ВАШУ! – заорал я. Они повернулись и поспешно ретировались, наверняка кроя меня по-японски.

Я успокоился и пошел дальше. Вдоль всей Принцесс – стрит были расклеены эти гребаные плакаты. Каждый слоган ракетой разрывал мне голову, но я не мог пройти мимо, не прочитав их:

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СИЛОЙ – ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Z.

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ.

КОГДА ОНА ГОВОРIT НЕТ – ЭТО ЗНАЧИТ НЕТ.

Z.

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ.

Были еще и другие, с фотографиями детей. Детей, которые уже имели несчастный опыт сексуального насилия, из чего следовало, что наш поступок сравним с тем, что эти больные уроды вытворяют с детьми... с тем, что произошло между мной и Гордоном там, в Южной Африке... когда я хотел пожаловаться, а он говорил, что я грязный мальчишка и мне никто не поверит...

НЕТ

Перебежав улицу, я оказался на Роуз-стрит и зашел в первый попавшийся паб. Молодой бармен взглянул на меня с опаской, видимо, он признал во мне одного из кэжуалсов. Я заказал двойной виски и зыпил залпом. С непривычки меня сразу стало мутить, пил-то я в основном только «Беке». Я оглядел пивнуху: все стены были обклеены фестивальными афишами, анонсами этих пиздошоу, на

которые ходит одно мудачье. И тут я снова увидел плакат с литерой Z, двумя играющими девочками и надписью:

К ПЯТНАДЦАТИ ГОДАМ ОДНА ИЗ НИХ
УЖЕ ПОДВЕРГНЕТСЯ
СЕКСУАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ
Z.

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ

Я прямо вылетел из паба и заглянул в следующий, пот лился с меня градом, в голове бил колокол. Я осмотрел стены – никаких Z-плакатов. Я заказал виски и «Беке» и присел за столик в углу. В пабе было полно народу – время обеда. Я был настолько погружен в собственный мир, что не обращал внимания на окружающий меня гул голосов.

– Что, не отдыхаете, Рой? – Я обернулся и увидел перед собой седого краснолицего мужика в костюме и при галстуке. Это был мистер Эдварде, мой босс, скорее даже, босс моего босса.

– Э... ну да...

– Я просто подумал, что на время отпуска ты мог бы найти место поэкзотичнее, чем ближайший к офису бар, – самодовольно ухмыльнулся он.

Я даже не сообразил, что нахожусь в двух шагах от работы. В «Скотиш Спинстерс» работали ужасно скучные уроды, я никогда не общался с этими тусклыми слизняками из среднего класса.

– Э... ну да...

– Да, простите, это Рой... ммм... Рой. Он работает в отделе Колина Спроула, – обратился Эдварде к здоровенной корове в костюме и с тоннами макияжа на лице; рядом стоял худой мужичишка в «двойке», с темными набриолиненными волосами и в усах.

Мы обменялись кивками.

– Рой и его ребята отлично справляются со своей миссией – вытащить нас из каменного века в новую, захватывающую эру безмятежности и новейших технологий, не так ли, Рой? – сказал он звучным театральным голосом, который является необходимой принадлежностью эдинбургского буржуа, желающего поупражняться в остроумии.

– Э... ну да... – протянул я под дружный смех.

– Так вы из команды Колина Спроула из отдела С. У.? – спросил набриолиненный мудака, как будто он чем-то недоволен. Что бы они ни говорили, этот резкий голос всегда звучит, как наезд. Мне хотелось ответить ему: нет, бля, я Рой Стрэнг. Рой Стрэнг, мать твою, из Хибз бойз. Мне захотелось разбить бутылку об его сраную башку и пропороть розочкой его чопорное брюхо.

Но я этого не сделал. С этим мудачьем у меня так: они не замечают меня, я не замечаю их. И тут я со всей ясностью понял: вот кого надо мочить. Не парней, которых мы метелим на матчах, не чувих, которых мы фачим, не собственных родителей, братьев и сестер, соседей, друзей, а вот этих уродов. Вместо этого мы хуячим друг друга, терроризируем своих, когда все дело в этих подонках. Хотя, с другой стороны, мы их просто не замечаем, даже когда они рядом.

– Ну да, Системное Управление... – все, что я мог сказать.

Системное Управление.

Почему я не мог больше выдать ни слова? Почему, чтобы быть собой, мне необходимо находиться в своей среде? Почему я не мог поставить этот паб на уши, как я делал это в рабочей пивнухе в Говане? Почему я не мог наехать на них как следует теперь, когда они рядом, ведь знаю же, что пересрут, суки, до смерти?

– У меня есть небольшой зуб на С. У. Вы знаете про систему посмертных выплат, которую устанавливали ваши ребята?

– Ну...

– Ну же, Том, – прервал его Эдварде, – Рой сейчас в отпуске, о работе ему говорить не хочется.

– Вы программист, Рой? – спросила меня корова в костюме.

– Ну да, системный аналитик.

– И вам нравится ваша работа?

– Ну да.

Да я ее ненавижу, эту работу гребаную.

Нет, не так. Ненавидеть сил не хватало. Работа была для меня просто местом, где ты сидишь целыми днями, потому что тебе за это платят. Находясь на работе, я дрейфовал в вакууме безразличия.

– Роя не так давно перевели из стажеров, не так ли, Рой? – ослабил Эдварде.

– Да-да, – ответил я, чувствуя, как что-то давит мне на грудь. В ушах как-то странно звенело, как после того, как выключишь телик. Я проглотил свой виски залпом. – Простите, я немного тороплюсь, – сказал я, поднимаясь. – У меня назначена встреча.

– Она, наверно, симпатичная – ты прямо так заторопился, – рассмеялся Эдварде.

Корова в костюме посмотрела на меня игриво, даже с легким оттенком кокетства, под которым она безуспешно пыталась скрыть свое презрение. Я выкатился из паба и пошел по улице к автобусной остановке – в ушах звенит – яйца звенят-мои

коки

мои

коки

Я делаю это для тебя, Рой. Я знаю – ты чувствуешь. Почему ты должен быть лишен сексуальных контактов? Я знаю, что ты чувствуешь, – я ходила на семинар «Сексуальность у инвалидов»... Я хочу, чтобы ты ощутил, Рой... Пусть говорят, что это не профессиональный подход, но ведь это будет нашей маленькой тайной. Я могу войти с тобой в контакт... твой член напрягается, когда я тебя так трогаю. Хочешь, я возьму его в рот? Хочешь?

Нет, Патриция, пожалуйста, не надо... не нужно мне этого...

– Вот что я сделаю, Рой. Я тебе отсосую...

Нет... кто-нибудь... помогите довольно

кончай

не надо

пожалуйста

кончай

ууууууууууууууууфффффф

– Мммм... сдается мне, кто-то кончил! Ты контактируешь, Рой! Ты выкарабкаешься!

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

И опять я в лесу, один. Я вздрагиваю, заметив, что весь в крови; я залит кровью с ног до головы. Медленно и глубоко я втягиваю воздух и на несколько секунд задерживаю дыхание. Я не чувствую боли и не вижу ран. Это не моя кровь. Определенно не моя. Иду по темному следу в глубь леса, вдруг слышу какой-то шум: ломая ветки, кто-то движется мне навстречу через подлесок. Я бегу.

Бегу через кустарник, пока не натыкаюсь на тропу, которая ведет меня до берега озера. Озеро прекрасно. Я захожу в мягкие теплые воды и смываю кровь. Потом я вынырываю, выхожу из воды на жаркое солнце, иду дальше по следу к нашему лагерю и тут натыкаюсь на Сэнди; он выглядит ужасно растерянным.

– Рой! С тобой все в порядке? Какого черта, что там произошло?

– Сэнди... я не знаю... я зашел в лес, и вдруг мне стало плохо... Я согнулся, присел и вроде как потерял сознание, а очнулся весь в крови, как будто на меня напало какое-то животное, или еще кто... ничего не помню.

– Боже мой! Быстрее в лагерь! – Сэнди обхватил меня за плечи и придерживал, пока мы шли через лес.

Тут мы снова наткнулись на кровавый след.

– О черт! – вырвалось у меня. Мы взглянули вверх – на ветвях, лицом вниз, висело обнаженное тело мальчика-аборигена. Тело было прикрыто листвой и ветвями кустарника; глаза выбиты, гениталии изуродованы.

– О Боже! – произнес я. У меня было ощущение, будто мне засунули в рот кляп, эта странная сухость во рту, но в обморок я уже не падал. Только увидев брошенные в кусты голубые штанишки, я понял, что это был наш знакомый мальчуган.

– Держу пари, это дело рук террористов, – задумчиво произнес Сэнди. – Я даже не осмелюсь обвинить в этом наших друзей аистов Марабу. Обрати внимание, глаза как будто выбиты клювом Марабу, а может, охотничьим ножом... купленным в лавке на Лейт Уок...

– О чем ты говоришь, Сэнди, это пиздец... его отыме-ли, врубаешься? Его отымели!

– Желтая карточка, мать вашу, строгое предупреждение, – простонал Сэнди.

Что за дерьмо? Что со мной происходит? Что случилось, когда я пришел домой из города, где мне встретились гондоны из офиса

вверх

вверх

вверх

Помню.

Я помню, что там было.

Я отлично все помню.

Когда я вернулся, казалось, дома никого нет. Потом со второго этажа стали доноситься голоса, хихиканье. Я пошел отлить и, проходя по коридору, услышал из комнаты Ким вздохи и стоны – кто-то забрался к ней в койку и выдавал ей по самые гланды. Сомневаться не приходилось – это был кто-то из местных. Я сделал себе тосты и врубил телик, приглушив звук, но сразу выключил – одна из девиц в сериале была похожа на нее.

Минут через двадцать спустилась Ким. Увидев меня, она испугалась, очевидно, она не слышала, как я вошел. Тут я понял, чего она так пересралась, – сразу за ней в гостиную вышел Тони. Он был в костюме и на ходу затягивал галстук.

– Хелло, Рой.

– Тони... – начал было я.

– Тони зашел на чашку чаю, – нервно захныкала Ким.

Ну да, зашел на чай, а ты ему и поебаться завернула.

– Мне на самом деле стало херово, – хмуро повел головой Тони, – это все обивка на новой машине – у меня на нее аллергия. Мутит, и все такое. Пришлось прилечь немного. И тут приходит эта цыпа, – он кивнул на Ким, – и давай меня щекотать.

Врать Тони умеет. При любой возможности он обманывал свою жену много лет. Он готов был трахнуть все, что движется.

– Я просто хотела помочь Тони, поухаживать... – неловко оправдывалась Ким.

Она не умеет врать.

Мы договорились опрокинуть по паре пива и пойти на матч на следующих выходных, предварительно созвонившись, после чего Тони свалил. Сидеть в гостиной и видеть перед собой Ким – это было выше моих сил. Ее тупая башка, похожая на огромную картофелину, ее вопиющий кретинизм были мне отвратительны. Я пошел наверх и, войдя в свою комнату, с удивлением обнаружил, что реву, обливаясь слезами.

И где это видано? Как так можно жить?

Раньше я никогда не плакал, с тех пор как был еще совсем маленьким. Плакать я отучился в детстве, когда Джон и Вет не обращали на слезы никакого внимания или даже лупили, так что плакать не имело смысла, – слезы не имели никакого эмоционального веса. Теперь мне было очень приятно, как будто я излечился. Я сдался, расслабился, и весь этот кошмар вытекал из меня со слезами. Это был не Рой Стрэнг.

Это был не топ-бой. Это был даже не Тупорылый Стрэнг. Я не понимал, кто я такой, мне было плевать.

До суда только однажды рискнул я выйти на улицу, чтобы навестить Элджина. Что заставило меня пойти к нему? – не знаю. Уже давно я перестал думать о нем как о своем брате, едва ли я вообще когда-либо испытывал к нему братские чувства, и мне было неприятно, когда Джон или Вет вспоминали о нем. Для меня он был не более чем существо, которое ходило под себя, пускало слюни и задавало вопросы на никому не известном, тайном языке.

И снова я шел по району, не чувствуя ног. Я видел, как все местные ублюдки, обитатели этой выгребной ямы, уставились на меня. Меня устраивало, когда вокруг все перешептывались и, показывая на меня глазами, говорили: «Кажуалс»; это означало, что со мной лучше не связываться, но теперь от них доносилось: «Насильник», а это было хуже, чем «Тупорылый».

Приехав в ИНТЕРНАТ ДЖОРДЖА ВЕНТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ, я увидел перед собой не то мужчину, не то мальчика, я не понял: это был человек без возраста. Голова его была невиданных размеров. Моя репа, картофелина Ким, даже тыква старика бледнели и казались ничтожными рядом с эдакой башкой. Элджин все так же без конца пускал слюни, даже больше, чем тогда. Я забыл, как он выглядит, забыл выражение его лица, может, я даже никогда и не смотрел на него. Такие дела: прожили в одном доме столько лет, а я так и не посмотрел ему в лицо. То есть я его,

конечно, видел, но разглядеть его так и не потрудился. В лице его не осталось ничего человеческого. Элджин просто сидел на стуле и выстукивал по ляжкам монотонный ритм.

Говорить с ним я даже не пытался; у меня не возникло никакого желания испробовать формалистского кала, пройдя фэйковую процедуру, которую так называемые «специалисты» называют общением, терапией, важнейшим взаимодействием. Это не было нужно ни мне, ни Элджину. Я просто сидел и смотрел на него. Я не знал, где он витает, но, сидя перед ним, обдумывая свое положение, я понимал, что где бы он ни был, в таком дерьме, как я, он вряд ли окажется.

Накануне суда Джон и Вет понесли еще один удар. Мы узнали, что Ким залетела. Я подозревал Тони, но из районных парней Ким не вставил только ленивый, во всяком случае, такое складывалось впечатление. Ни ее в том вина: она была доверчивой, впечатлительной девочкой. Что за лезть? Она была просто толстокожей коровой, и такой твердолобой, что голову ее можно было поставить вместо бетонного столбика в многоэтажном гараже. Джон был в бешенстве:

– Чей он? Я тебя спрашиваю, Ким! Чей он, знаешь-понимаешь!

Тони, обычно торчавший у нас днями и ночами, теперь заглядывал все реже, а Ким все помалкивала. Ее трагедия, которой она, похоже, упивалась, меня особо не беспокоила. У меня были свои проблемы.

Наш защитник, Конрад Дональдсон, был в высшей степени уверен в успехе. Среди адвокатов ему не было равных. Для оплаты его услуг мы создали фонд, которым совместно управляли Гоусти и партнер Лексо по мебельной коммиссионке в Лейте, псих Бегби. Владельцы клубов и питейных заведений были только рады внести лепту в гонорар адвоката Дональдсона.

Дональдсон был краснолицым мужчиной с отвисшим ртом и резиновыми губами.

– Изнасилование – забавная штука, – рассказывал он нам в своем офисе в Нью Тауне. – Изнасилованный первым делом стремится уничтожить все следы, которые оставил на нем насильник, он просто смывает с себя все. Потом обычно проходит немало времени, пока жертва придет в себя, оправится от шока и заявит в полицию. Там ее допрашивают, что обычно окончательно выбивает ее из колеи. Однако ваша девчужка, похоже, понапористей. Могу только предположить, что кто-то ее науськивает. Она в очень скользком положении. Даже если копы пошлют ваше дело в суд, в более чем тридцати процентах случаев прокурор просто не инициирует судебное разбирательство. Даже в противном случае лишь четверть подсудимых признается виновными, притом чаще всего приговор сводится к сексуальным домогательствам и почти каждый второй избегает содержания под стражей. Говоря статистически, насильник, попавший в тюрьму, – просто невезучий. Так что ваши шансы сесть очень невелики.

– Дело в том, что мы-то никого не насиловали, – улыбаясь, сказал Лексо жуящим резинку ртом.

– Разумеется, – отозвался Дональдсон скучающим тоном. То, что он не верит ни единому нашему слову, было ясно как день.

Он объяснил нам, что у обвинения нет конкретных доказательств, никто не может сказать, что существуют улики, которые свидетельствовали бы о том, что она была изнасилована или задержана против воли.

– Для девчужки это похуже минного поля. На ее месте я бы туда и носа не казал. Не знаю, кто это ее надомил, не иначе какая-нибудь лесбийско-феминистская шаражка решила превратить дело неудачливой шлюшки в публичный процесс. Что ж, шансов у нее либо очень мало, либо никаких. Я могу с уверенностью утверждать, что она не выиграет, если только мы не проиграем, если не допустим ошибок. Так что я рассчитываю на ваше примерное поведение, пар-ни; Положитесь на меня, и мы вздрючим ее как следует, – закончил он, довольный собой, и губы его, расплывшиеся было в улыбке, обвисли, когда он понял двусмысленность своей метафоры.

Я съезился и отвел глаза, но что-то заставило меня взглянуть на Лексо, который лишь ухмыльнулся и тихо произнес:

– По новой.

Демпс закатил глаза, а Оззи заржал.

– Еще один весьма благоприятный фактор, – поспешил заметить Дональдсон, – это судья. На воззрения судьи Эрмисона очень повлияла его уголовная практика пятидесятых, когда ведущей в школе криминалистики была фрейдистская модель, которая, в сущности, опровергала изнасилование как преступление, доказывая, что жертвы нет как таковой. Женщины по природе своей склонны к мазохизму в сексе; следуя этой логике, мы приходим к выводу, что изнасилование невозможно, так как

это прямо противоречит утверждению, что все женщины на самом деле только этого и ждут.

– И я так считаю, – высказался Лексо. – Подумать, так все очень даже просто. У парня перец, у девчонки пихва, они просто предназначены друг для друга.

– Верно, – отрезал Дональдсон, и на его губах впервые заиграла гримаса отвращения, – Я думаю, мы поняли друг друга.

На время суда нам пришлось отвыкнуть от роли топ-боев. Теперь мы были не Лексо, Стрэнджи, Оззи и Демпс, а Алекс Сеттерингтон – бизнесмен (у Лексо была мебельная коммисионка в Лейте), Рой Стрэнг – системный аналитик в одной из уважаемых эдинбургских страховых компаний, Ян Озмотерли – менеджер по продажам, занятый в крупной сети розничной торговли по всей Британии, и Алан Демпси – студент. Демпс записался на курс социальной защиты в Стивенсон колледж. Студент производил лучшее впечатление, нежели безработный на пособии.

Таким образом, она выступала против нас четверых. Дональдсон описал нас как «далеких от того портрета буйных футбольных хулиганов, который так неубедительно пытался нарисовать мой ученый друг; на самом деле это приличные молодые люди, без всяких отклонений, крепкие профессионалы с отличными перспективами, все из хороших семей».

Краем глаза я заметил, как мой старик, услышав это утверждение, решительно закивал на весь зал: да-да, мол, – все правильно.

Наибольший урон ее делу нанесли бесчисленные показания парней с вечеринки, свидетельствовавшие, что она заигрывала со всеми подряд и была сильно нетрезва. То же показали и несколько женщин: это были девицы топ-боев, которых мы проинструктировали заранее, либо просто ревнивые коровы, ведь она могла вскружить голову кому угодно.

У нас были свои отработанные приемы, своя организация, мы были спокойны и хладнокровны. В суде Лексо обернулся эдаким добрым великаном, ну прямо мальчик из церковного хора: злобное выражением лица исчезло, он немного нервничал и смущался, но был вежлив и почтителен к суду.

И главное – у нас был лучший адвокат. Конрад Дональдсон мастерски и безапелляционно расставил все акценты в судебном разбирательстве. В итоге казалось, что судят не нас, а ее: разбирались ее прошлое, ее сексуальная жизнь, ее поведение. В суде она выглядела как-то очень странно, заметнее всего это было по походке. Ходила она так, будто центр тяжести в ее теле необратимо сместился; так ходят больные, перенесшие операцию, оправляясь от хронической и, в конечном счете, смертельной болезни.

После длительного обсуждения Дональдсон добился своего и закрепил несколько ключевых позиций:

Было установлено, что: на вечеринке она танцевала с несколькими мужчинами.

Придурок из Юридической поддержки, представлявший ее интересы, этот неопытный заика, пытался сказать, что все, включая нас, обвиняемых, танцевали с несколькими партнерами. На вечеринке почти все запитали либо табл, либо марчелло; все, кроме меня, – я не употреблял наркотиков. Я ненавидел ощущение оторванности, когда ты теряешь контроль над собой. Когда выходишь из-под контроля, может произойти что-то нехорошее, как на той вечеринке. Ну да, там все друг с другом танцевали, это была одна из тех еще вечеринок. Было видно, что этот дряхлый мудозвон – судья – все никак не мог представить, что такое возможно.

– Когда я ходил на вечеринки, дамы редко танцевали медленные танцы с несколькими кавалерами, – сказал он.

Было установлено, что: она была вызывающе одета.

Обычные шмотки из модных магазинов мисс Селфиш, Челси Герл, Икс-айл. Все женщины на вечеринке были одеты примерно одинаково.

Было установлено, что: она имела сексуальный опыт.

Сексуальный опыт имели девяносто девять процентов присутствовавших в суде, и она, наверное, менее обширный, чем кто бы то ни было. Однако, основываясь на признании, что у нее было уже два молодых человека, и на показаниях целой тусы кэжуалсов, которых мы притащили засвидетельствовать свои сексуальные контакты с потерпевшей, Дональдсон разделал ее под орех. Помню, как этот ее мудила пропихнул, что история ее сексуальных отношений, какой бы ошибочной она ни оказалась, отношения к делу не имеет.

На что Дональдсон лишь грустно покачал головой:

– Мой ученый друг должен признать, что такова установленная практика, позволяющая принимать свидетельские показания, основываясь на предположении, что предыдущий сексуальный опыт

заявителя может оказаться весьма существенным для самого предмета судебного разбирательства. В этом, собственно, и состоит суть вопроса, предмет спора.

После чего запустили еще несколько кэжуалсов.

Затем Конрад Дональдсон перешел к вопросам о «мазохистских фантазиях» – стандартный прием, как он объяснил нам позднее. Эта уловка окупилось с лихвой, когда один из ее бывших парней, чувак по имени Брюс Джербер, нанес ей серьезный удар, заявив, что она время от времени говорила о таких «мазохистских фантазиях». На самом деле, возможно, именно из-за него мы и выиграли дело.

– Полагаю, она говорила, что ей нравится дразнить парней, нравится опасный флирт, – свидетельствовал он, – Мне было неприятно, когда она стала водиться с кэжуалсами.

– Вам было неприятно, потому что вы чувствовали, что с этими молодыми людьми она воплотит свои мазохистские фантазии?

– Наверно... – он пожал плечами, – ...не знаю, просто я видел, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Но что-то же натолкнуло вас на эту мысль, откуда-то взялось впечатление, что «ничего хорошего из этого не выйдет»? – подзуживал его Дональдсон.

Желчный Джербер был к тому же напуган. Он знал, что с нами лучше не связываться.

– Она просто... она стала вести себя как шлюха! – выпалил он.

Придурок из Юридической поддержки, пытаюсь исправить ситуацию, только усугубил ее.

Затем Дональдсон представил «специалиста», который заявил, что групповое изнасилование является обычной для женщин сексуальной фантазией. В подтверждение чего он ссылаясь на множество научных трудов, некоторые из которых он охарактеризовал чуть ли не как «феминистские». Из чего наш защитник сделал следующий вывод:

– Свидетели показали, что эта юная особа, будучи эмоционально незрелой, идя на поводу у своих инстинктов, вела себя таким образом, что ее заигрывания можно было расценивать как проявление определенного рода сексуальных фантазий.

– Даже если допустить, что утверждение защиты верно, – вмешался ее представитель, – наличие таких фантазий никак не предполагает их воплощение. Она сказала «нет»!

– Все четверо обвиняемых утверждают обратное, – напирал Дональдсон, – Кроме того, это противоречит выводам, которые мы можем сделать из свидетельских показаний. Находясь в компании молодых парней, флиртуя со всеми и с каждым, не дала ли она повода к случившемуся? Не было ли это на самом деле воплощением фантазий мисс Икс уже на этапе заигрывания?

Он держал паузу, вопрос повис в воздухе, и я видел, как правильные и безыскусные головы присяжных впитывают его как губка, брошенная в теплую ванну.

Было установлено, что: находясь в состоянии опьянения, она откровенно заигрывала с несколькими мужчинами.

Что было верно для любой из присутствующих дырок.

Она заявила, что ей «подсыпали наркотик». Однако было установлено, что мисс Икс употребляет наркотики регулярно.

На допросе она призналась, что покуривает марихуану, но тут же заявила, что химически синтезированные наркотики никогда не употребляла. Основываясь на этом, Дональдсон закрепил положение о том, что она-таки принимала запрещенные наркотические средства. Это подвело черту. Я отчетливо видел, как это отразилось на лице судьи, – он сморщил губы.

Было установлено, что: она по собственной воле и без принуждения пошла в спальню с Озмотерли.

После того как мы подсунули ей кислоты, она совсем с катушек съехала, она была готова пойти с кем угодно и куда угодно.

Все дело в том, что после всего она тщательно подмылась, и мы старались не оставлять никаких следов. Выводы медицинской экспертизы были неубедительны.

Дональдсон развеял все обвинения в пух и прах. Тщательно выстраивая ключевые положения, он запустил механизм, необратимое движение которого питали его пышная риторика и мастерская манипуляция законом; жернова этого механизма размолотили всю их защиту. «Защиту», потому что, как я уже говорил, с самого начала было очевидно, что судят не нас, а ее. Таково было общее ощущение. Причиной такого положения вещей был прежде всего сам порядок проведения подобных разбирательств, к тому же ее адвокат был слабым оратором и не обладал даром убеждать, что еще более усугубило ее положение. Он не смог возбудить сочувствие суда и даже не пытался делать резких вы-

падов, чтобы очернить нас.

Таким образом, Дональдсон установил, что веских доказательств насильственного вступления в половую связь просто не существует. Оззи заявил, что она согласилась вступить с ним в анальный контакт.

– Я не очень-то и хотел, во всяком случае, не так... но она как будто подзадоривала нас, чтобы посмотреть, как далеко мы пойдем. Она была сильно пьяна и, кажется, приняла... что-то. Я не очень-то разбираюсь в наркотиках, но было похоже, что она под кайфом...

Лексо, простите, Алекс Сеттерингтон, признал, что имел с ней половой акт, с ее на то согласия.

– Думаю, «согласилась» – это еще мягко сказано. Она, скорее, «настояла», – проговорил он, скроив постную мину.

Демпси проделал то же самое, а Стрэнг заявил, что он пытался и она была не против, но он был слишком пьян.

На скамье подсудимых я вел себя хуже всех. Я сильно нервничал. У меня просто язык не поворачивался, но потом меня вдруг понесло:

– Я не хотел этого. Все происходящее казалось мне каким-то бредом. Это было ужасно. Одно дело, если бы мы были вдвоем, но она хотела всех и каждого. На моем месте мог бы быть любой, она просто смеялась над нами, – изрек я обвинительным тоном.

– Ваша честь, надо мной она тоже потешалась, – подхватил Оззи. – Она была вне себя. Все это было для нас так унижительно. Хотя некоторых это не сильно волновало. Есть парни, которые считают: «Перепихон на то и перепихон». Я так не думаю. Мне не нравится, когда надо мной смеются, если у меня не встает.

Все это время она сидела как зомби. Заметно было, что она пьет успокаивающее, что не избавляло ее от частых срывов. Я старался на нее не смотреть; из всех нас только Лексо не сводил с нее глаз. Лицо его было грустным, время от времени он покачивал головой, как будто спрашивая: «За что? За что нам все это?» Он отлично вжился в роль жертвы.

Подводя итог, адвокат Конрад Дональдсон сказал следующее:

– Было установлено, что мисс Икс находилась в состоянии опьянения, и, как и большинство людей в подобных обстоятельствах, не вполне владела чувствами. По отношению к обвиняемым она была настроена воинственно, проявляла агрессивность, воспринимая их как объект насмешек. Не владея собой, она позволила вступить с ней в сексуальный контакт, притом что в обычных обстоятельствах она бы такого согласия не дала. Некоторые члены суда присяжных, возможно, сочтут поведение кого-либо из обвиняемых безнравственным и циничным по отношению к нетрезвой и ранимой молодой женщине, готовой вступить в половой контакт, однако в то же время, как показывают многочисленные свидетели, в тот момент ее настроение было далеко от той печали и подавленности, которую мы наблюдаем сегодня здесь, в зале суда. Но безнравственное и циничное поведение, свидетельствующее о том, что многие расценили бы как недостаток сексуальной культуры и безразличие к чувствам окружающих, несравнимо с отвратительным преступлением, подразумевающим преднамеренное наркотическое отравление, насильственное удерживание и многократное групповое изнасилование. Именно в таком ключе присяжные должны расценивать данное дело.

Так оно и было. Нас признали невиновными.

Тут я взглянул на нее: выражение ее лица было таким же, как тогда, ночью. Она бросилась отцу на шею.

Лексо подмигнул и послал ей воздушный поцелуй. Тогда поднялся ее брат и стал кричать на Лексо; пришлось вывести его из зала суда в принудительном порядке.

– Этому гондону не жить, – на ходу прошипел мне Лексо сквозь сжатые зубы, и его злобная гримаса мгновенно выскочила из-под маски добродушия.

Покинув здание суда, мой старик стал лупить кулаками воздух, празднуя победу.

– О Британском правосудии можете говорить что угодно, все равно оно остается лучшим в мире! В других странах невинные парни сгнили бы за решеткой! Да-да, Вет, знаешь-понимаешь, в другой стране их бы упекли за решетку... случись это в Африке.

После чего он сомкнул стальной хват на шее триумфатора Дональдсона и стал рьяно трясти его руку.

– Блестящая победа! Блестящая, бля, не могу! – твердил он. – Как сказал великий человек: никогда еще на поле человеческих конфликтов так много людей не были так многим обязаны столь немногим.

– Спасибо, – отрезал Дональдсон.

– Послушайте, сегодня вечером мы собираемся отпраздновать победу у нас дома. Ну, в новостройках, Муирхаус, знаете? Будем рады, если вы зайдете к нам на огонек. Ничего особенного не будет, так, посидим, выпьем немного. Ну, вы знаете, Муирхаус – это недалеко от Сильвернгоуза, если ехать по трассе D.

– Муирхаус... медленно повторил Дональдсон, –...простите, но я вряд ли смогу приехать. Я сейчас очень занят.

– Могу себе представить, приятель. Все равно, отличная работа. Уверен, вы с самого начала поняли, что наш Рой – умный парень, с головой на плечах. Он ведь компьютерщик: за ними будущее, они нужны стране, а эта мох-натка хотела засадить его в тюрьму...

– Ну, слава Богу, до этого не дошло, – выдавил из себя улыбку Дональдсон.

– Это все благодаря вам, знаешь-понимаешь, все благодаря вам. Чудо – охуеть, простите за выражение.

Мне пришлось удалиться, он вел себя как мудака, делал из меня посмешище. Мы с парнями пошли в Дикон – выпить за победу. Были только я, Оззи, и Лексо; Демпс сразу пошел домой.

– Получила, мандавоха! – орал Лексо.

– Мы конечно немного разошлись, но она сама напросилась. Ей еще повезло, что попались такие, как мы, мы ее только немного проучили, а ведь могла бы напороться на какого-нибудь крэйзанутого, йоркширского потрошителя, например. Вот как она должна об этом думать, – сказал Оззи.

– Это точно, она еще легко отделалась, – улыбнулся Лексо.

Я чувствовал себя иначе и оставил их под предлогом, что должен пойти отметить с домашними. Я зашел в другой бар, выпил пару стопок в одно жало и вернулся домой, когда партия была в полном разгаре. Алкашки – залейся, было даже кое-что дунуть. Батя пристрастился к пыхте через Тони; это пошло ему на пользу, немного успокаивало, смягчало его норов. Шалу он наркотиками не считал.

– А вот и виновник торжества! – воскликнул он, обхватив меня рукой, и я почувствовал себя в стальных объятиях удава. – Твоя невиновность доказана, сынок! Тебя признали невиновным, еб твою! Британское правосудие! Британское правосудие, знаешь-понимаешь!

Он врубил на полную громкость победные речи Черчилля, и в скорости от него уже доносились всхлипывания. Дядя и тетя Джеки подперли его с обеих сторон. Сотрясаясь от чувств, он поднял свой бокал и прокричал:

– ЭТО ВСЕ ЕЩЕ ВЕЛИЧАЙШАЯ В МИРЕ ДЕРЖАВА!

Большинство гостей одобрительно закивали, думая, что он говорит о Шотландии. Я был одним из немногих присутствующих, которые знали, что он имеет в виду Британию.

18. В бегах

Я пытался устроиться на работу где угодно, только бы скрыться из этого города. Сделать это оказалось гораздо сложнее, чем я думал: я чувствовал себя так хреново, что даже заполнение анкеты стоило мне больших усилий. Справившись с анкетой, я испытал чувство облегчения и был приятно удивлен, когда меня утвердили в должности. Меня взяли в одну из строительных контор Манчестера. Зарплата была чуть меньше, но мне нужно было уехать, я должен был скрыться, деньги не имели значения.

– Как же так, сынок? Почему это ты должен бежать! Это на нее, на эту шлюху, распутницу чертову все должны показывать пальцем, а не на тебя, честного трудягу.

– Честного трудягу и крутого пацана, как и его отец, – высказался папа. Он все еще работал в магазине Мензиса.

– Но, ма, я устроился там на хорошую работу. После этой истории я больше не могу здесь оставаться.

На работе все были в курсе. Я поговорил со Спроулом, и он предложил мне взять двухмесячный отпуск за свой счет. Однако мне нужно было начать все с начала, подальше от всех этих мудаков.

– Расправил крылья, э? Яркие огни, шикарные перспективы, все такое, – подтрунивал Тони. Он был у нас со своими мальчишками Марчелло и Серджио.

Перспективы, которых мог ожидать от Манчестера этот ебака, меня не интересовали.

– Да нет, я просто хочу уехать, начать новую жизнь. Надоело с кэжуалсами якшаться, хватит с

меня. Слишком хлопотно.

– Ничего более здравого я от тебя не слышал вот уже много лет, Рой. Вот это верно, знаешь-понимаешь, – поддержал старик.

– Но Манчестер, Джон... – заныла мама. Мысль о том, что кто-то из нас окажется вне пределов досягаемости, пугала ее. Тони жил неподалеку и постоянно торчал у нас; Бернард, хоть он и снимал квартиру в центре, постоянно ссорился со своими сожителями-пидорасами, и после очередного крушения его частенько выбрасывало к маме с папой.

– Да ведь ты сама сбежала в свое время в Италию, – сказал отец. Он так и не простил маму за то, что она смылась тогда с итальянцем, но теперь это почему-то стало волновать его больше, чем когда бы то ни было.

Начавшаяся перепалка не стала неожиданностью. Они расходились все пуще, пока батя не заорал:

– ХВАТИТ, ВЕТ! ХВАТИТ, ЕБ ТВОЮ!

Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Итак, мы с Сэнди видели, как в небе кружили Марабу, но оказалось, что они углубились в лес значительно дальше, чем мы полагали. Такое впечатление, что они зависли не над коттеджем 1690, а над доусоновской секретной базой в джунглях. Не смотря на это, мы отправляемся в коттедж 1690; по дороге Сэнди рассказывает мне очередную львиную историю:

– Этот участок леса с его непредсказуемыми густыми подлесками и открытыми тропами напоминает мне места, где между мной и Джонни Львом произошла особенно рискованная потасовка.

– Ну? – в нетерпении откликнулся я, заталкивая в рот целый шоколадный батончик: на жару они таяли, поэтому приходилось есть целиком. Затем я зажевал рулет с джемом, при этом прослойка джема была очень странной на вкус и походила на микстуру от кашля; а Сэнди все травил свою байку.

– Мы возвращались в наш лагерь после месячной экспедиции в глубь джунглей. Начинало темнеть, а мы еще не добрались до места назначения. Аборигены стали нервничать, и я, как руководитель группы, принял решение выдвинуться, оставив носильщиков и навьюченных ослов на ночлег. Со мной отправился только мой верный пес Глэдстоун.

Ни о какой собаке Сэнди раньше не упоминал, это меня смутило, но я не стал его прерывать.

– Глэддерс залаял, я стал всматриваться, пытаюсь обнаружить, на кого, и разглядел только смутные очертания какого-то животного. Оно двигалось в темноте сквозь заросли камыша, растущие вдоль устья высохшей реки, которая пересекала нашу тропу. – Хватит, малыш! – рявкнул я, предполагив, что мой верный друг снова учуял дичь. Спустя секунду я снова разглядел эту фигуру. Это была не антилопа, ничего подобного, это был гребаный лев, и он несся прямо на меня.

– Пиздец! И что ты сделал?

– Времени что-либо предпринять у меня не было. Я почувствовал удар, как будто меня сбила машина на скорости, а когда очухался, меня уже волокли по земле, правая рука и плечо зажаты в звериной пасти, а сам я – тело и ноги – барахтался между тушей льва и тропой!

– Майн гот!

– По пути зверюга топтала меня передними лапами, оставляя солидные царапины на внешней стороне бедра, штаны мои были разорваны в клочья. Волоча меня, тварь то рычала, то мурлыкала, как голодный кот в предвкушении кормежки. А лакомым кусочком был, между прочим, ваш покорный слуга!

– Боже! Рискованная заварушка, Сэнди.

– Еще бы! Казалось, выхода нет. Но тут я вспомнил про свой восьмидюймовый тесак; свободной рукой я вытащил его из кожаных ножен, подвешенных на груди, и выбрал место для удара. Зверь остановился, готовясь то ли поменять хват, то ли приступить уже к трапезе, как тут я дважды засадил ему промеж лопаток. Он выпустил меня, но не отступил, а стоял надо мной и рычал. Тогда, собрав последние силы, я пырнул его в горло. Поток крови обрушился на меня, и я сообразил, что этот, видно, удачный удар поразил крупную вену или артерию. Тварь отскочила на несколько метров, а я, с трудом поднявшись на ноги, стал крыть его трехэтажным матом. Через несколько секунд этот каннибал стал медленно удаляться, время от времени оборачиваясь и огрызаясь на меня.

– Вот это да, Сэнди! Сразиться в рукопашной со львом – вот это смело!

– У меня не было выбора, Рой. Отвага тут ни при чем. В подобных обстоятельствах человек поступает, повинаясь исключительно основному инстинкту – древнему инстинкту самосохранения. Рука моя была изранена, и я с большим трудом забрался на ближайшее дерево; и очень правильно сделал, так как вскоре подоспел второй лев, который расправился с Глэдстоуном, и я был вынужден наблюдать, как вместе с раненым мною зверюгой они попиروвали моим малышом.

– Душераздирающее зрелище, – произнес я как можно более сочувственным тоном, но не смог удержать проскользнувшую нотку радости. Смерть его собаки почему-то подняла мне настроение: в Африке с человеком происходят непонятные вещи; может, из-за жары, или это тишина, окутывающая землю, когда солнце закатывается за горы, леса или горизонт. Темной африканской ночью в джунглях не слышно ни шороха; чтобы поверить в это, надо оказаться там самому. Я предпочел бы не задумываться о том, какое влияние оказывала на меня Африка.

– Всю ночь я просидел на этом гребаном дереве, – продолжил Сэнди свою историю. – Аборигены нашли меня на рассвете. Они отнесли меня в лагерь, перевязали раны и только через два дня доставили в больницу. Раны мои засорились, и я подхватил заражение крови из-за остатков гниющей плоти, застрявшей под когтями той зверюги. Но все мои раны – ничто по сравнению с бившей меня лихорадкой... черт!

Наш джип опасно вильнул, когда одним из передних колес в полутьме мы наехали на камень. Быстро справившись с управлением, Сэнди остановил машину, чтобы прийти в себя. Мертвая тишина ночи нарушалась лишь нашим тяжелым дыханием и мягким шуршанием летучих мышей, которые, летая низко над озером, время от времени целовали гладкую поверхность, потягивая чистую воду. Мы решили сосредоточить все наше внимание на дороге. Я сменил Сэнди за рулем.

Когда мы приехали, неподалеку от коттеджа 1690 горел костер. Доусон с важным видом расхаживал вокруг, а двое аборигенов стояли, обхватив дерево обеими руками. Подойдя, я обнаружил, что Доусон и Дидди, раздев их догола, привязали к дереву запястьями друг к другу.

– Рой! Сэнди! Вы как раз вовремя. Мы тут собираемся показать некоторым из наших так называемых «бунтовщиков», что значит переходить дорогу Локарту Доусону.

Одного из пленников мы с Сэнди узнали даже со спины и без одежды.

– Сэнди, смотри! – шепнул я.

– Ну вот мы и встретились, дружок, – улыбнулся Сэнди, изучая обнаженную фигуру Мозеса, парня, который спер все наше снаряжение.

– Да уж, это точно! И теперь при обстоятельствах, более благоприятных для нас! – торжествующе пропел я.

Мозес обернулся и умоляюще посмотрел на нас.

– Только не это, – взмолился он.

– Ты еще благодарить меня будешь, – широко улыбнулся Доусон и облизнулся. Он подошел к другому аборигену и, выдавив колбаску вазелина, стал размазывать его по черной заднице. Я так понял, что он готовит его к порке, и был, признаться, немного удивлен, когда Доусон вытащил свой затвердевший член и стал обмазывать его. После чего он глубоко засадил палец аборигену в сфинктер. – Туго, как я люблю, – сказал он.

– Помнишь, я всегда тебе говорил: сжимай задницу крепче, – прошептал Дидди, карлик-лакей, обращаясь к Сэнди.

Сэнди оставил его без ответа.

– Некоторое сопротивление абсолютно необходимо, не правда ли, Рой? – обернулся ко мне Доусон с широкой улыбкой на лице. – Так или иначе, но только преодолевая оказываемое ему сопротивление, человек может прочувствовать свою силу. Сила не останавливается до тех пор, пока не оскудевает. Давайте, Рой, Сэнди, скидывайте штаны и вставайте в очередь.

Мы расстегнули ремни и спустили шорты. У меня был полувялый, зато у Сэнди дрын уже горел, я должен был остановить это...

– ДОУСОН! – крикнул я, когда он уже готов был вставить.

Он притормозил и обернулся ко мне.

– Нет у нас времени на такие игры! Время дорого! Аисты Марабу – мы знаем, где они!

– Хорошо, если так, мистер Стрэнг, – рявкнул Доусон, запихивая свой опадающий в шорты. – Дидди, следи за изменниками, но до моего распоряжения и пальцем не трогать!

Он указал на коттедж, и вверх – стычкой между тут началось-я поднимаюсь вверх

Это было только начало.

родителями дело не закончилось.

Мама села в кресло, как сжатая пружина, лицо ее пылало. Уставившись в ящик, она нервно тянула сигарету. По Шотландскому телевидению шла одна из гнуснейших программ на гэльском языке, из тех, что показывают какого-нибудь урода, наряженного, как чертова кукла, и поющего какую-нибудь идиотскую песню на никому не понятном языке, а на заднем плане горы и реки. Я взглянул на старика и понял, что он держит ухо востро. Мы с Тони знали, что старушка взорвется с минуты на минуту.

Она начала издавать протяжный витиеватый звук, который перерос в жуткий ор; она кричала на телевизор:

– ШЛЮЮЮ-ХА ГРЁЁЁБА-НА-Я! СУУ-КА, ПОДСТИИИЛ-КА ЯПОНСКАЯ! Она нагнулась вперед и плюнула на экран. Жирная слюна заструилась по изображению Мэри Сэндмэн, гэльской певицы.

– Что ты делаешь, Вет? Что ты, бля, вытворяешь, знаешь-понимаешь?! Женщина поет себе гэльские песни, и больше ничего. Она, бля, песни гэльские поет! Чего ты взъелась? Я тебя спрашиваю!

– Эта шлюха нарядилась япошкой и пела «Мой японец»...

– Да нет же... это гэльская девица... ты не за ту ее приняла, Вет... это гэльская девчонка, наша, шотландка, никакая не япошка. Разве она похожа на япошку? Я тебя спрашиваю, она что, бля, на япошку похожа? – тыкал в экран отец.

Мама зло зыркнула на него и с ухмылкой указала на Мэри Сэндмэн.

– Она еще хуже, чем япошка! Япошка каким родился, таким и помрет, а эта блядь нарядилась япошкой, да еще прославляет этих пакостников, низкорослых ублюдков, палачей...

– В ее наряде нет ничего японского, Вет, это шотландская девушка, она ведет гэльские программы...

– Да нет, – вмешался Тони, – мама права. Она действительно пела «Мой японец». И в Шотландской десятке она выступала в японском костюме, помнишь?

– Ну да... припоминаю... – батя запел, а Тони подхватил:

Кто скажет мне, куда ушел любимый,

Мой японец?

Проснулась утром я – исчез любимый,

Мой японец.

Что я наговорила, натворила, что со мной?

О-о-о-о,

Ушел, исчез – и счастье он унес с собой...

– Заткнитесь, еб вашу мать! ЗАТКНИТЕ СВОИ ПОГАННЫЕ РТЫ, ПИДОРМОТЫ! – заорала мама.

– Это же всего лишь песня, Вет, песенка «Мой японец», – Джон примирительно выставил ладони.

Такая вот хуйня. Вот так вот мы жили.

Тогда-то я и слился.

Но от себя не убежишь ни в Манчестере, ни в собственной голове. Я увез ее с собой сюда, в своей башке. Она преследовала меня. Кошмары, кошмары с аистом Марабу

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

в кошмары

с аистом

Марабу

мы подошли вплотную к гнездовью, – сказал я Доусону, когда мы вошли в оранжерею коттеджа 1690.

– Марабу летают у нас над головами. Похоже, что, скорей всего, они находятся в районе вашей секретной базы, Локарт. Возможно, они ее заняли и стали там гнездиться, – объяснил Сэнди.

– Мой развлекательный комплекс... – Доусон едва не лишился дара речи, –...гнездо для этих монстров... Сэди... это, конечно, всё недруги Джамболы. Теперь мне все ясно. Они обвели Локарта

Доусона вокруг пальца. Что ж, мы им еще покажем...

Его бред был прерван звоном бьющегося стекла и какофонией неистовых криков, когда один, другой, затем еще несколько крупных Марабу, разбивая стеклянные стены, влетели в оранжерею.

Мы были безоружны, стволы остались в джипе. Услышав этот пронзительный лязг, мы инстинктивно отступили, и я уже хотел бежать к входной двери, как вдруг она неожиданно рухнула, и в проеме показался огромный монстр Марабу. Следуя за Доусоном и Сэнди, я побежал по шатким ступенькам в подвал, но Марабу погнались за нами, и мы оказались зажатыми в угол.

В подвале было темно и влажно. Под прогнившими половицами слышался шум бегущей воды. Несколько огромных Марабу окружили нас; они сжимали круг, шаркая и переминаясь, как отвратительные старые нищие. Запах паленого мяса ударил мне в нос. Мы были безоружны и беззащитны. Самый крупный из Марабу вышел вперед.

– Похоже, все складывается как нельзя лучше, а, пацаны? – заметила тварь.

Он оторвал большой кусок от окровавленного остова фламинго и проглотил его целиком. Другой стоял, зажав в клюве оторванную вместе с шеей голову фламинго. Меня стошнило.

Доусон весь напрягся и выдвинулся вперед:

– Как предприниматель, держащий контрольный пакет акций данного предприятия, заявляю, что в парке отдыха таким, как вы, не место, вам абсолютно наплевать на...

Черные, с бусинку, глаза Марабу остановились на нем:

– Заткни хайло, жирный мудак! Ты кто такой!?

Глаза Доусона быстро округлились от страха, пока раздражение не завладело им, прогнав испуг. Нервно подрагивая, он прошептал сквозь стиснутые зубы: – У вас, конечно, отсутствуют навыки ведения дискуссии...

к
о
н
е
ч
н
о

– Мне, конечно, было крайне сложно обратиться в полицию. Говорят, что их методы изменились, но ни понимания, ни поддержки я там не встретила. Чему их там учат? Позволь зачитать тебе советы офицеру полиции при допросе лиц, заявляющих об изнасиловании, опубликованных в Полис Ревью:

Необходимо иметь в виду, что, исключая совсем маленьких детей, изнасилование маловероятно без нанесения телесных повреждений. Если в участок приходит женщина с заявлением об изнасиловании и не демонстрирует при этом следов насилия, ее необходимо подвергнуть тщательному допросу. Дайте ей сделать заявление женщине-офицеру, после чего пройдитесь хорошенько по всем пунктам от начала до конца. При малейшем сомнении в правдивости ее показаний рекомендуется обвинить ее во лжи... будьте особенно внимательны, если девушка беременна или возвращается домой слишком поздно. Такие лица уже приобрели печальную известность, выступая с обвинениями в изнасиловании или нападении с сексуальными целями. Никогда не проявляйте сочувствия. Если она продолжает настаивать на своем даже после обвинения во лжи, это подтверждает правдивость ее показаний... настоящий следователь крайне редко вызывает симпатию у своих подозреваемых.

Но это все Лексо придумал... он все подстроил... я никогда даже...

– Вот так вот, Рой, мне не очень-то хотелось становиться подозреваемой, быть обвиненной во лжи после того, как меня держали взаперти, гнусно издевались, унижали, мучили. Я стала подозреваемой, и моя ложь доказана; доказана в суде. Меня до сих пор мучают воспоминания, Рой, а ведь прошло уже два года. Они никак не связаны с кислотой, которую вы мне подсунули. У некоторых они бывают и десять лет спустя. Это не проходит, Рой, никогда не проходит.

Это Лексо дал тебе кислоты! Это Лексо виноват! Алекс Сеттерингтон. Он и раньше этим баловался, он, может, до сих пор подсовывает девчонкам марки. Ты вряд ли вспомнишь, но я пытался остановить их! ДА-ДА, Я ПЫТАЛСЯ ОСТАНОВИТЬ ИХ! Я ГОВОРИЛ ИМ! ВСПОМНИ. Я ЖЕ ГОВОРИЛ!

ГЛУБЖЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ГЛУБЖЕ

Сквозь тонкие перепонки век я уже вижу свет... я сейчас открою, бля, глаза и уставлюсь ей

прямо в лицо... пожалуйста, не надо, нет ГЛУБЖЕ... я чувствую запах хлорки... гребаная больница...

– Я была душой; душой, что затеяла этот процесс, – это было еще хуже, чем само изнасилование. Судья. Хуже, чем гнусная шутка, которую вы со мной сыграли. Все было как в театре, где и актеры, и публика собрались, чтобы поиздеваться надо мной, унижить меня. Вот, что сказал судья Уайлд в Кембридже в 1982 году: "Дело не в том, сказала ли она нет..."

НЕТ

– дело в том, как она это говорит, какими действиями подкрепляет, как доводит до понимания.

НЕТ

– Если она не хочет этого, ей нужно всего лишь держать ноги вместе, и тогда, чтобы их раздвинуть, придется применить силу, отчего останутся следы насилия". Вот еще один хороший судья, прямо как наш Эрмисон. Так что я сама во всем виновата. Я просто недостаточно ясно сказала нет...

НЕТ

–...мне просто нужно было держать ноги вместе, плевать, что меня накачали наркотиками, поставили нож к горлу, нужно было держаться, даже если два мужика раздвигают тебе ноги...

НЕТ

НЕТ Нельзя мне теперь просыпаться.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Все, я ушел от тебя... Я скольжу вниз по стенке колодца, мимо моего выступления, минуя темный тоннель, выхожу в чистое голубое небо над тропической африканской саванной, здесь мои мечты, моя свобода... но вдруг все темнеет, и я снова в подвале, рядом Доусон и Сэнди, вокруг нас Марабу.

– Но мы же можем как-то договориться, – умоляет Доусон мертвоглазую тварь, – я человек далеко не бедный. У меня семья!

Огромный Марабу повернулся к своим друзьям и что-то пронзительно закричал. Воздух наполнился их истерическим визгом, летающими перьями и пылью, от всего этого поднялась такая мерзкая вонь, что я чихнул-

– Он пошевелился, бля буду, Вет! Наш парень шевельнулся, знаешь-понимаешь! Он вроде как чихнул, что ли! Рой! Ты меня слышишь?! Я тебя спрашиваю, сынок, ты меня слышишь?!

– Да не ори ты, Джон, наш мальчик болен, он еще не поправился, чтоб так орать.

– Но он же чихнул, Вет! Давай, быстро, ставь пленку, новую давай... я там пою «Рожден быть свободным», сынок. Это мой любимый фильм всех времен и народов. Помнишь, я показывал тебе его по видику! Любимый фильм, знаешь-понимаешь, вот это вот, помнишь: «Рожден быть свободным, свободным как ветер»... Эту песню Мэтт Монро пел, помнишь? Вспомни, Рой, кино: Джой Адамсон и ее мужик, как там его звали? Мужика Джой Адамсон? И все снято по реальным событиям. Там про маленького львенка, который вырос и стал большим львом. Ты меня слышишь, Рой?! Вспомни! «Рожден быть свободным!» Вет! Давай быстрее, ставь пленку!

– Да, ставлю, Джон!

Была бы рада убежать,

Но если не найдешь меня, умру я...

– Это опять ты, со своей гребаной Ширли Бэйси. Поставь там, где я пою «Рожден быть свободным»!

Если я не уйду глубже, я проснусь, на хуй... ГЛУБЖЕ

– Но это новая песня, это другая Ширли Бэйси...

– Да, но я рассказывал парню о фильме, он смотрел его по видику, он должен вспомнить. Джой Адамсон, он это часто смотрел.

– Нет, Джон, я не согласна... Наш мальчик вырос на песнях Ширли Бэйси, которые я ему пела, вот что ему надо ставить...

– Говорю ж тебе, «Рожден быть свободным»... я там еще пою Тома Джонса... «Гром и молния», тема из Джэймса Бонда. Да-да, «Гром и молния», знаешь-понимаешь. «Гром и молния».

Я предпочел бы встретиться с Марабу, чем слушать этих придурков...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Не могу я глубже...

– Поехали!

Где все лишь плетутся, он резво бежит,
Где все лишь болтают, он дело творит...

– Да-да, вот эта, Вет! Где я пою Тома Джонса... «Гром и молния», знаешь-понимаешь.

– Ну...

Он жадно глядит миру прямо в глаза,
Без промаха бьет, словно Божья гроза...

– Это одна из моих любимых бондовских тем, вот эта вот. Каков певец Том Джонс, а, Вет?

– Ну...

ИДИТЕ НА ХУЙ НА ХУЙ НА ХУЙ НА ХУЙ ИДИТЕ

– Шикарный номер, знаешь-понимаешь, шикарный.

– Мне эта песня на самом деле не очень нравится, Джон, у Тома Джонса мне нравится... «Вчера я ночевал в Детройте»

– Но послушай, Вет...

Любовным победам не зная конца,

НЕТ

НЕТ

Безжалостно он разбивает сердца...

Давно он забыл, что такое мольба,

И жизнь для него – означает борьба...

ГЛУБЖЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ГЛУБЖЕ

– Я, конечно, не оперный певец, Вет, я, скорее, эстрадный исполнитель. Мне больше нравятся задушевные баллады.

– Может, поставим теперь мою кассету, а, Джон?

– Задушевные баллады, знаешь-понимаешь.

– Мою кассету, Джон.

– Да-да, задушевные баллады.

ПОЖАЛУЙСТА, УХОДИТЕ

– Поставь другую кассету, Джон.

– Но... да, нам же надо идти, Вет. Нам уже надо двигаться, знаешь-понимаешь. Бывай, Рой!

Мама нагнулась поцеловать меня, и от запаха ее дешевых духов мне стало противно.

– Пакеда, любимый.

Спасибо, до свидания.

ПРОЩАЙТЕ.

19. Признания мисс Икс

Я чувствую, как ощущения возвращаются ко мне. Однако это за пределами восприятия. То, что она пришла, я знаю всегда раньше, чем она заговорит; сидит, наблюдает, забавляется. Я полностью в ее руках, как когда-то она была в наших. Как воспользуется она своей властью? Проявит ли она сострадание, или же она такая же, как мы? Или она – это то, что мы из нее сделали? Я знаю, кто ты, мисс Икс. Я узнал тебя, Кирсти.

Кирсти Чэлмерс, мисс Икс.

Но это не я... это Лексо. Я не хотел причинить тебе боль.

НЕ ВИНОВАТЫЙ Я, МАТЬ ВАШУ

Ты так себя вела

сама напросилась

мы же были в говно

ВИНИ ЖЕНЩИНУ

ВИНИ ВЫПИВКУ

ВИНИ ПОГОДУ

Z.

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ

Мне нужно уйти.

Я лишь дважды живу,

Или кажется мне:

Одна жизнь – наяву,

А другая – во сне...

– Музыкальный вкус у тебя странноватый, Рой Стрэнг; ты пизданутый во всех своих проявлениях.

ДА НЕ МОЙ ЭТО ВКУС, ЭТО ИХ КАССЕТА

Явь звучит в унисон

С мерным ходом минут,

Но является сон,

Что любовью зовут...

– Вот в чем прикол, Рой, Рой Стрэнг, ты мне на самом деле нравился. Бред, да? Я искренне считала, что ты не такой, как все. Ты казался мне симпатичным. Знаю, ты стеснялся своих ушей, это всем было понятно, но мне они нравились. Он похож на Шэйна из Rogues, говорила я. Ты привлекал меня – тихий, спокойный ты отличался от других: не такой самодовольный, задумчивый, глубокий. Ха-ха... Я думала, ты глубокий. В глубокой коме.

ГЛУБЖЕ

Незнакомка манит –

Поспеши ей вослед:

ГЛУБЖЕ

Если страх победит,

То любви больше нет...

ГЛУБЖЕ

– При этом я боялась заговорить с тобой. В отличие от остальных, ты не проявлял ко мне никакого интереса. Ты не смотрел на меня жадными глазами, роняя слюни. Я и общалась-то с этими придурками только ради того, чтобы сблизиться с тобой. Ну не бред ли?

Сон, останься со мной

Не во сне – наяву,

Не стою за ценой –

Я ведь дважды живу.

ГЛУБЖЕ

Я не могу уйти, не могу уйти глубже... черт... надо быть начеку, иначе я проснусь, кончится тем, что я вернусь в этот гнусный мир, что ждет меня там... зачем она говорит так обо мне, Тупорылом Стрэнге... зачем она врет, зачем ебет мне мозг...

– Я решила вас всех порешить, Рой. Твой приятель Демпси был первым. Это было так просто: я дождалась, пока он будет возвращаться из па-ба, куда последнее время он заходил все чаще, и переехала его на полном газу. Размазала его по дороге. Пару дней его еще продержали овощем, как тебя. Жаль, что он кинулся; хорошо было бы выложить вас всех в ряд, как продукты в витрине магазина – овощной отдел. Я бы смогла наблюдать за вами, когда захочется.

ГЛУБЖЕ

– Было бы здорово, если бы ты мог меня слышать, Рой, но что толку выдавать желаемое за действительное. Кстати, доктор Гросс сказал, что ты действительно проявляешь высокую степень осознанности, какую он раньше не наблюдал; он даже надеется, что ты когда-нибудь выкарабкаешься. Однако я бы на твоём месте особо на это не рассчитывала.

МНЕ НАДО СКРЫТЬСЯ

– Вот что я тебе скажу, Рой, даже если ты меня слышишь, ты до сих пор не понял, как я тебя ненавижу, насколько ты мне отвратителен. И я вряд ли смогу это выразить. Ты, наверно, даже не представляешь, насколько вы изменили мою жизнь; вы могли бы разрушить ее, если бы я поддалась вам. Я никогда не стану прежней, Рой. Мужчины и секс... это больше не для меня. Я кое-что испробовала на этом пути, Рой. Я такая как есть и ненавижу вас, за то, что вы со мной сделали; это глубокое, осознанное чувство. Чего бы мне больше всего хотелось, так это чтобы ты пришел в себя и объяснил мне, как нужно было меня ненавидеть, чтобы сотворить со мной такое. Что на тебя нашло? В чем проблема, еб твою, ты, овощ тоскливый, убудок звероподобный? Рой, за что ты меня так ненавидел?

Да нет же... Я хотел тебя... Я хотел, чтобы мы...

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

ЭТО ВСЕ ЛЕКСО... ЛЕКСО... ЭТО ОН СУКА ВСЕ ЗАМУТИЛ Я-ТО ДАЖЕ ПАЛЬЦЕМ ТЕБЯ
НЕ ТРОНУЛ ПОКА ОНИ НЕ ДОЕБАЛИСЬ Я СЕЛ НА ИЗМЕНУ ПРИССАЛ ЛЕКСО ОН ЖЕ ПИЗ-
ДЕЦ УБИЙЦА

Не стою за ценой –
Я ведь дважды живу.

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

на этот раз мне удалось скрыться... и Доусон, прыгая на месте, припадочно орет, как он не хо-
чет умирать, и потому мы проламываем гнилые половицы и бежим через какие-то катакомбы. – Обо-
ждите меня! – хрипит запыхавшийся Доусон, услышав крики преследующих нас Марабу.

Я все бегу и бегу, до тех пока не вижу ни зги – ни впереди, ни вокруг. Потом у меня вроде как
отказывают легкие, и я вырубаюсь. Меня посещает приятное видение, будто мы с Дори вдвоем, тан-
цуем в клубе, и прет нас как следует, я чувствую музыку всем нутром, чувствую волны энергии, ни-
чем не сдерживаемую радость... Я просыпаюсь, и лицо Сэнди принимает отчетливые очертания. Ве-
тер поднял пыль, и оттого мне режет в глазах и в горле. В руках у Сэнди ружье – помповый дву-
ствольный дробовик.

– Надо идти, Рой, – говорит он. Я легко встаю, и мы бежим к коттеджу, виднеющемуся в отда-
лении.

– Надо прикончить эту тварь, Сэнди, мы так близки к этому, хуйнем – решим все проблемы-я
поднимаюсь – Так близко к поверхности-Полнейший упадок сил, Рой, во всем я винила только себя.
Целый год мое состояние было ничем не лучше твоего – я была ходячим трупом.

ХУЛИ ТЫ ТУТ ДЕЛАЕШЬ КРОМЕ МЕНЯ И СЭНДИ ЗДЕСЬ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКОГО

СЭНДИ

Сэнди

Бриллианты бессмертны...

Бриллиант – то, что надо,

В нем игра и отрада,

Сэнди

Он меня не оставит,

Не солжет, не слукавит,

Не погаснет в ночи его свет...

Джеймисон

Бриллианты бессмертны...

С бриллиантом поладить

Нетрудно: вертеть его, гладить,

Изучать его грани,

Забыв об обмане:

Ничего в нем опасного нет...

Где ты, Джеймисон, мать твою...

20. Полиэтиленовый пакет как средство избавления

И в Манчестере я не смог от этого скрыться. Кошмары, представьте себе, хуже всего были кош-
мары, в которых ко мне приходили аисты Марабу. С чего бы это? Кто знает. Хрен поймешь, но это
были именно аисты Марабу. Я видел их в Южной Африке, в парке Крюгера – единственном месте
Республики, где их можно наблюдать в естественных условиях. Один Марабу забил фламинго – это
было ужасно. Когда я увидел, как он держит в своем клюве голову фламинго, оторванную прямо с
шеей, меня чуть не вытошнило. Красивой птицей фламинго не назовешь; этим глупым, уродливым
созданиям просто посчастливилось быть обладателями красивого оперения. Вглядитесь в лицо фла-
минго, и что вы увидите?

Увидите красивую пти

Увидите

Кровь фламинго, ее кровь. Ее кровь на мне.

Нет. Крови не было.

Только моя кровь. Моя кровь

когда он сделал это со мной в

городе зол-отые слова он вошьет тебе в ухо,

Но его ложь не скроет того, чего ты боишься,

Потому, что золотая девочка знает, когда он поцеловал ее,

Это был поцелуй смерти

Мистера Золотой палец.

Милая девочка, берегись его сердца из золота,

Это холодное сердце.

Я ПОЧТИ ЧТО ОЧНУЛСЯ, МАТЬ ВАШУ, ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ, И Я ОТКРОЮ ГЛАЗА...

Нет.

Ни за что. Это мой дом. Мое убежище, как и Манчестер.

Манчестер стал моим убежищем. Я спрятался от всех в своей квартире в Анкоатс, только на работу и выходил. Занимался я тем, что смотрел видео; кроме того, я снова стал читать, и не только по работе, типа «информационные технологии» или «разработка программного обеспечения», но и книги по политике и тому подобное, избегая, однако, изданий о природе и орнитологии. А так, вообще, я читал все подряд: кучу книг про Африку, империализм и апартеид. Я хотел вернуться в Южную Африку, но не в современную Республику, а в ту, которую я себе представлял. Но было поздно – белых выебков уже поперли. Вот и все мои занятия в Манчестере: я читал и был предельно замкнут.

Потом появилась она.

Я видел ее на работе, и даже знал ее имя. Она работала в пенсионном отделе, и звали ее Дороти. У нее для каждого была улыбка, да такая, что невозможно было не улыбнуться в ответ: не тупая безликая улыбочка вежливости, а настоящая, привлекающая улыбка, вызывающая реакцию. Так улыбаются люди, уверенные в том, что в каждом можно найти добро, и они обязательно его находят.

Это случилось, когда меня буквально в принудительном порядке заставили явиться на офисную вечеринку. Заставила одна корова средних лет, командирша, которой нравилось устраивать жизнь всех и каждого. В местах, где я работал, таких попадалось немало. Они считают себя дружелюбными и убеждают в этом окружающих, а на самом деле просто маньячат от неумемного желания манипулировать окружающими. Так как я был новичком, или, скорее, относительно новым сотрудником, она настояла на моем присутствии: так я, мол, смогу поближе познакомиться с коллективом. Меньше всего я хотел знакомиться с кем бы то ни было. Не знаю почему, но я пришел; возможно, я был настолько подавлен, что у меня не хватило силы воли отказать или придумать оправдание, которое мне пришлось бы представить в понедельник. И это я – Рой Стрэнг. Топ-бой. Ха-ха-ха.

В общем это была еще одна куча дерьма, в которую мне предстояло окунуться. Я взял себе «Беке», сел и, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания, стал время от времени поддерживать светскую болтовню. Мои собеседники без напряжения беседовали со мной требуемые приличиями пару минут, после чего удалялись, решив, что можно найти компанию поинтереснее. Складывалось впечатление, будто на голове у меня бейсболка с неоновой мерцающей надписью: ЗАТРАХАН.

Потом подошла Дороти и села рядом. Она улыбнулась, и я невольно улыбнулся в ответ; в груди у меня что-то отомкнуло, и я почувствовал облегчение.

– Встречаемся мы довольно часто, пришло время познакомиться. Я – Дороти из Пенсионного отдела. О черт, звучит так, будто я древняя старуха. На самом деле я Дороти из Уоррингтона. Ненавижу, когда меня спрашивают: «Чем вы занимаетесь?», сами-то они постоянно нудят о работе. Чем я занимаюсь? Я ем, сплю, писаю, какаю, занимаюсь сексом, вписываюсь, потом выписываюсь, хожу в клубы, этим, блин, и занимаюсь. Прости, меня уже понесло. Как тебя зовут?

– Э... Рой.

Дороти была симпатичной девушкой с приятным лицом и короткими светлыми волосами; достаточно симпатичной, чтобы назвать ее скорее пухленькой, чем толстой. Пьяной она не была, но что-то ее подпирало.

– Послушай, Рой, прости меня, но я обожралась экстазина по самое здрасьте. В клубе, когда на танцполе хорошая музыка, я никого не трогаю, я просто танцую. А в такой обстановке мне просто

хочется говорить со всеми подряд. Жизнь слишком коротка, нельзя все время быть сдержанным букой, так ведь?

Жизнь слишком коротка. Ее воодушевление было заразительным, и, несмотря ни на что, я получал удовольствие от разговора.

– А какой он оказывает эффект?

– Ты что, никогда не ел таблов? Я-то думала, вы там, в Шотландии, рэйветесь по-крупному.

– Да нет, мне инди больше нравится. К танцам я спокоен.

Я – настоящий уродец: коротконогий, а благодаря грёбаному Уинстону II, еще и хромой; спи спокойно, пес смердячий. Я всегда хотел танцевать, то есть танцевать по-настоящему, увлеченно, с азартом, но нет. Но вообще-то я и не пробовал.

– Это реальнейший стаф. Я теперь не пью, дурь на дух не переносу, и никогда еще за всю жизнь я так не веселилась, – улыбнулась она. Конечно, ей было куда веселее, чем мне. Я выпил всего пару пива, после чего брал только колу: я не хотел напиваться, чтоб не терять самообладания. Я осмотрелся – вокруг мрачные, агрессивные, подвыпившие люди, похоже, им тоже было нешибко весело.

Зато ей было хорошо.

В среде кэжуалсов у одних экстазин пользовался популярностью, другие его вообще не употребляли. Глотать таблетки – я не видел в этом смысла. К тому же мне не нравилось техно, текста никакого, только драм-машина лупит по мозгам. Танцевать мне тоже не нравилось, танцевать – что в футбол играть. Мне казалось, что на меня все пялятся как в зоопарке: на мои короткие, уродские ноги, большое туловище и длинные, покачивающиеся, как у гориллы, руки. Махач всегда был моей стихией, моим танцем.

Полагаю, мое отвращение к наркотикам любого толка развилось из наблюдений за мамой с папой, за тем, как они вели себя, когда они нажирались. Однако теперь это не имело никакого значения. Я взял табл, пятнадцать фунтов – малюсенькая капсула.

Я болтал с Дороти, но таблетка не действовала ни хрена. Я отлично себя чувствовал, пока не понял, что меня уже колбасит не по-детски, что я уже несусь на гребне волны. Поднявшись, я почувствовал внутри себя ритм, как будто из меня льется музыка. У меня кружилась голова, и немножко подташнивало, однако никогда еще я не чувствовал такого подъема. Мои ощущения не шли ни в какое сравнение даже с одержимостью, охватывавшей меня во время махача; я чувствовал, как во мне играет мощь всего мира, но это была позитивная сила. Я ощущал невидимые узы, связывающие меня с Дороти, или с Дори, как она попросила себя называть. Лицо ее, такое чистое, свежее и красивое, лучилось светом необыкновенно живых глаз. Ее волосы... музыкальный автомат заиграл «2 Unlimited», я почувствовал, как во мне застучали ударные, и синтезаторный ритм поднял меня с места. Раньше такая музыка была мне по хую.

– Уууууф... – вздохнул я.

– Ты в порядке? – спросила Дори.

– Я вроде как начинаю просекать, в чем тут тема...

– Пола! – крикнула она свою подругу. – Вот Рой. Он только что потерял девственность. Пойдем, надо выбираться отсюда. Чтобы достойно отметить этот опыт, сделать его незабываемым, нам нужна более подходящая атмосфера.

Мне ничего было не нужно, кроме музыки, – хаус, это должен был быть только хаус. Когда Дори сказала мне, что там, куда мы едем, а именно в клубе Гасиенда, будет больше музыки, и куда более модной, и что саунд будут качать мощные саббуфера, а вокруг умопомрачительное световое шоу и в полной мере сочувствующая публика, я повелся мгновенно.

Клуб действительно был навороченный. Я окунулся в музыку и движение. Я испытывал невероятные ощущения, выходящие за пределы известных мне ранее. Я никогда не умел танцевать, но всякая стеснительность покинула меня, когда музыка и наркотик наладили связь с той частью моей души, которую я всегда старался в себе подавить. Все члены моего тела двигались в абсолютной гармонии. Внутренние ритмы моего тела стали четче и стремительней, впервые я слышал их музыку, они пели мне: ты в порядке, Рой. Тебе хорошо, нам всем хорошо. Ко мне подходили незнакомые люди, обнимали меня; очень даже симпатичные девушки, парни, некоторые выглядели странновато, раньше я таких бы просто отпинал. Я хотел обнять всех, пожать руку каждому. Со всеми нами происходило нечто особенное: мы чувствовали единение. С незнакомыми людьми я испытывал неведомую мне доселе близость. Я полюбил Дори и Полу; я просто любил их. Я не мог остановиться и все при-

жимал их к себе; мне всегда хотелось обнять друга, но это считалось проявлением слюняйства и педерастии. Я был уверен, что, даже когда меня отпустит, я не перестану любить их. Той ночью со мной произошло нечто очень существенное: во мне что-то открылось.

Я был Серебряным Серфером, глядя на лазерные лучи, я несколько раз облетел вокруг Вселенной, вздымаясь и паря вместе с музыкой. Когда тема достигла пика развития, у меня создалось ощущение, что мы с Дори и Полой – это целый мир, мы и люди вокруг нас. Я был один на один с ними и с собой и не хотел терять это ощущение. Даже когда вырубил музыку, спустя несколько часов, которые показались мне минутами, я все еще парил.

Чувства переполняли меня. Все, о чем трепался Брайан и другие пацаны из кэжуалсов, о которых поговаривали, что, мол, дорэйвились – совсем размякли, оказалось правдой и даже более того. Это была полная эйфория... такое должен испытать в жизни каждый, чтобы на смертном одре можно было бы, не кривя душой, сказать, что он не зря коптил небо на этой планете. Я представлял себе жалких людишек в офисах, видел их многоэтажные клетушки, видел их в очереди за пособием и на пике карьеры, их букмекерские конторы и яхт-клубы... да по хуй дым. Их ограниченность была для меня очевидна, как и полная неспособность противопоставить что-либо нашей альтернативе. Я знал, что это рискованный путь; такой кайф безопасным не бывает. Однако вернуться я уже не мог и не хотел. Ни за что. Мне не за чем было возвращаться...

Как и теперь, мне незачем карабкаться наверх-

Смотри на меня в ночи,

Мне вовсе не надо скрываться

От пристальных взглядов твоих.

Ты столько во мне разглядишь,

Что я о себе и не знала,

Пока не узнала тебя...

Блядский хуй, давай же, Рой, мешок с дерьмом, иди глубже, иди вперед, возвращайся к Марабу или оставайся в своих воспоминаниях, не важно где, все равно повторится та же грустная история, опять будет то же самое-так что давай ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

и вот Сэнди вернулся, и я думаю про себя: да пошло оно все на хуй.

– Давай-ка притормозим, Сэнди, – говорю я.

– Чего? – откликается он, немного сбитый с толку.

– Я вот думаю, с чего бы нам спешить в бой с Марабу? Почему мы должны нестись туда, пытаться все уладить? Это дело Доусона, террористов и Марабу... Сам подумай, ну что нам такого сделал старикан Джонни Марабу? Давай-ка лучше продолжим наш пикник! Нас это вовсе не касается. У нас тут джем, мед, масло, и гора просто расчудесного домашнего хлеба. Мы...

– Харе пургу гнать, Рой. Это нас еще как касается, – отрезает Сэнди, лицо его сурово.

– А что, мы не можем устроить маленький пикник, как в старые, добрые времена?

– Нет, не можем. Старых, добрых времен уже не вернешь, – холодно говорит Сэнди.

– Не вернешь... – уныло повторяю я, –...никогда. Я чувствовал себя как побитый пес. На самом деле мне было наплевать. – Ладно, пошли.

Мы отправляемся в сторону коттеджа, Сэнди поворачивается ко мне:

– Прости меня, Рой, я был немного резок. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что поставлено на карту. Думаю, мы сможем найти время сделать остановку на пикник ради воспоминаний о старых, добрых временах, – ухмыльнулся он.

– Спасибо, Сэнди, я очень ценю это. Ради воспоминаний о старых, добрых временах, – улыбнулся я. Сэнди – парень, что надо, спору нет.

Он настоящий-

Бриллиант-ы бессмертны...

Бриллианту – на пальце сверкать,

А мужчинам – в ночи исчезать.

И поскольку все смертны мужчины,

Я не вижу разумной причины

От несчастной любви умирать...

Нет. Подавайте мне старые, добрые времена...

Тех времен уже никогда не вернуть-того, что было в Манчестере-после того, как мы вышли из клуба-уличные огни сверкали как бриллианты.

То, что я ссал хавать экстазин, наверное, было связано с тем кислотным бэд-трипом, но оказалось, что это совсем другое дело. Я владел собой полностью. Никогда я еще не испытывал такой степени самообладания.

Когда закончилась музыка, я чуть не помер от печали. Глаза были на мокром месте, но это меня не смущало. Я больше не боялся показаться слюнтяем. Я видел, каким болезненным уродом, малодушным, пафосным придурком я был, всю жизнь стесняясь выражать свои эмоции. Однако я не слишком корил себя; это уже не имело значения.

Мы поехали к Дори. Там мы пили чай, и я рассказывал им о себе; ни перед кем я так еще не раскрывался. Я говорил о своих сомнениях и страхах, о том, что выводит меня из равновесия. Они поделились со мной своими проблемами. Мы сопереживали друг другу; нам было хорошо. Это была не притворная близость представителей среднего класса, когда они дают друг другу бессмысленные советы, и небезумные бредни несвязных повествований на хиппов-ских посиделках. Просто три тусовщика сидели и делились своими впечатлениями от жизни. Я мог говорить практически о чем угодно, изнасилование и моя семейка оставались табу, но это было мое решение.

Не проблема. Проблем вообще не было.

После этого я каждые выходные обжирался экстазином и клубился. Через несколько месяцев в Манчестере у меня уже было больше приятелей, чем осталось дома.

Сложность заключалась в том, что мне это настолько нравилось, что все остальное казалось полным дерьмом. Нет, не так, в этом состоянии я с полной ясностью понимал, что все остальное и есть дерьмо. Работа – дерьмо, дерьмовая неизбежность.

В итоге мы с Дори стали спать вместе. Мы нравились друг другу, и в наши отношения никто не вмешивался. Рано или поздно это должно было случиться. Я волновался, получится ли у нас секс, ведь с тех пор, как это случилось, у меня никого не было. Когда мы трахались первый раз, я был в таблетке, и мне было все равно; с тех пор любовью мы занимались, только когда я жрал экстазин. Однажды она сказала:

– Знаешь, чтобы заняться со мной любовью, необязательно накачиваться экстази.

Мы отправились в койку. Я дрожал, боясь раскрыть свою сущность без воздействия препаратов. Мы немного поцеловались, и меня перестало трясти. Мы еще долго играли друг с другом, а когда сошлись, мой член и ее лоно слились воедино, а потом я и вовсе забыл о них, когда мы отправились в путешествие по внутреннему пространству наших душ. Это было духовное соитие, всепоглощающее единение. Наши гениталии, наши тела были всего лишь стартовыми площадками и вскоре стали излишними – мы отправились в путешествие вокруг Вселенной; мы вдвоем входили и выходили, путешествуя по сознанию друг друга и не находя ничего, кроме любви и добра. Напряжение все возрастало, и, когда уже сложно было выносить перегрузки, наш корабль взорвался небывалым оргазмом и обрушился на кровать, вернувшись из далекого путешествия по микрокосмосу. Мы крепко прижались друг к другу и, мокрые как мыши, дрожали от переполнявших нас эмоций.

К моему удивлению, получилось не хуже, чем с таблеткой.

Уже после Дори сказала мне, что считает меня красавцем. Обнаружив, что она не шутит, я был крайне поражен и все смотрел на себя в зеркало.

– У тебя большие уши, но они красивы, в них есть характер. Они особенные. Да и не такие уж они огромные, как ты там себе думаешь, ведь голова твоя стала больше с тех пор, как ты был ребенком.

Каждые выходные мы бывали в Гасиенде, а потом у кого-нибудь дома устраивался автопати. На отходах мы обычно курили хэш или сканк, если было где взять. Я обожал поболтать, но еще больше мне нравилось слушать; слушать тусовщиков, их жаргон, потрендеть за жизнь, поприкалываться, замутить какую-нибудь историю. Я любил, глубоко затянувшись анашкой, задержать дыхание, пока огромный спелый помидор удовольствия не лопался, растекаясь краской по лицу.

Мы с Дори устроили помолвку. Глупость, конечно, и гусарство, знакомы-то мы были всего несколько месяцев. Такой причудливый жест должен был показать, насколько сильны мои чувства.

Короче, жизнь пошла на лад, даже более чем. На неделе я много читал, мы с Дори ходили на сеансы авторского кино в Корнерхаус. По выходным мы клубились и ходили в гости. Иногда по субботам я ходил на футбол с приятелями

Джимми и Винсом. Обычно мы ходили в Мосс и смотрели на город с Мэйн-роуд. Футбол там,

конечно, показывали не такой классный, как на Олд Траффорде, зато было живее и как-то реальнее. Покурить в пабе крэка перед началом и после матча было охуенно. Манчестер – шикарное место, в этом городе я провел самое счастливое время моей жизни.

Но потом произошло нечто, что выбило у меня почву из-под ног и напомнило, кто я такой есть на самом деле. В манчестерских «Вечерних новостях» напечатали статью об успехе компании «Терпимость Ноль», проводимой в Эдинбурге.

ДВОЕ ИЗ ПЯТИ ЖЕНЩИН БУДУТ ИЗНАСИЛОВАНЫ
ИЛИ ПОДВЕРГНУТСЯ
СЕКСУАЛЬНЫМ ДОМОГАТЕЛЬСТВАМ.

Z.

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ.

Я потерял всякое самообладание.

В Гасиенде я всю ночь до утра не отпускал Дори из своих объятий, крепко прижимая ее к себе. Я вцепился в нее, как будто таким образом ее любовь могла проникнуть в меня и очистить мое тело, мои мозги от этого дерьма; но получилось так, что я заразил ее своей болью, тревогой, душевной опустошенностью. Опустив подбородок ей на макушку и вдыхая аромат ее шампуня и духов, я чувствовал, как флюиды болезни и сомнения проникают в нее через мои объятия. Эти флюиды, пройдя через нее, возвращались ко мне и прямо из ее черепа били по подбородку и плыли дальше в голову. С несвойственной ей неловкостью она время от времени фыркала мне в шею, от чего получался странный звук. Той ночью мне подсунули фэйковый табл.

– Не нервничай, Рой, это же не так часто случается, – успокаивала меня Дори.

Я полностью потерял самообладание. Единственное, на что я был способен, так это попытаться скрыть свое состояние.

Потом я потерял Дори.

Все глубже погружаясь в депрессию, я довел себя до состояния, когда уже буквально не мог передвигаться. Моя подавленность прогрессировала. Врач сказал, что я страдаю от поствирусного синдрома усталости, или как там его, заразы, буйствующей среди яппи. Впервые наши с Дори отношения подверглись испытанию, и результаты были неутешительны. Мы сидели дома и ели, просто ели всякий кал и смотрели видик. Я едва ли мог связать несколько слов в предложение. Мы стали жиреть, мы все жирели и жирели. Дори не могла подстроиться под меня, тяжело ей было жить с невылезавшим из депрессии пизданутым лузером. Дори обожала вечеринки, ей просто хотелось повеселиться... я, наверное, перегибаю палку, она не была прямо уж такой ветреной. Возможно, она догадывалась, что я что-то от нее скрываю, чего-то недоговариваю, не раскрываюсь полностью. Может быть, если бы я был с ней до конца честен, возможно, она бы

Нет.

– Я как раз хочу перевернуть кассету, Рой. У твоей мамы шикарный голос.

Спасибо, Патриция. Твой голос тоже изменился – стал чище, громче, ближе. Твое прикосновение, когда ты придерживаешь мою голову, чтобы взбить подушки. Твои духи. Хлорка пахнет больницей. Размеры этой маленькой комнаты. Я ощущаю их впервые. Капельница в руке, трубка в горле, такая же в члене. Это все не важно. Я потерял Дори.

В этом никто не сравнится с тобой,

Да и что мне за дело до тех,

Кому до тебя далеко,

Бэби, ты лучший из всех.

– Ты поешь так же хорошо, как твоя мама, а, Рой?

Я потерял Дори.

Мы решили расстаться. Я переехал на новую квартиру в Экклесе.

От тебя я долго таилась,

От твоей скрывалась любви,

Но нашли меня взгляды твои.

Теперь, словно синее небо,

Следопыт мой, в этой ночи

Храня мои тайны, молчи.

Помню, как я уходил от нее. Я пытался ей что-то сказать, но не мог найти нужных слов. Даже на последней стадии наших отношений она смотрела на меня так, как будто хотела услышать фразу,

которая сразу все изменит. А я не мог даже придумать таких слов. Мне казалось, будто мозги мои плавают в густом бульоне, а вместо груди – туго натянутый барабан. Я не мог выдать ни слова.

– Прости, что не смогла тебе помочь, Рой. Но ведь сначала ты должен помочь себе сам. Жаль, что ничего не получилось, – она шмыгнула носом и не смогла сдержать слез. – Я уже через это проходила, с меня довольно. Уж лучше расстаться по-хорошему... Я думала, Рой, ты не такой, как все...

– Ну пока, – ответил я, прихватывая свою сумку. Я вышел за дверь и ни разу не обернулся. Я ненавидел эту суку. Я ненавидел ее

Нет.

Никакая Дори не взъебнет Роя Стрэнга тупого осла топ-боя экстазинового мальчонку симпатичного такого утонченного Тупорылого Стрэнга

В тебе волшебная сила:

Ты так обнимаешь меня,

Ты так прижимаешь меня...

О Боже, что же я наделал

Господи!

Я сидел дома.

По выходным я сидел дома и смотрел видик. Потом кризис прошел, я опять стал тусоваться, хотя и не так часто. Так или иначе, я избегал Гасиенды и жрал экстазин горстями. Чтобы отойти, я стал принимать снотворное. Трахался я со всеми, кто был не против, а в клубах таких девиц было пруд пруди. Я относился к ним с уважением, с искренним уважением, и мы никогда не пытались обмануть друг друга, будто кроме секса между нами может быть что-то еще. Такой развод не проходил. Иногда у меня создавалась иллюзия счастья, но счастлив я не был, во всяком случае не так, как раньше, просто боль моя утихла. Наркотики можно употреблять ради подтверждения радости жизни либо чтобы убежать от ее ужасов. Необходимо проявлять особую чуткость и восприимчивость, чтобы отследить тот момент, когда одно состояние незаметно переходит в другое. Я не позаботился об этом, и для меня настали тяжелые времена.

Должно быть, они и впрямь были тяжелые, потому что я стал писать домой и получать ответные письма. Все семейство писало мне на одном листе бумаги; раньше меня бы это смутило, теперь это каким-то странным образом трогало. Это может показаться безумием, но это обстоятельство возбудило во мне желание быть рядом с ними.

Дорогой Рой,

Надеюсь, в Манчестере полный порядок и ты не стал слишком походить на англичанина. Смотри, не заразись там их пидорскими манерами, или ты не настоящий шотландец, и домой мы тебя не пустим (шутка). Новые соседи сверху стали что-то немного борзеть, так мы с Тони нанесли им краткий визит, в ходе которого объяснили, что значить слово «уважение». Недавно у нас тут собралась компашка, пели песни. Мы вспомнили, как однажды на Новый год мы заставили тебя спеть «A View To a Kill». Помнишь? Тебе же нравился в детстве Дюран Дюран, не отпирайся. Я спел Тома Джонса, а мама свою Ширли Бэйси. Шикарная вечеринка. Мы с Колином Кэссэди проучили Хоупсов. Не знаю, помнишь ли это наркоманское семейство тут, неподалеку, так вот мы преподали им урок, который они еще не скоро забудут. Достаточно сказать, что наши друзья Хоупсы в нашем квартале больше не проживают. Ну вот, теперь мама.

Всего тебе самого наилучшего, папа.

Здравствуй, Рой, сынок.

Это мама. Боже мой, кажется, с тех пор, как ты уехал, не прошло и года. Как летит время! Все поживают хорошо. Главная новость – Ким выходит замуж и скоро станет мамой. Мы все ужасно волнуемся. Не знаю, знаком ли ты с Кевином, он ужасно приятный парень. Как у тебя на этом фронте? Есть ли кто на примете?

Я тут на днях приготовила спагетти болоньеза – это ведь было твое любимое блюдо, – и мы, конечно, вспомнили про тебя. Когда я подумала, как ты теперь далеко, я не смогла сдержать «дежурной слезинки», как это называет твой отец, и я надеюсь, что ты скоро вернешься и мы заживем по-старому.

Жду, люблю,

Мама. XXXXX

P. S. Пару слов от готовящейся стать мамой будущей миссис Скот.

Приветтики, Рой,

Я думал – хуже некуда, и ошибся. О своем намерении приехать на футбол я не сказал никому из своей прежней компании. Пока все сидели как на иголках в ожидании исхода матча, я думал только о том, как бы кто из парней не увидел меня на стадионе.

Однако это произошло. Зазвонил телефон, попросили меня – это был Лексо.

– Так и знал, что на футбол ты приедешь, – начал он.

– Да, хорошо сыграли.

– Затоптали парочку гуннских кэжуалсов, верных слуг Ее Величества. Сосунки, бля, в штаны наложили. Типичные травоядные: так запустили пару ботлов, помахали перьями, а так, чтоб по-настоящему, – хуй там был.

– Кейт Райт молодцом...

– Да, теперь главное, чтоб они не просрали в финале. Не забывай – победитель автоматически выходит на Кубок Европы. Для нас это – реальный шанс устроить заваруху на континенте. Давно пора замутить выездное шоу, на-х; махач будет – заебись. Да, а чё ты с нами не затусовался?

– Ну, хотел старика повидать, все такое. Я ж не видел их с тех пор, как свалил в Манчестер.

– Ну да. Дай мне свой тамошний адрес. Завалюсь к тебе как-нибудь на выходных, чисто обстановку сменить. Посмотрим, что там у них на футболе творится. Говорят, что «Болтон» – в тех краях самая навороченная фирма. Может, нанести им неожиданный визит? Короче, мы в клубе, заглядывай.

– Да у нас тут тоже вроде как вечеринка...

– Да ладно тебе, дитя окраин, пиздуй в клуб!

– Ну хорошо, увидимся...

И я пошел. Пошел, потому что мне было слишком грустно наблюдать, как это мудаچه накачивается своей гребаной алкашкой, и еще потому, что этот хмырь – Лексо – ни за что не отвяжется, будет названивать всю ночь до утра.

Я вышел на Лейт Уок без понятия, куда идти и что делать. Весь город был убран зеленым и белым, из каждого бара доносились песни. Сбылись мечты фанов «Хибэ»; вокруг ни одного «Джамбо» – попрятались по домам и размышляют, как так получилось, что за тридцать лет – ни одного кубка. Однако меня все это не вдохновляло. Я вспомнил, что мне надо на Поудерхолл, и свернул с Лейт Уок.

Клуб ломился от кэжуалсов. Подростки, не так давно тусовавшие в бэйби крью, уже во всю подпирали, делали ставки на повышение. Они раздались в плечах, лица их загубели, и некоторые поглядывали на меня уже совсем не так почтительно, как бывало раньше. В фирме произошли кое-какие изменения – это было очевидно. Теперь важно было разузнать, что к чему, не ввязываясь ни в какие передряги. Я чувствовал себя разбитым: с меня уже хватит. Я сел за барную стойку и напряженно потягивал «Беке»: в компании моих старых друзей мне было не по себе. Демпс так и не появился.

– Да он засухарился, типа, правильный стал, – объяснил Оззи.

Краем глаза я заметил парня, чье лицо показалось мне смутно знакомым. Он болтал с Гоусти. Здоровенный верзила, держался он развязно и понтился напропалую. Среди кэжуалсов я его раньше не видел, однако был уверен, что откуда-то знаю его. Когда до меня наконец дошло, кто это, я чуть не застыл от изумления. Лицо то же, да вот глаза – другие, совсем не тот мягкий, бегающий взгляд, как когда-то. Теперь он смотрел прямым, напряженным, сосредоточенным взором. Имени его я так и не вспомнил: я знал его как Маменькиного Сынка.

Я собрался на выход.

Вычислив табл, я отправился в новый клуб на Венью с парочкой второстепенных кэжуалсов – любителей поклубиться. Я был рад, что свалил. В новом клубе было заебись, но там произошла еще одна встреча, поразившая меня еще больше. Я заметил одного самозабвенно танцующего парня и подошел к нему. Не знаю, кто больше удивился: я или Бернард: он тоже был в таблетке. К своему удивлению, я обнаружил, что мы с ним обнимаемся. Раньше мы с Бернардом даже не прикасались друг к другу, только пиздюлями обменивались на самодельном ринге. Мы протряслись на танцполе под кайфовый хип-хоповый бит. Я-то сам предпочитаю хардкор и хип-хопу, и гаражу, но тот музон был что надо. Потом мы долго болтали. Мои дружки кэжуалсы уже куда-то отфильтровались, и в итоге мы с Бернардом ушли вместе и отправились в Чаппс, гей-клуб возле Плейхауза.

– Никогда не думал, что увижу тебя в экстази, Рой, – сказал он.

– Пати нон-стоп последние месяцев шесть, – ответил я с грустной улыбкой. Бернард – хороший

парень.

Бернард. Да. Хороший парень.

– А я не думал, что окажусь здесь, – улыбнулся я, осматриваясь. Мне там не понравилось. Я сказал Бернарду, что зрелище это весьма грустное, что мне неприятно смотреть, как все эти гомики домогаются друг друга в поисках партнера.

– Да нет, ты не совсем прав. Здесь каждый парень, который хочет трахнуться, в итоге найдет себе компанию. Куда грустнее бывает в Бустере Брауне или любом другом месте для натуралов: число парней, желающих трахнуться, превышает количество телок, готовых их поймать. Здесь хотя бы большинство получает, чего хочет.

Я призадумался над его словами. Логично – не подкопаешься. Пришлось согласиться. Это было легко. Мне было кайфово, экстазиновый приход захлестывал волнами.

– Уоу, ну и табл...

– Ну да, вы нашли друг друга, – рассмеялся Бернард.

Я посмотрел на него, приобнял за шею и сказал:

– Послушай Бернард, ты ведь отличный парень. Ты давным-давно уже все просек. А я был полным мудаком, ни с чем не мог смириться, и не только то, что ты пидор... то есть гей, но и вообще... блядский хуй, Бернард, прости меня, пожалуйста... ты только не думай – это ведь не экстазиновый базар, я просто натворил такой хуйни...

Он пожал плечами.

– Мы все творим хуйню, Рой.

– Нет, ты представь: человек натворил такой хуйни, так все запустил, что уж и поправить ничего нельзя. Ничего, вот как когда-то между тобой и мной? Послушай, Бернард, если ты натворил говна, сделал что-то ужасное, ты же не останешься на всю жизнь плохим человеком? То есть можно ведь измениться, верно?

– Да, наверное, можно, Рой... а что случилось? О чем речь? Ты говоришь о любви?

Я горько задумался.

– Да нет, не о любви, совсем наоборот, – улыбнулся я и крепко обнял его. Он ответил тем же.

– Я никогда не знал тебя, Бернард, и вел себя как полный гондон...

– Как, впрочем, и я, – улыбнулся он, снова прижимая меня к себе. Мне полегчало.

– Но я изменился, Бернард. Я позволил себе чувствовать. Теперь я должен что-то сделать, чтобы доказать себе, что я изменился. То есть я должен взять на себя ответственность, чтобы моя боль утихла, а кому-то стало легче. Даже если это потребует глубочайшего самопожертвования. Попробуй понять меня... то есть, блядь, я стал похож на нашего старика, когда он распускает нюни, наслушавшись Черчилля... как будто я треплюсь от не хуй делать...

Я запнулся.

– Да ладно, Рой, продолжай, не парься, – сказал он и сразу погрузился. – Знаешь, Рой, у меня вирус. Я сдал анализы – у меня СПИД.

Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног.

– Бернард... нет... блядь... но как...

– Пару месяцев назад. Пока все в порядке... то есть, конечно, ничего хорошего, просто он не прогрессирует. Он пожал плечами и пристально на меня посмотрел. – Но это лишь хитросплетения жизни. Жизнь – отличная штука. Цепляйся за жизнь, Рой, держись за нее, – улыбнулся он моим всхлипываниям. – Харэ, Рой, чё ты прямо как пидор, – засмеялся он, утешая меня, – все в порядке, старик, все хорошо...

Ничего хорошего.

Но нам с Бернардом, да, нам было хорошо.

Мы договорились, что в следующую пятницу поедем с его компанией в Инглистон на большое Резарекшен пати. Невероятно, но мы с Бернардом стали приятелями. Его стихи так и остались дерьмовыми, ну, может, я и неправ, но все же это, безусловно, были пестрые вирши. Хорошо еще, что он перестал насиловать своей поэзией окружающих. На самом деле я сам вызвался почитать его творения. Некоторые из них были про фачилово и экстазин: вот эти были хороши. Раньше стихи про сношения гомиков вызвали бы у меня отвращение, как и сама мысль о том, что мужик с мужиком могут трахаться. Теперь же они представлялись мне просто влюбленной парой, как мы с Дори; однако напыщенные тирады во славу пидорасам все еще проходили с трудом.

У Бернарда была прикольная туса: там были и геи, и натуралы плюс несколько фэг-хэгов. Да-

мочки эти – фигуры, достойные сожаления, есть в них что-то неполноценное. Я сразу это засек – эту не вполне внятную особенность, но нечто подобное я видел и в себе. Нам не удалось вычислить таблов, и Бернард с тусой решили закинуться спидом и кислотой – гремучая смесь называлась супермарио.

Кислоты я не хотел.

– Нет-нет, старик, – сказал я Бернарду, припоминая свой бэд трип.

Мне еще вспомнился бэд трип одной девушки. Он пожал плечами – как знаешь.

– Не в том дело, Бернард, просто в голове у меня полно всякого дерьма, и, если сейчас я закинусь, – оно ползет наружу. Понимаешь?

– В полной мере, – ответил он, – думаю, ты поступаешь мудро.

Однако мудрость моя скоро закончилась. Завязавшись языком с неким Артом – парнем из нашей компании, торчком с невьебенным стажем, я не в меру увлекся его рассказами о наркотических экспериенсах. И закинулся-таки супермарио.

Сначала все было круто: огни, звуки. Мы направились в самую гущу тусы, где я благополучно вышел в открытый космос. Бернард выглядел просто охуительно, я старался не думать о том, что в нем засел этот сучий вирус, ведь он так хорошо смотрелся. Девушки клеились к нему и бывали крайне огорчены, узнав, что он гей. Лаура – телка из тусы – закричала мне в ухо:

– Я безумно влюблена в твоего брата. Ужасно жалко, что он гей. Но я все равно хочу от него ребенка.

Я лишь улыбнулся в ответ. Мне нравилась ее болтовня, я даже питал надежды отфачить ее как уполномоченный от Бернарда.

И тут я увидел большой плакат над сценой:

ReZurrection

Литера **Z** вся сверкала, и в моей голове

тут же всплыли слоганы:

У МУЖЧИНЫ НЕТ ТАКОГО ПРАВА

КОГДА ОНА ГОВОРИТ НЕТ,

ЭТО ЗНАЧИТ НЕТ

ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЯ

ТАКОЕ НЕ ПРОЩАЮТ

Внезапно мне стало ужасно плохо: весь в горячем поту, я задыхался, меня трясло. Я попытался привести себя в чувство и стал протискиваться сквозь толпу в сторону чил-аута. Мне нужно было подумать. Мне нужно

Какая-то девушка улыбнулась мне, она была похожа на

Это была она

Все они была ее копия

Потом мне попался парень-охранник. Это был дядя Гордон.

– Я с тобой больше не пойду, понял! На хуй, я больше в это не вписываюсь! – заорал я на парня.

– Успокойся, приятель, – крикнул мне какой-то рэйвер. Охранник стоял, не зная, что делать.

Я побежал к туалетам, сел в кабинку и стал плакать и разговаривать сам с собой. Потом пришли какие-то парни, стали меня успокаивать. Они разыскали Бернарда. Я слышал, как кто-то пробормотал в сторону: – Придурок, не справился с приходом.

Больничная койка

ты в коме лежишь на больничной койке

придурковатые родственники щиплют

тебя за голову способны ли они понять

где ты скрываешься и каковы твои жиз-

ненные ценности ты умираешь и не про-

сишь о сострадании только о понимании

которое не поможет ни тебе ни ей ни

сэнди ни бернарду но все равно что-то

подстегивает тебя твои тщетные попытки

довести до ума этот бред в который ты

вписался в этих тропиках в покоренной

стране твоего больного сознания Африка,
моя Африка

Почему я не умер почему оказался неспособен почему даже купив пособие ты не можешь сделать все как надо у нас дома помнишь Дори я облажался пытаюсь повесить полки а ведь у меня было пособие и все необходимые инструменты

Я НЕ СДЕЛАЮ ТЕБЕ БОЛЬНО РОЙ ТВОЙ ДЯДЯ ГОРДОН НИКОГДА БЫ НЕ ПРИЧИНИЛ ТЕБЕ БОЛЬ ПРОСТО ЛЕЖИ СПОКОЙНО НЕ ШЕВЕЛИСЬ А ЕСЛИ ТВОЙ ПАПА УЗНАЕТ ОБ ЭТОМ У ТЕБЯ БУДУТ БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ ЗАТКНИСЬ ТЫ МАЛЕНЬКИЙ УБЛЮДОК Я НЕ ШУЧУ ЗАТКНИ СВОЙ ЕБАЛЬНИК ДА ТАК ЛУЧШЕ ТАК ЛУЧШЕ ТУДА ТУДА ТУДА

Я хотел умереть. Я думал, что умру. Я чувствовал, что пришло время. Какое-то время мне казалось, что вот-вот.

Бернард отвез меня домой. Пару дней я провел в постели. Ким немного ухаживала за мной – я сказал, что подхватил грипп. Ким была так добра ко мне. Да-да, Ким. Хорошая Ким, добрая и ласковая. Такова ее сущность, все этим пользовались, но они с Кевином, похоже, любили друг друга и явно были счастливы.

Я лежал наверху, в своей старой комнате, и смотрел второй полуфинал. Тони с отцом записали его для меня на видео. Они утверждали, что рефери в этом матче принял одно поразительное судебское решение. Это было у всех на устах, и я решил посмотреть. Данфермлайн и Эидри боролись за право быть вышибленными в финале нашими «Хибз».

Эидри имели игровое преимущество, но так и не выиграли. Я не стал досматривать до конца, когда должны были пробить пенальти.

Я решил, что время пришло.

Я еще раз перелистал мою книгу, ту, что я купил в экстремистской книжной лавке в Манчестере. Вообще-то, в этой стране книжка эта была запрещена. Она называлась: Исход: Практики самоизбавления и суицида с посторонней помощью для умирающих. Автор Дерек Хамфри, опубликовано в Хемлок Сосаити. Эпиграф всей книги был такой:

КРАСИВО ЖИВИ, КРАСИВО УМРИ.

Как бы там ни было, а ко второй половине я уже подобрался – я умирал. Я знал это, я это чувствовал. Мое состояние выходило за рамки преходящей депрессии, я ведь не психопат; я просто глуп и труслив. Я дал волю своим чувствам и уже не мог вернуться к самоотрицанию, к этой низшей форме существования, но продолжать начатый путь я не мог, пока не рассчитаюсь с долгами. Нет, я не бежал реальности. Я делал это всю свою гребаную жизнь – бежал ощущений, чувств, любви. Бежал их, потому что дитя окраин – никто и никаких чувств у него быть не может, потому что их не на что обратить, негде выразить, а если ты раскроешься, первый попавшийся урод раздерет тебя на части. Поэтому ты либо затыкаешься, строишь себе раковину и прячешься в ней с головой, либо набрасываешься сам и причиняешь боль; и делаешь это потому, что тебе кажется, что, если сделать им больно, они не смогут тебя ранить. Но это все пиздеж, потому что тебе все больнее, пока ты не научишься превращаться в животное, а если ты не смог стать настоящим зверюгой, приходится бежать. Однако бывает и такое, что убежать ты тоже не в состоянии; ты не можешь отойти в сторону, залечь на дно, затеряться, потому что боль преследует тебя, где бы ты ни был, засев в твоей гребаной черепашке. Выбора не было. Это было единственное здоровое решение. Смерть – это шаг вперед.

Я просмотрел главу под названием «Самоизбавление при помощи полиэтиленового пакета», к которой уже не раз обращался. В соответствии с инструкцией я принял парацетамол и надел на голову пакет, обвязав его клейкой лентой вокруг шеи.

Пакет был прозрачный, но скоро весь затуманился. Я плыл по волнам...

Вот тогда-то я и увидел Джимми Сэндисона, настоящего Джимми Сэндиссона, а не Сэнди Джеймисона... кто такой Сэнди Джеймисон?

Пакет опять стал прозрачным...

Пакет опять стал прозрачным и, отплывая, я продолжал смотреть сквозь него телек. Я видел Джимми Сэндисона, Джимми Сэндисона – футболиста. Когда он, возбужденно жестикулируя, что-то объяснял судье, на лице у него было такое выражение, что мне чуть было не захотелось разорвать пакет. Я хотел помочь ему, я хотел помочь всем, кто когда-либо страдал от несправедливости, хотя это была всего лишь кассета с записью гребаного футбольного матча. Никогда еще мне не доводилось видеть мужчину, настолько пораженного и возмущенного тем, что казалось ему профанацией спортивного судейства. Мужчину никогда.

Однажды я видел женщину в куда более худшем положении; я видел ее лицо в суде... потом я видел

ОТЕЦ ЛУПИТ МЕНЯ МАТЬ ОРЕТ ЗАПЛАКАННОЕ ЛИЦО КИМ МОИ КУЛАКИ РАЗБИВАЮТ БЕРНАРДУ ГУБЫ КАКОЙ-ТО ЧЕЛОВЕК КОРЧИТСЯ НА ЗЕМЛЕ ГОРДОН ВЫНИМАЕТ ЗАПАЧКАННЫЙ КРОВЬЮ КОНЕЦ ИЗ НАПУГАННОГО МАЛЬЧИШКИ, ЧЬЯ ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ ТУЛОВИЩА ЛЕЖИТ НА ВЕРСТАКЕ МАЛЬЧИК СМОТРИТ НА ЕГО СПУЩЕННЫЕ СИНИЕ ШОРТЫ ВЗРЫВ ВЕРТОЛЕТ НОЖ ПРИСТАВЛЕННЫЙ К ДЕВИЧЬЕМУ ГОРЛУ ИСПУГ НА ЛИЦЕ УЖАС НОЖ ПРИСТАВЛЕННЫЙ К ДЕВИЧЬЕМУ ГОРЛУ ПОТОМ

НИЧЕГО

Блаженная пустота.

После длительного обморока я очнулся на тропическом лугу, Джеймисон обмакивал испарину со лба. С тех пор мы стали компаньонами, разделяя интерес к дикой природе, в особенности орнитологии, и общую заботу о социальной справедливости и окружающей среде.

Сэнди Бриллиант.

Бриллианты бессмертны.

21. Лицом к лицу с аистом Марабу

Мы с Сэнди Джеймисоном с удовольствием продолжали наш пикник. Сэнди погладил гриву прониры льву, который, учуяв ароматы, неспешно подошел к нам. Я скормил ему кусок цыпленка и почесал его пузо; довольный лев повалился на спину. Я вспомнил Серебряного Серфера, который ходил среди диких животных и говорил, какие они добрые и ласковые и какое злобное и воинственное существо – человек. Серфер говорил правду. Я люблю кошек, и больших кошек в том числе. Лучше бы у нас была кошка вместо...

– Кошки – безжалостные существа, и мне не раз приходилось охотиться на них, когда они начинали нападать на людей, – улыбнулся Сэнди. – Однако мне нравится, что они практически полностью лишены подобострастия.

– Думаю, это хорошее качество, – согласился я. Я смотрел на сверкающее солнце, поднимающееся над далекой горной вершиной, и наслаждался его лучами, ласкавшими лицо, руки, ноги.

Какое-то время мы сидели молча, потом Сэнди неуверенно прокашлялся и начал:

– Хммм. Мне очень жаль прерывать наш чудесный пикник, но до коттеджа всего несколько сот метров отсюда. Думаю, нам следует пойти на поиски некой хищной птицы, питающейся падалью, более известной в этих краях как аист Марабу.

– Да, Сэнди, как бы мы ни презирали и ненавидели злобного капиталиста Доусона, мы вошли с ним в джентльменское соглашение из тех, что связывают любого джентльмена пуще любого другого, а именно: мы взялись очистить парк Изумрудный лес от Марабу.

На лице Сэнди заиграла недоуменная улыбка:

– Что же случилось с составляющей кровной мести, которая, собственно, и питала наше стремление найти эту тварь?

Я пожал плечами: – Даже не знаю, Сэнди. Просто, проснувшись сегодня утром, я почувствовал, что это уже не так... актуально.

Мы отправились к коттеджу, Сэнди держал ружье наготове. Через оранжерею мы, крадучись, проникли в библиотеку. Большой Марабу был там, но что-то было явно не так.

– Я пришла к тебе, Рой. Я Пришла За Тобой...

Встречаясь с тобою

В укромном углу,

Настигну, накрою

Добычу свою...

Уходи... Я должен встретиться с Марабу... Пожалуйста, Кирсти. Уходи

От тебя я скрываюсь в ночи,

Но ты знаешь все планы мои...

Однажды я пел эту песню гостям на Новый год. Еще когда был маленьким. Мне нравился Дюран Дюран. «Голоден как волк» – их лучшая песня.

Я падаю. Я чувствую, что лечу вниз-Лексо уже там. Он и сюда вписался. Я смотрю на него: он рядом с Доусоном и Джеймисоном. Лексо и есть Марабу. Но Марабу стоит прямо перед нами. Зна-

чит, Лексо не Марабу...

Лексо не...

Джеймисон направляет ствол прямо на меня.

Всего лишь один поцелуй

Перед пляской, ведущей в огонь...

Я не могу вдохнуть. Я вынимаю эту трубку из твоего ни на что не годного конца. Ты чувствуешь это, Рой?

Пляской, ведущей в огонь,

В ритме разбитой мечты...

Чувствую ли я, мать твою?

Я почти что пришел в себя. Похоже, я все вижу, как будто мои веки превратились в прозрачные перепонки. Я могу открыть глаза.

Я мог бы открыть глаза.

Я чувствую острую боль в члене. Она взяла его в руку. Она сжимает его... как Дори... как Патриция... только не так нежно...

– Я отрежу твой хрен, и заткну его тебе в глотку, и буду смотреть, как ты задыхаешься.

Это все ЛЕКСО, не я, ЛЕКСО

Прозрачные слезы бегут

По белоснежному телу,

Впервые за многие годы

Смывая с кожи твоей

Розовый отблеск любви.

Это феникс, влетающий в пламя,

Это смерть наша перед глазами.

Эта пляска ведет нас в огонь...

– Помнишь, как ты пихал этот сморщенный, ни на что не годный отросток мне в задницу, а, Рой? Мне даже не верится, что это могло меня так больно ранить. Но тебе-то будет еще побольнее... помнишь, как ты положил на матрас зеркало, чтобы смотреть мне в лицо, когда ты будешь запикивать мне в жопу... помнишь, что ты тогда сказал? Помнишь? Ты сказал, что хочешь, чтоб я смотрела на тебя, и чтоб тебе самому было видно. Ты хотел, чтоб я видела Роя Стрэнга. Ты хотел, чтоб я почувствовала, что бывает с теми, кто хочет наебать Роя Стрэнга. А теперь я хочу, чтоб ты посмотрел, Рой. Я хочу, чтоб ты посмотрел, что ты со мной натворил, потому что я стала такой же, как ты. Целыми днями я пряталась как больная, как изуродованная, как калека, пряталась у себя в квартире, пугаясь собственной тени. Заснуть без таблеток было невозможно. Вы изнасиловали меня раз, а потом еще раз отымили в суде. А потом я увидела плакаты; когда началась кампания «Терпимость Ноль». Они говорили: У МУЖЧИНЫ НЕТ ТАКОГО ПРАВА, но они ошибались, Рой.

– Да нет же, там все было правильно, я видел эти постеры, мне было больно, но там все верно...

– Они ошибались, потому что вы имели право. Все вы хотели проучить меня, научить меня как следует, так вы говорили. Что ж, вы меня научили...

Нет.

– Вы научили меня, что право можно просто присвоить. Эти плакаты рассчитаны на будущее. Они имеют в виду мир, каким он должен быть, но каким пока что не является...

Но есть и другой мир, Кирсти, так не должно быть... вместе мы можем изменить его...

– Не знаю, кто тебя так отделал, что привело тебя к такому состоянию, что сделало тебя жалким подобием человека, и мне на это наплевать. Это не моя проблема. Меня волнуешь только ты или, скорее, волновал. Теперь я твоя проблема. Сильный всегда прав. Ты просто присваиваешь себе право. Я оставляю за собой право, право взъебнуть тебя как следует, сынок.

Я чувствую холод стали на своем конце...

– У тебя из перца торчит дурацкая трубочка, которая высасывает из тебя ссаку. Как ты там говорил: никто еще не видел, чтоб я обоссался. Медсестры видят это каждый день, Рой. Они даже делают это за тебя. Быть может, правильнее было бы оставить тебя как есть, позволить тебе догнивать, но стали поговаривать, что ты можешь прийти в себя. А теперь поиграем в больничку, Рой... так, давайте-ка избавим его от этой дурацкой трубки... какой именно, доктор?... о чем вы спрашиваете, сестра, режьте обе...

Я чувствую, как из меня выдирают катетер. Это все сучий кал Лексо... почему же я...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

У меня в горле трубка... она причиняет мне боль... вытащите ее, чтоб я мог говорить...

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Сэнди все еще сжимает ружье, дуло уставлено на меня. Но я слышу и другие голоса. Они на периферии моего зрения, но я знаю, кто это: это Оззи, Демпси и Лексо, они кричат, что с нее хватит.

Шлюха, сама напросилась...

Что за хуйня? Сэнди! Убери ствол!

Пристрели Лексо

Этот все он

ТУПОРЫЛЫЙ ТУПОРЫЛЫЙ СТРЭНГ

Она похожа на Каролин Карсон

шлюхи, все они одинаковые

смеются над больным

они наносят ответный удар

собака

Шлюха, сама напросилась

она всего лишь юная девушка

шлюха, сама напросилась

всего лишь юная девушка

Шлюха, сама напросилась

Нельзя ненавидеть половину населения

Гордон я не хотел, я не хотел этого

кого ты ненавидишь Рой Стрэнг еб твою ты ненавидишь соседей нигеров пидоров травоядных япошек снобов джамбо скарферов пиздюков-англичан женщин только одного ты не просек Рой Стрэнг что ненавидишь по-настоящему ты только

РОЯ СТРЭНГА.

нельзя же ненавидеть половину населения

только потому что какой-то грязный старый

козел отымел тебя в задницу когда ты был

еще мальчишкой, что толку-то.

– Я ЗДЕСЬ ГЛАВНЫЙ, МАТЬ ВАШУ! Я САМ СКАЖУ, КОГДА С НЕЕ ХВАТИТ! – кричу я... зачем я в это вписываюсь... все это полная хуйня... – Сэнди... пристрели Лексо... он, сука, насильник гребаный. Он, бля, воще без тормозов...

Я вижу отражение в зеркале, на меня смотрит аист Марабу. Он напал на фламинго... вгрызается в него, рвет на куски, но фламинго все еще жив, я вижу его грустные глаза...

ТАКОЕ НЕ ПРОЩАЮТ НИКОГДА.

Она открывает мне глаза, я вижу ее; она держит веки и аккуратно, по очереди отрезает их хирургическими ножницами; я чувствую холод стали и слышу резкий звук рвущейся ткани...

...Я чувствую, как она кромсает мои гениталии, врзается в грудь, копается, пытаюсь найти меня, но она никогда не отыщет меня... и вот я набираю высоту, пытаюсь выбраться, перелететь через просторы Африки, но ударяюсь о больничный потолок и, взглянув вниз, вижу, как Кирсти режет на части Роя Стрэнга... режет зазубренным ножом... случайно не в лавке Бостон купила, Кирсти...

Я сделаю так, что ты почувствуешь, Рой! Говорят, мужчина почти ничего не чувствует, когда ему отрезают конец...

НЕТ

НЕТ

И вдруг я снова внизу, и я чувствую боль, и не могу из-за нее пошевелиться.

– А теперь попробуй его на вкус, когда-то его пришлось отведать и мне...

НЕТ

Это же мой хуй... грязная сучка отрезала мне перец и теперь... что за хуйня, у Серебряного Серфера вообще не было перца, и он, похоже, как-то обходился, парил себе по воздуху на своей доске... я больше ничего не прошу...

– Это мы засунем тебе в рот, Рой, открой пошире, давай-ка...

НЕТ

НЕТ

НЕТ

– Ты что-то сказал, или мне послышалось... Рой, я не слышу... что ты там говоришь, Рой, что ты хочешь мне сказать... я ведь знаю, ты хочешь этого, ты об этом и просишь... только не говори с набитым ртом... тебе нужно учиться, Рой, тебя еще многому нужно научить...

НЕТ

ПОЖАЛУЙСТА

НЕТ

КОГДА ОНА ГОВОРИТ НЕТ, ЭТО ЗНАЧИТ НЕТ.

Z.

ТЕРПИМОСТЬ НОЛЬ

Она смотрит в мои глаза, в мои лишенные век глаза. И теперь мы видим друг друга. Она прекрасна. Слава Богу. Слава Богу, ей вернули, вернули то, что мы у нее отняли. Я пытаюсь улыбнуться. Во рту у меня отрезанный член, а я пытаюсь улыбнуться. Я не могу дышать, она не проявляет жалости.

Я ее понимаю.

Я понимаю ее страдания, ее боль, понимаю, что это должно было найти выход. Боль – она ходит по кругу. И только исключительно сильный человек может сказать: нет, хватит. Слабые люди держат все в себе и, не причиняя никому зла, терпят, пока боль не разорвет их на части.

Исключительно сильный человек – это не про меня.

И не про Кирсти.

Мы обыкновенные люди, это-то и дерьмово.

Мы оба все понимаем.

За моей спиной встает солнце, и тень моя, вытягиваясь, убегает от него вперед. У меня тонкие, длинные ноги, густой покров, крупный клюв... ушей почти не видно, в плане ушей у меня особо больших-то никогда и не было, зато был нос всегда, в школе меня прозвали капитан Клюв... уши тут ни при чем, память у меня уже не та, да и слух тоже, зато мысли прояснились... у меня походка чучела из юморески, я покачиваюсь, как старичок, наложивший в штаны. Как я устал... я расправляю свои большие черные крылья...

Она уходит... не уходи, Кирсти, останься подольше, досмотри до конца... но нет, нет, нет, я слышу, как она поспешно покидает палату. Потом я слышу другой голос – истерические вопли сестры Патриции Дивайн. Она смотрит, как я курю влажную, гибкую сигару своего собственного пениса, с ужасом уставившись в мои глаза, которые уже не закроются. Я слабею, но я здесь, на поверхности; мои глаза могут двигаться, и я вижу свой конец, свисающий изо рта, и ножницы, торчащие из шеи... Патриция бежит за помощью, но поздно, потому что передо мной уже стоит Джеймисон, он наводит на меня дуло, и я слышу выстрел, и теперь всё как одна большая

Z.